

ГЛАВА 1.

На работе, как всегда, задержали допоздна, а потом ещё и маршрутка долго не шла. А когда пришла, оказалось, что люди набились в неё, как сельди. К дому я подошла вконец измученная и продрогшая. Уже предвкушала, как зайду, скину верхнюю одежду, включу горячую воду и суну под неё замёрзшие покрасневшие ладони. А потом налью обжигающего чайку, согреюсь и заодно обману пустой желудок. И спать – подъём в пять утра, фабрика не ждёт.

Но стоило мне шагнуть на нашу лестничную клетку — как сердце чуть не остановилось.

— Что это за...

Дверь в квартиру была снесена напрочь. Пробоины у замка, грязь, следы от грязных ботинок — наверное, хватило пары мощных пинков, чтобы она слетела с петель. Нутро квартиры, чёрное и мрачное на контрасте с освещённой площадкой, показалось вдвойне негостеприимным.

Что это, грабители? Почему именно к нам?

На мгновение мне показалось, что я падаю в бездну. Закружилась голова, горло перехватило, как стиснутое ледяной удавкой.

Взломали. Допрыгалась. Давно нужно было уезжать отсюда.

Когда-то престижное общежитие, за последние пять лет наш дом превратился в притон. Гопники, алкоголики и наркоманы всего города, проститутки, бандиты, сутенёры. Вот я и дождалась того, чего давно уже боялась.

Хотя это странно. Каждая кошка знает, что у Смородиновых со второго этажа нечего взять. Или это были наркоманы, которым всё едино, чью квартиру обчищать?

Подожди, Ира, не торопись. Может, ничего не взяли? Может...

Ну да, а дверь сломали по ошибке, не иначе!

Я обычно старалась не допускать мрачных мыслей, но сейчас они пробились сквозь многотонный барьер. Когда же кончится эта чёрная полоса несчастий? Особенно в последнее время, когда начал пить и распускать руки Артём, а потом заболела и умерла бабушка.

Всё пошло наперекосяк с тех пор, как исчез Линден.

Шагнув через порог, я нашарила на стене выключатель. Тусклая лампочка осветила привычную убогость: древняя тумба, накрытая бабушкиной салфеточкой, пожелтевшие, отклеившиеся кое-где обои, старый паркет ёлочкой.

Но в привычной картине было что-то непривычное. Не такое, как всегда. Не только следы грязной обуви, но и...

Покрывало в мелкий цветочек с нашей с бабулей постели валялось на входе в комнату. Какое-то скукоженное и осевшее, будто от влаги.

Я присела и потрогала его. Не показалось — мокрое.

Боже, что здесь случилось?

Тишина внезапно стала оглушающей. И в этой тишине отчётливо слышалось тихое мерное: кап... кап...

В ту же секунду, как картинка в моей голове окончательно сложилась, за спиной раздался грубый прокуренный голос:

— Явилась не запылилась, шалава?

Я обернулась. Сердце подпрыгнуло к горлу и судорожно билось где-то там.

О боже, нет, только не он.

Только не Юра.

Я боялась его до дрожи в пальцах, до тошноты. На физическом уровне. Даже сейчас на языке появился кислый привкус, закружилась голова.

Началось всё с его ухаживаний по пьяной лавочке, с постоянных приглашений «посидеть вместе и

выпить». Потом были свист вдогонку, мат и метание пустых бутылок под громкий смех сотоварищей. Я прошмыгивала мимо, вжимая голову в плечи, молясь, чтобы не попал.

Для здешних мест я выглядела непривычно: этакая девочка-ромашка, маленькая блондиночка, из породы «до старости всегда щенок». Даже сейчас, после года работы упаковщицей с шести утра до восьми вечера, когда синяки под глазами соревновались по глубине с Марианской впадиной. Эта непривычность и тянула ко мне всякую шуштуру, от педофилов до таких вот подвыпивших гопников.

А прошлой осенью, в сентябре, они как-то поймали меня поздно ночью. Избили, разложили на грязной земле рядом со скамейками и хотели было пустить по кругу — да сосед с третьего этажа с другом как раз шли домой, прогнали. После этого эпизода я стала носить с собой перцовый баллончик и дожидаться других жильцов, если по пьяным выкрикам слышала, что *эти* снова засели за излюбленным месте. Одна через двор идти опасалась.

Может, крикнуть? Но горло словно сжали в тисках, ни звука не прорывалось.

А баллончик лежал в сумке возле двери. Какая я балда!

— Чё, шкура, залила нас, да? Будешь должна. Очень много. Весь потолок попортила, шалава, — последнее прозвучало почти ласково.

— Это ты сломал мне дверь? — как назло, голос дрожал.

— Чё сразу я?.. Ну да, я, — сначала, словно по привычке, отперевшись, Юра тут же согласился. И в следующую секунду опять рассвирепел: — Деньги плати, раз залила нас! Не хочешь платить, сука, раздвигай ноги!

Он качнулся ко мне, я попыталась кинуться в сторону, но не успела. Жёсткие пальцы впились в плечо, дернули, я с ужасом услышала, как треснула дешёвая ткань пуховика. Остановилась на месте, как испуганная мышь. Идиотка, пуховик я бы сто раз потом зашила, а так — Юра обхватил меня, дыша перегаром в лицо, и повалил на пол. Оседлал, перехватил мои руки так привычно, будто ему было не впервой, принялся задирать пуховик.

Я сражалась молча, отчаянно, изо всех сил отворачивая лицо, чтобы не вдыхать ядрёной смеси перегара с вонью немытого тела. Почувствовав чужие руки на талии, взвизгнула от отвращения.

Фу, никогда!

Но, как бы я ни старалась вырваться, он был сильнее. Отчаяние накрыло меня с головой, когда его холодная ладонь нырнула за пояс брюк. Он шевелил пальцами, стремясь добраться до промежности, возбуждённо дышал мне в лицо и — ухмылялся. Этот хрен ухмылялся!

Ему нравилось то, что он делал, нравилось, что я извиваюсь под ним, моё неприкрытое отвращение. И моя беспомощность.

— Так-то, сученька, — прошептал он, склонившись к моему уху, — сейчас узнаешь настоящего мужика.

И лизнул мне ухо и щеку, обжигая алкогольным дыханием.

Я завопила.

— Заткнись! — он зажал мне рот ладонью, я впилась в неё зубами, но вышло только хуже.

Разозлившись, Юра схватил меня за шею и начал душить.

В глазах потемнело.

Кажется, на какое-то время я потеряла сознание, потому что когда пришла в себя, мой пуховик был распахнут, и Юра, неуклюже ворочая мои бёдра, стаскивал с них брюки вместе с нижним бельём.

Я даже не успела закричать: набрала в грудь воздуха, напряглась — и увидела в проёме коридора ещё одну мужскую фигуру.

По жилам побежал ледяной страх.

Юра был не один. Как в тот раз. Сейчас снова разложат меня здесь в позе морской звезды и теперь уже...

В тот миг мне даже не пришло в голову, что это странно. Юра скорее бы сразу пришёл с «друзьяшками». Трус до мозга костей, даже на незащищенную женщину один напасть он был не в состоянии.

Но это я подумала уже потом, а сейчас остановившимся взглядом уставилась на новое действующее лицо, даже позабыв на секунду, что Юра копошится в моих брюках.

Я где-то видела этого парня. Довольно высокий, непривычно одетый: в хорошей кожаной куртке, странно сшитой, правда, в замшевых, кажется, штанах. Черноволосый, как... как Линден.

Сердце пропустило удар.

Незнакомый парень смотрел на меня глазами Линдена. Ярко-синими, суженными то ли от злости, то ли от напряжения, удивительно знакомыми глазами.

Юра по-свойски полез мне между ног, и наваждение спало. Я закричала, одновременно пытаюсь спихнуть пьяного соседа с себя. Он замахнулся, хотел снова меня ударить, но уже занесённую руку перехватил незнакомец. Придерживая другой Юркин затылок, умело заломил её, так, что сосед завопил жалобным бабьим голосом.

Незнакомец молча, с непроницаемым лицом — только взгляд горел ледяной яростью — вздёнул заломленную руку вверх, и Юркин крик потряс всю нашу ветхую пятиэтажку. Сосед упал лицом вниз, но тут неуклюже, по-тараканьи, даже не поднимаясь, пополз к выходу. Вывихнутая рука волочилась за ним по полу, но мне не было его жалко ни вот на столечки.

Я поспешно вернула на место сдёрнутые брюки. Мой спаситель не смотрел, как я копошусь, следил за Юрой. Почему-то держал руку близко к поясу, словно привык, что там обычно висит оружие.

А потом, когда Юрка с грохотом и визгливыми матами скатился вниз по лестнице, обернулся ко мне.

— Ирри, — сказал он.

Ирри — так он звал меня раньше. Странное глуховато-раскатистое «р» ударило меня. Лишило дыхания. Я так давно его не слышала. Так давно, что почти позабыла.

Протянутая, чтобы помочь мне встать, рука расплылась перед глазами. Лёжа навзничь, я глотала слёзы. Это было как сказка, как наваждение. Линден не мог стоять передо мной как ни в чём не бывало — такой высокий, красивый, повзрослевший. Мой малыш Линден, задиристый, как петух.

— Это правда ты? — спросила я, приподнявшись на локте.

Тогда он не размышляя опустился на колени и обнял меня. Так сильно и крепко, что мне показалось, вот-вот захрустят кости. Но я только обрадовалась. Это ощущение словно доказывало, что мне не чудится, что он действительно человек из плоти и крови, а не моё глупое воображение.

— Я соскучился, — сказал Лин с мягким акцентом.

Я обняла его одной рукой.

Боже, как он вырос. Стал настоящим мужчиной, пахнущим дублёной кожей и уличной свежестью. Сильным широкоплечим мужчиной.

Это бросилось мне в глаза ещё сильнее, когда мы оба наконец поднялись. Я едва доставала ему до плеча, а ведь когда-то была сантиметров на пять выше. Но смутило меня не только это. Сам его взгляд сверху вниз, внимательный, неотрывный, взбаламутил что-то в глубине моей души.

Мне вдруг стало стыдно, что Лин видел меня такой: грязной, в старом пуховике, уставшей после смены. Не говоря о том, что вообще-то только что он видел, как Юра стаскивал с меня брюки!

Запоздалый румянец согрел щёки.

ГЛАВА 2.

Линден, не ведающий моих мыслей, оглянулся.

— Здесь холодно. Что случилось?

— Ох.

Я тоже оглянулась по сторонам, заново оценивая ситуацию. Схватила за плечи – от пережитого всё тело сотрясала дрожь. Хотелось помыться, за невозможностью сделать это – собрать с пола мокрое и хлюпающее под ногами бельё и обтереться, лишь бы избавиться от следа чужих прикосновений.

Что именно случилось, было яснее ясного: в квартире прорвало трубу, вода протекла к соседям. Юрка — один или с товарищами, уж не знаю — поднялся сюда. Сначала, наверное, трезвонили и пинали дверь, потом разошлись и вовсе сорвали её с петель.

Судя по тому, что больше ниоткуда не течёт, потом они додумались перекрыть стояк в подвале.

Чтобы проверить это, я открыла кран на кухне. Оттуда вытекла жалкая струйка, а потом послышалось кряхтение, как бывает, когда напора в трубах не хватает, чтобы вытолкнуть оставшуюся воду.

Перекрыли, спасибо и на этом. Покидали покрывала и вообще всё, что попало им на глаза, чтобы хоть как-то собрать воду. Естественно, никто не позаботился о том, чтобы взять в туалете тряпку. Да и разве хватило бы тряпки на это море! Даже сейчас половину квартиры заливали лужи.

Первым делом я вызвала аварийку. Приехать обещали минут через тридцать, а пока я походила по нашим двум комнатам, собирая грязное бельё и сбрасывая его в ванну. Отожму потом. И постираю.

Дело помогало забыть о случившемся, о том, что если бы Линден хоть на пять минут опоздал, Юрка добился бы своего. Стоило хоть на миг остановиться, как перед глазами всплывало его лицо, возбуждённое дыхание и холодная мерзкая ладонь, ползающая у меня в брюках.

Боже, как же это было противно. И ведь он не уймётся.

Срочно надо приводить в порядок квартиру, менять её на что-нибудь поменьше и съезжать. Вот только долги, оставшиеся после смерти ба...

Линден сначала молча следил за мной, потом начал помогать. Вместе дело спорилось веселее, и я даже начала забывать о Юрке. Но по мере того, как уходил адреналин, в душу закрадывалось отчаяние.

Ну почему всё случается так некстати?

И так денег нет, на какие шиши убирать последствия всего этого?

Руки заледенели от холода, по квартире гулял сквозняк. Я потёрла тыльной стороной ладони лоб.

Господи, когда приедет эта аварийка? Спать хотелось просто невероятно.

И тут я поняла одну вещь. Ещё одну проблему, о которой сразу не подумала.

Нам не на чем спать.

То есть кровать есть, есть и узкий односпальный диван, я могла бы постелить себе на нём, а кровать уступить Линдену. Но все одеяла, пледы и подушки – всё без исключения мокрое и грязное. Юра с товарищами не оставил ничего, даже полотенца, даже чистые простыни были сгребены с полка и безжалостно брошены на пол.

А холод в квартире стоял промозглый. Не только из-за выключенного отопления, но и из-за снесённой с петель двери. Даже если трубы починят и пустят горячую воду, всё тепло будет утекать в подъезд. А ночью обещали до минус двадцати.

Господи, мы вообще переживём эту ночь?

Я выпрямилась и застыла, не обращая внимания на удивлённый взгляд Линдена. Пыталась сообразить, откуда можно достать ещё тёплых вещей. Что-то было на антресолях, наверное, дотуда *эти* не добрались. Ещё есть мой пуховик, кожаная и плотная, но довольно короткая куртка Линдена. Мой осенний плащ с тонкой синтепоновой подкладкой. И бабушкино пальто, старое, побитое молью — я так и не смогла его выбросить. Вот и хорошо, пригодится.

— Ирри, — окликнул меня Лин, о присутствии которого я на миг совсем забыла. Он держал в руках сложенный вчетверо мокрый плед и заглядывал в маленькую комнату. — А где баба?

Баба, с ударением на вторую «а». Его всегдашняя манера говорить. Вдруг воскресшее прошлое дыкнуло мне в лицо: каких-то пять лет назад, бабушка ещё была здорова, работала бухгалтером, мы копили на моё обучение...

Слёзы снова подкатили к горлу. Я отвернулась и с трудом протолкнула сквозь глотку слова:

— Она умерла. Давно, уже полгода прошло.

Хотела было добавить, что в этом есть и его вина — но вовремя остановилась. Ни в чём он был не виноват. Да, его внезапное исчезновение нас не то что огорошило — мы с ума сходили. Но её болезнь, обнаружившаяся спустя три года, была ни при чём. Ба первая бы выругала меня, вздумай я обвинять Линдена в её смерти. Или даже себя.

Но я всё равно обвиняла. Это сидело где-то глубоко, надрывно болело: если бы... если бы я была поумнее. Умнее, удачливее, смелее. Изворотливее. Наглее.

— Ирри... — Линден смотрел на меня так, словно хотел обнять. На миг я пожелала, чтобы он так и сделал — но сразу прогнала наваждение.

Каким бы взрослым он ни выглядел, он всё равно младше меня. Я должна быть ему примером. Нельзя расклеиваться и хлюпать носом.

— Всё хорошо, — я даже улыбнулась. — Я давно отгоревала. Она бы хотела тебя увидеть. Жаль, что...

Господи, ну вот опять подкатывает к горлу этот комок.

А Линден всё же, как будто прочёл мои мысли, сделал шаг вперёд и заключил меня в объятия.

— Всё будет хорошо, — сказал над ухом его глуховатый голос. — Теперь всё будет хорошо.

Я кивнула и зарылась лицом в его кожаную куртку. В квартире было слишком холодно, чтобы снимать верхнюю одежду.

Так странно.

Линден утешает меня. А ведь когда-то я считала себя его приёмной матерью. Ба твердила, что мне просто хочется семейного тепла, а мне на самом деле нравилось представлять, что он мой сын.

Но сейчас у меня, кажется, будут с этим проблемы... Молодого мужчину, по-свойски обнимавшего меня, очень сложно было воспринимать как сына.

— Спасибо, — я шмыгнула носом. — Это насморк, я не плачу, не думай.

Линден отстранился. В его синих глазах промелькнуло что-то похожее на насмешку. Но он не сказал ни слова, лишь молча кивнул.

И пошёл в прихожую.

— Ирри, — спустя минуту оттуда послышался его голос. — Надо... вернуть.

Вернуть? Я рысцой, с грязной мокрой тряпкой в руках, поспешила к нему.

Линден рассматривал голый косяк, то место, куда крепились петли.

— Надо вернуть это... на место, — сказал он, покрутив запястьем, как и раньше часто делал, когда не мог вспомнить слово. — Где инструменты?

— Привесить дверь? Ты сможешь? — совсем позабыв о том, что держу в руках тряпку, я прижала её к груди. Это было как божественное явление. Как будто вокруг Линдена воссиял свет и запели ангелы. Он привесит обратно дверь! Мы не будем обогревать лестничную клетку!

Мокрое пятно, начавшее расползаться по блузке, привело меня в себя.

— Сейчас, погоди, — я кинула тряпку в угол и побежала в кладовку.

Инструменты у нас были, и я даже сама могла сделать кое-что по мелочам: прикрутить дверцу шкафа, прибить полочку, починить ножку стула. Когда речь заходила о чём-то большем, мы обычно просили соседей — в то время, когда тут ещё жили нормальные люди.

Я приволокла тяжёлый ящик с инструментами. Снова смутилась, когда встала перед Линденом

навытяжку, словно школьница. Он взял у меня ящик — я тащила его еле-еле, а он взял одной рукой, — поставил на тумбу и начал копаться внутри. Достал шуруповерт, стамеску, потом осмотрел петли и покачал головой.

— Будет плохо. Нужно новое, — он постучал по вырванной с мясом железной фиговине.

Снял куртку, будто перед разминкой, и повесил в стенной шкафчик.

Я невольно задержалась взглядом на его кофте — тоже необычной, непривычно яркой, как будто в национальных узорах. Они напоминали одновременно русские цветастые шали и цыганские юбки.

Украдкой я рассматривала Лина. Поразительно, как можно так измениться за каких-то четыре года. Не только рост и фигура — изменилось и его лицо. Тогда, раньше, он, хоть и вёл себя порой не по возрасту рассудительно, был ребёнком: большие глаза, вихры на затылке, тонкие руки и ноги. Сейчас даже форма лица поменялась: твёрдый упрямый подбородок, прямой нос, широкие чёрные брови. И крепкая шея в вороте кофты, ямочка между ключицами, два шнурка, устремившихся вниз, зовущих взгляд нырнуть глубже, представить тело, скрытое под одеждой.

Жар опалил лицо.

Чтобы избавиться от странного чувства смущения, я спросила:

— Где ты пропадал всё это время? Почему не звонил? Не сообщал о себе? Мы думали... что мы только ни передумали!

Я не хотела, чтобы это прозвучало упрёком — но именно так оно и прозвучало. Линден, уже присевший рядом с дверью на корточки, вскинул голову и посмотрел на меня:

— Я говорил, что уйду. Ты забыла?

С полминуты я только смотрела на него негодующим взглядом. Глупости какие-то, никогда он такого не говорил, да и куда ему идти, зачем — от нас?

А потом вспомнила.

Он ведь и правда твердил, что дождётся лета и уйдёт. Что должен. Я не слушала, думала, что это какая-то его блажь. Что он считает, будто стесняет нас, и лишь поэтому пытается освободить нас от себя.

Мы пытались его разубедить, а потом я попросту запретила ему заикаться о том, чтобы куда-то идти. И в последние месяцы перед исчезновением Линден действительно перестал говорить об этом. Только в его взгляде я иногда замечала смутное, тяжёлое сожаление.

А потом он на самом деле ушёл.

Если посчитать, он прожил с нами даже дольше, чем обещал. Я нашла его поздней осенью, избитого, раненого, полумёртвого от холода, и он провёл у нас всю зиму, лето и кусочек следующей осени. Сколько ему сейчас? Мне двадцать три, значит, ему уже должно было исполниться девятнадцать.

— Мог хотя бы оставить записку, — с лёгким упрёком пробормотала я. — Ладно я, но бабушка как волновалась...

Линден окинул меня быстрым взглядом, но ничего не сказал. Отвернулся.

Затаив дыхание, я следила, как он сноровисто работал шуруповертом. Это было какое-то чудо, где он этому научился?

И тут снизу послышались грубоватые мужские голоса. Я сперва по привычке напряглась, потом сообразила: приехала аварийка.

ГЛАВА 3.

Через полчаса, когда сантехники уехали, заменив лопнувшую трубу, я присела на кровать в большой комнате и окинула помещение внимательным взглядом.

Зрелище, конечно, ужасное. Ламинат вспух местами, хлюпал, когда на него наступали, пострадала мебель, стены внизу, плинтусы. Ремонт... одно это слово вызывало во мне панику. Какой ремонт, когда я экономлю на еде?

Но квартиру нужно приводить в порядок, иначе я не смогу её выгодно продать. Я справлюсь. Помаленьку, потихоньку... не сегодня, конечно, сегодня уже нет ни времени, ни сил.

— Ирри, — в дверном проёме показался Линден.

Я дёрнулась было вскочить, но усталость не позволила. Похлопала по кровати рядом, приглашая его сесть.

— Спасибо, — сказала с чувством.

Линден всё же ухитрился приделать дверь, пусть и со значительным зазором наверху. Он морщился и утверждал, что это никуда не годится, но я радовалась, как ребёнок. Мы можем запереться, и тепло не уйдёт наружу. Как-нибудь переживём эту ночь. А завтра... завтра я что-нибудь придумаю.

Линден вошёл, но садиться не стал. Облокотился на стену и со слегка виноватым лицом спросил:

— У тебя есть что-нибудь поесть?

О боже! Он голодный!

Я всё же вскочила, абсолютно рефлекторно. Хотела было помчаться на кухню, что-нибудь приготовить, но вспомнила, что в доме хоть шаром покати. Нет, на окне в холоде стоит баночка клубничного варенья и ещё есть пакет сухарей — я ела их иногда по вечерам, когда от голода не могла спать. Но вряд ли здоровый молодой организм, мужской, тем более, этим насытится.

— Линчик, — проямлила я, неловко сминая пальцами ткань тонкой домашней кофты (я успела быстренько принять душ, ужаснуться синякам на запястьях и шее и переодеться, пока Лин занимался дверью). — Прости, у меня нет ничего. Даже гречки...

Линден почему-то следил за моими руками и на слова не сразу отреагировал. Потом поднял взгляд. Выражение его лица было немного странным, как будто он с трудом сдерживал злость. Но только он хотел что-то сказать, как я прервала его:

— Я сбегая в магазин, подожди! У нас тут совсем рядом есть круглосуточный.

Мне стало так стыдно, что я стою тут перед ним и не могу даже ничего поставить на стол. Он вернулся после стольких лет, починил мне дверь, не сказал ни слова в упрёк, хоть и попал в разгар катастрофы. И он, наверное, устал не меньше меня. Подумаешь, завтра посижу на голодном пайке, но его голодать не оставлю. Он вон какой большой теперь стал, ему энергия уж точно нужнее.

— Магазин? — переспросил Линден. — Где он?

— Там, в соседнем дворе, — я махнула в нужную сторону.

Лин отлепился от стены и пошёл в коридор. Я выскочила следом.

— Куда ты?

— В магазин, — он уже надевал свою куртку.

— Один? Заблудишься! Замёрзнешь, в такой куртке!

— Я не боюсь холода, — он неожиданно улыбнулся и быстрым движением щёлкнул меня по носу.

Я ойкнула, отпрыгивая, схватилась за нос обеими руками. Было совсем не больно, зато щёки снова залил румянец невольного смущения.

— Подожди, я с тобой схожу.

— Сиди здесь, — Лин посерьёзnel. — Закрой дверь крепко. И не открывай никому.

— Даже тебе? — крикнула я ему вслед, пока дверь не успела захлопнуться. В ответ послышался смешок.

Заперев за Линденом, как было сказано, я вернулась в комнату изрядно смущённая. Линден вёл себя как-то не так. Точнее, это я вела себя не так, он-то был совсем как прежний Линден, в котором успешно сочетались любовь к проказам и умение вести себя по-королевски. Отдавать повеления, будучи полностью уверенным в их исполнении.

Вот и сейчас — взял и приказал мне, а я послушалась.

Ожидая его возвращения, я прилегла буквально на пару минуток. Проснулась от звонка в дверь. Вскочила, со сна ничего не соображая. Испугалась, что снова пришли коллекторы, хотя в начале месяца я уже отдала часть долгов. Хорошо хоть сразу пришла в себя и побежала в прихожую открывать.

Линден ввалился внутрь, на ходу отряхиваясь от снега. В обеих руках он держал явно тяжёлые на вид, раздувшиеся от содержимого пакеты.

— Ваши торговцы подняли цены, — сказал он со смехом. — Немного не хватило, но добрая женщина разрешила взять.

— Ой, я отдам тебе! — господи, он потратил все деньги.

Я рванулась в маленькую комнату, где в бабушкиной швейной машинке была припрятана заначка. На бегу пыталась уговорить себя, что не произошло ничего страшного. Подумаешь, до конца месяца без обедов, не так уж и долго уже до его конца, февраль месяц короткий.

Сама виновата, надо было сказать Линдену, чтобы не покупал так много. И наверняка содрали втридорога, я-то беру обычно на скидках, с истекающим сроком годности.

Я не успела добежать до тайника. Линден нагнал меня в пару шагов и схватил, заставляя остановиться. Кровь невольно прилила к лицу, когда я почувствовала спиной горячее мужское тело, обвившиеся вокруг моей груди крепкие руки.

Невольно сглотнула, обзывая себя извращенкой. Это же Линден. Я просто не привыкла к тому, что он теперь взрослый, вот и реагирую, как на незнакомца.

— Не смей вообще говорить об том, чтобы давать мне деньги.

Его голос звучал непривычно сурово. Не зло или обиженно, а именно сурово, этак бескомпромиссно. Захотелось вытянуть руки по швам и сказать «так точно».

Он отпустил меня, и я обернулась. Нашла взглядом синие глаза — настойчивые, предупреждающие. Да, он не шутит и не для вида это говорит.

— Брать деньги у женщины оскорбительно для мужчины.

О боже.

Кажется, я опять покраснела.

В попытке скрыть это ухватилась за щеки. Взглянула на Линдена чуть исподлобья и удивилась, когда непреклонное выражение на его лице сменилось каким-то другим... непонятым. Задумчивым. Он смотрел куда-то ниже, не в глаза.

И в следующий же миг отвернулся, оставив меня теряться в догадках.

Вытянув кофту перед собой, я хорошенько её рассмотрела. Может, где-то запачкалась? Или на видном месте дырка?

Да нет. Она, конечно, тоненькая, старенькая, но в полном порядке. Я пожалала плечами.

Тут с кухни донёлся грохот, а потом сдавленное чертыханье.

— Линден!

Я совсем забыла предупредить, чтобы не открывал резко шкафчик с посудой. Дверца там держалась на чистых соплях.

— Оставь, я сама всё сделаю, — я ворвалась на кухню.

Так и есть, сорванная дверца уже стояла внизу, аккуратно прислонённая к секции, а Линден ставил обратно попадавшие сковородки и кастрюли.

В ответ на мою реплику он кивнул на стоявшие на полу сетки. Снег с них успел растаять, натекла

небольшая лужа, и я схватилась за тряпку. Тем временем Линден открыл холодильник и озадаченно уставился в его тёмное нутро.

— Да он отключён, всё равно зима, — спохватилась я. — У меня не бывает так много продуктов, чтобы не обойтись было без холодильника.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Почти осуждающим. Потом покачал головой.

Я почувствовала себя неловко.

Ну конечно, он-то помнил этот дом четыре года назад. Когда тут царил порядок, счета оплачивались вовремя, бабушка хлопотала по хозяйству, а я была ещё полной надежд на будущее жизнерадостной почти-студенткой.

Теперь он вернулся, а тут бардак, отстающие от стен обои, ба вообще уже нет. И я превратилась в какое-то чучело.

Я присела и полезла в купленные продукты. Чтобы разбить повисшую между нами неловкость, пошутила:

— А приготовить мужчине еду женщина может? — и только озвучив это, поняла, что вышло очень двусмысленно.

Но Линден одобрительно усмехнулся. Кивнул. Полез за холодильник, нашёл шнур и воткнул его в розетку.

— Лин... — я только заикнулась и поймала очередной предупреждающий взгляд. Замолчала.

Пусть делает как знает. Хотя бы сегодня. Вдруг он снова исчезнет, если я стану перечить и заставлять его поступать по-моему.

Почему-то мысль о том, что Лин снова может уйти, меня ударила, аж дыхание на миг перехватило. Я даже не знала, что одиночество успело так сильно испортить меня. Разъесть. Сделать слабой и пугливой.

Что сделать, чтобы Линден остался? Чтобы ему захотелось остаться?

По-моему, до сих пор я делала лишь всё, чтобы ему захотелось скорее отсюда сбежать.

И пока он и впрямь этого не сделал, лучше приготовить ему поесть — и повкуснее.

Оказалось, что закупился он с умом: не стал брать ничего готового и дорогого, взял в основном дешёвые ингредиенты и побольше. Две полуразмороженных куриных тушки, много овощей, яйца, хлеб, масло... На столе росла горка продуктов, а я мысленно восхищалась своим маленьким мальчиком... который стал на голову выше меня.

— Лин, — осторожно спросила я его, когда картошка вместе с куриными ножками уже шкворчала на сковородке, а рядом томился суп. — Ты расскажешь, почему ушёл? И где был всё это время?

Линден сидел за столом, откинувшись на стенку, и, казалось, дремал. Но, услышав мой вопрос, лениво приоткрыл глаза.

— Я должен был уйти. Люди ждали моего возвращения. Я и так пробыл у вас слишком долго. Правда, так вышло к лучшему в итоге.

— Что за люди?

— Мои люди, — он пожал плечами.

— Родственники? Ты же вроде говорил, что у тебя никого больше нет.

Он и правда упоминал, что его родители и сестра умерли. Правда, тогда он почти не говорил по-русски и не смог рассказать никаких подробностей. Насколько мы поняли, это случилось незадолго до того, как я нашла его. Тогда же он получил длинную резаную рану, которая заживала почти месяц. Бабушке стоило приличного труда найти врача, согласившегося осмотреть и выписать лекарства мальчишке без документов.

В ответ на мой вопрос Лин только покачал головой. Улыбнулся, как будто просил прощения за немногословность.

— Ну хорошо, — отступилась я. — Тогда скажи хотя бы, почему ты вернулся?

ГЛАВА 4.

Признаюсь честно, я хотела услышать что-то вроде «соскучился по вам так, что не смог терпеть». Или хотя бы «хотел увидеться».

Но Лин ответил совсем по-другому:

— Мне нужно здесь... кое-что.

— Кое-что? Ты что-то оставил? Я продала твои монетки...

Когда Линден пропал, после него остался кошелек с золотом. Я отнесла их в ломбард, когда ба заболела и срочно потребовались деньги. Ломбардщик морщился так подозрительно, как будто я музей обчистила. Но монетки были новые, блестящие, хоть и неизвестной страны и с неизвестными знаками, так что он взял их на вес и, думаю, прилично нажился.

Он покачал головой:

— Деньги — ерунда. Хорошо, что потратила. Нет, мне нужно кое-что другое. То, что есть только здесь.

— И что же это за сакральный предмет?

Лин склонил голову, как делал, когда не понимал фразу.

— Ладно, неважно, — от сковороды поднимался слишком аппетитный запах, чтобы я могла думать о чём-либо, кроме еды. — Похоже, готово. Должно быть вкусно.

И это было вкусно. Это была пища богов. Даже сон отступил перед чувством голода.

Боже, как давно я не ела нормального, сытного ужина.

Линден тоже уплетал так, что за ушами трещало. В один миг две трети сковородки исчезло в его желудке. Я не возражала, трети мне хватило за глаза. Когда, закончив с трапезой, я сыто выдохнула и отвалилась от стола, то чувствовала себя большим раздувшимся шариком.

У Линдена тоже слегка осоловел взгляд. Не сговариваясь, мы синхронно зевнули.

— Спать! — я вскочила не без труда. После короткого отдыха тело показалось тяжёлым и неповоротливым.

Составила посуду в раковину. Помою завтра, сейчас я уже падаю от усталости.

Линден кивнул и, снимая на ходу кофту, отправился в ванную. Я вспомнила, что там лежат кучи мокрого тряпья, и рванула следом.

— Лин, там...

Он обернулся.

Я смутилась, видя его полуголым, но не успела отвести взгляд. В один миг охватила и рельефные смуглые плечи, и проработанные мышцы рук, и вообще всё тело — поджарое, сухое, влекущее.

Мне приходилось видеть мужчин голыми, я полтора года встречалась с одним парнем, даже жили вместе, но сейчас эта картина вдруг ударила мне в голову, как шампанское.

Это Лин. Это же Лин.

Господи, но он такой красивый.

Мне захотелось потрогать его. Провести пальцами по груди, по выпуклым мышцам пресса, по плоской равнине живота добраться до пупка... и ниже.

В одно мгновение щёки занялись неумолимым пламенем. Я с трудом подавила желание снова накрыть их ладонями, спрятать от внимательного взгляда Лина. Мне казалось, я чувствую, как он следит за мной.

Вскинула глаза на его лицо — так оно и было. Сто процентов заметил, что я плююсь на него. В синих глазах промелькнуло что-то вроде улыбки.

К счастью, я нашла предлог объяснить свою заторможенность.

— Что это у тебя?

На гладкой коже болтались два кулона. Один был мне знаком — с длиннотелым, встопорщившим гребень, чёрным то ли драконом, то ли морским змеем в профиль. Такое же изображение было и на монетках, которые я продала.

Этот знак Лин всегда носил на шее, с трудом уговорили снять, когда его осматривал врач. А второй был мне совершенно незнаком: крупный, тёмно-жёлтый, словно из янтаря, напоминающий скорее некую бляшку или медальон.

Лин вытащил запястья из вывернутой наизнанку кофты. Опустил взгляд на свою грудь, будто забыл, что носит на шее.

— А-а... — он коснулся пальцами жёлтой бляшки, и под его пальцами она полыхнула. — Это ключ.

— Ключ?

Что он несёт?.. Или всё верно, и это просто какой-то новый прибабас? Что-то вроде магнитного или электронного ключа, которого достаточно лишь поднести к замку, чтобы дверь открылась? Но откуда такое техническое чудо у нашего Лина?

Я зачарованно подняла руку, но не осмелилась прикоснуться. Страшно было, что пальцы случайно дотронутся до горячей кожи совсем рядом. Грудная клетка Лина, расслабленные мышцы живота едва заметно двигались в такт дыханию, и от этого движения кружилась голова.

Но, словно почувствовав несостоявшееся прикосновение, янтарная бляшка снова полыхнула.

— М-м? — озадаченно произнёс Лин. Взял украшение, повертел в пальцах. Очередной всполох.

— Почему она мигает? Реагирует на прикосновение? На батарейках?

— Я не знаю... Это странно, что он ответил тебе.

Лин снял «ключ» с шеи и на раскрытой ладони протянул мне. Я взяла. Посмотрела — цельный камень без сколов и трещин, которые могли бы обозначать вместилище для батареек.

Всё время, пока я держала украшение, оно сияло глубоким медовым огнём, как будто внутри был маленький дракончик, откликнувшийся на тепло моих пальцев.

— Здорово... Прямо как магия, — я засмеялась, но Лин веселье не поддержал.

Нахмурился, повесил «ключ» обратно на шею и без слов отправился в ванную. Тут я вспомнила, зачем вообще выбежала за ним.

— Лин, там бельё в углу, дверь не закрывается. Просто отодвинь его по возможности. Там можно пролезть, сейчас я всё покажу, — я нагнала его и хотела было шмыгнуть вперёд, но Лин перехватил меня за плечо.

— Ирри, — серьёзно сказал он, и только лукавые огоньки в глазах смягчали тон: — Не надо обращаться со мной, как с младенцем.

Я замерла с полураскрытым ртом. Ощущение было такое, словно меня окатили холодной водой. Как это не надо? Ведь он же... ну не младенец — но мой маленький Лин. Я привыкла, что он ничего не знает и ни в чём не разбирается. В некоторых вопросах он вообще вёл себя как юный феодал, например, утверждал, что отрубить руку за воровство — вполне нормальная вещь, так же как и вызвать на дуэль за оскорбление.

И раньше он принимал заботу без слова против, даже с благодарностью. А тут вдруг: «Я уже не младенец, мне не нужны твои хлопоты».

От растерянности я так и продолжала стоять на месте, словно соляной столп, и Лин выглянул из ванной.

— Ирри? Ты будешь смотреть, как я моюсь? Или хочешь со мной? — неожиданная проказливая улыбка превратила его почти в того же мальчишку, которым он был четыре года назад.

— Ой, умри, — ответила я и пожалела, что из-за груди белья невозможно хлопнуть дверью.

А так Лин только тихо смеялся мне вслед. Никакого воспитательного эффекта.

К тому моменту, как он вышел, я превратила нашу старую продавленную кровать в более или менее удобное ложе. Притащила одежду со всего дома, достала пропахшее нафталином старьё с

антресолей, и получилось вполне себе неплохое гнёздышко. Роль подушки выполняли завёрнутые в плед кофты и футболки, одеялом стали пальто ба и мой пуховик. Вдвоём с Лином мы не замёрзнем.

Идея спать вместе и греть друг друга казалась мне блистательной, пока Линден не появился на пороге. Штаны на нём были те же, прочую одежду он держал в руках и был снова до пояса голый, только теперь ещё и с влажными волосами и усыпанным капельками воды смуглым торсом.

Заготовленная фраза вырвалась из меня раньше, чем мозги подали стоп-сигнал:

— Знаешь, сегодня нам придётся спать вместе... нет ни белья, ни подушек, только кое-какая одежда.

Боже, это прозвучало как оправдание. Может, ещё не поздно всё поменять? Поспим по отдельности, подумаешь, будет немного холодно. Дверь починена, отопление работает — не замёрзнем.

Но Лин бросил взгляд на постель и кивнул. Мне показалось, он немного смутился, но виду не подал.

— Лучше оденься, — поторопила я его, и Лин послушно напялил обратно свою кофту.

Подождав, пока он уляжется, я выключила свет и нырнула под импровизированные одеяла.

Да уж, холод чувствовался. Холод, а ещё смущение. Интересно, о чём думает сейчас Лин?

Он лежал тихо-тихо, даже не слышно было дыхания. Мне вдруг стало страшно, что он пропал. Снова исчез, как тогда, четыре года назад — словно его и не существовало. Абсолютно глупый, иррациональный страх. Но этот страх заставил меня протянуть руку, пока она не упёрлась в чужое тело.

— Что? — тихим гортанным голосом спросил Лин.

Я почувствовала, как его рука встречает мою, как соприкасаются наши пальцы. Медленно, боязливо... и нежно. Ещё немного, и они переплетутся. Интимность этого жеста заставила меня покраснеть. Хорошо, что в темноте Лин ничего не видит.

Я осторожно отодвинула руку.

— Всё хорошо. Давай спать.

ГЛАВА 5.

Я лежала на столе, привязанная, с разведёнными в стороны ногами, с поднятыми над головой руками, полностью обнажённая. Надо мной, тоже обнажённый, нависал Лин. Мускулы перевивали его сухошавые руки, широкая грудь тяжело вздымалась. Глаза потемнели от желания. Лин нагнулся и провёл языком по моей щеке, начиная с подбородка.

— Моя, — сказал он низким урчащим голосом.

В первый миг я сжалась, как будто с прикосновением было связано что-то неприятное, но потом тело затопил огненный жар. Он, как цветок, распустился внизу, поднялся выше, слился в одно с возбуждением от взгляда Лина, от страсти в его дыхании, в его движениях, в пальцах, которые касались моей груди. Я вся дрожала, стремясь вырваться из верёвок, обнять Лина, притянуть к себе. Дрожала и трепетала, исходила сумасшедшим желанием, взглядом умоляя его скорее взять меня.

— Ли-ин...

Он медленно, словно наслаждаясь моим нетерпением, провёл пальцами по внутренней стороне бедра. Ближе, ещё ближе... останавливаясь каждый раз на сводящей с ума дистанции.

— Пожалуйста...

Я жаждала ощутить его внутри, хотя бы его пальцы. Но Лин только гладил нежную кожу вокруг, медлил, следя взглядом за моей реакцией. Потом склонился ко мне вплотную и коснулся языком отвердевшего соска. Я ахнула, попыталась выгнуться, шире развести ноги, но верёвки лишь сильнее врезались в тело. Лин катал во рту чувствительный кусочек плоти, посасывал, то грубее, то мягче, и от этой откровенной ласки всё плыло у меня перед глазами.

Мы были в подземелье, но холода я не чувствовала, то ли от жара из огромных каминов, то ли - и это вероятнее всего - от жара, сжигающего меня изнутри.

— Ли-ин, — повторила я умоляюще, почти готовая захныкать от нетерпения, от сладкой муки его языка.

И Лин поднял голову, посмотрел на меня, будто проверяя, готова ли я. Его тёмный взгляд поглотил меня полностью.

Я подалась вперёд, верёвки исчезли, как не бывало, и, крепко обхватив Лина ногами и руками, я наконец потянула его на себя...

И проснулась.

Ещё не рассвело и, судя по тому, что мой телефон мирно лежал рядом на тумбочке, будильник тоже пока не звонил. Значит, нет и пяти. Да и я совсем не чувствовала себя выпавшейся, голова была ватной, а воспоминания о сне — чересчур живыми. Мне даже на миг показалось, что сон ещё продолжается, потому что приятное ощущение в груди повторилось, и внизу живота у меня мгновенно отреагировало томительной судорогой.

Я поняла, в чём дело, когда увидела, что ладонь Лина накрывает мою грудь. И не только накрывает, но и медленно движется, то и дело задевая сосок.

Похоже, я слишком громко втянула в себя воздух, потому что ладонь остановилась. Надеюсь, это его не разбудило, было бы так стыдно потом глядеть друг другу в глаза. Я издала едва слышное «м-м», делая вид, что только проснулась, и потянулась за телефоном, мягко выскользывая из хватки Лина.

Посмотрела — без десяти пять. Что ж, хоть и проснулась до будильника, доспать уже не удастся. По опыту знаю, что мелкие «досыпы» на пять-десять минут только вредят, потом весь день ходишь, как варёная рыба. Но так не хотелось вылезать из тёплой постели.

Так и быть... ещё три минуточки.

И я нырнула обратно в нагретую нами постель. Не удержалась от того, чтобы посмотреть на Лина, хоть и мельком. Чёрные ресницы были крепко сомкнуты, губы расслабились, и он выглядел спящим принцем.

Сердце ёкнуло. А он стал красивым парнем. Он и мальчишкой был симпатичным, правда, больше походил на коротко стриженную девочку. А сейчас... я бы, пожалуй, хорошенько подумала, начни такой за мной ухаживать.

Эти мысли, забытые за последний год, удивили меня саму. Когда я последний раз заглядывалась на парней? Ещё до болезни бабушки, это точно. А может, перестала и раньше, всё же Артём дал мне хорошую прививку против того, что обычно называют любовью, и что на поверку оказывается лишь эгоизмом и желанием использовать близкого на всю катушку.

Я снова легла, как и раньше, повернувшись к Лину спиной. Мысленно пожелала, чтобы он опять приобнял меня. И через пару минут моё желание исполнилось: Лин перекинул через меня руку, обнял, плотно прижимая к себе.

Я затаила дыхание от силы этого полуобъятия и от того, что дыхание Лина теперь ворошило волоски на моей шее. Тёплое, удивительно родное. Так же, как и его тяжёлая рука, теперь по-хозяйски покоившаяся на мне. Господи, как же хорошо.

Только в районе задницы я вдруг почувствовала горячий твёрдый предмет. Поёрзала попой, пытаюсь наощупь определить, что это. Ведь не может быть, чтобы это было... то, что я думаю, это есть.

О боже, да чем же ещё это может быть!

Ясен пень, это его член!

От осознания, что я сейчас тут всюю ёрзала задницей, я покрылась холодным потом. А потом откинула наше импровизированное одеяло и быстро вскочила с кровати. В этот самый миг осветился мой мобильник и заиграл бодрую мелодию.

Лин пробормотал что-то и отвернулся, прикрывая глаза локтем.

— Ой, извини, — я подобрала телефон и ретировалась в ванную.

На ходу твердила, как мантру, что ничего не произошло, что это всего лишь утренний стояк, что это бывает у всех парней, что нечего смущаться, как будто я с мужчиной ни разу не спала.

Но моё отражение в зеркале над раковиной — раскрасневшейся, встрёпанной со сна, до чёртиков смущённой девочки — явно сказало мне одну вещь.

Все остальные мужчины — это все остальные мужчины. Лин — это совсем другое.

Прошла неделя после того, как Лин вернулся. Удивительно было, как быстро он снова стал частью моей жизни, как будто никогда не уходил. Теперь мы ночевали отдельно: я в маленькой комнате, куда мы перенесли диван, Лин — на кровати в большой, проходной. По утрам он спал долго, и я мышкой прошмыгивала мимо него. Иногда останавливалась полюбоваться.

Мне так нравилось видеть его здесь, в этой квартире, вот таким: спящим, беззащитно расслабленным. Во сне суровое обычно выражение лица мягчело, делалось моложе — если так вообще можно сказать о девятнадцатилетнем парне. Глядя на него, я впервые понимала смысл выражения «спать как младенец». Лин спал так, словно не ведал никаких забот. В этом я ему немного завидовала.

Мы понемногу приводили квартиру в порядок: Лин нашёл где-то парней, которые помогли ему поправить дверь, приделал дверцу кухонного шкафчика, притащил откуда-то плинтусы и поменял старые, разбухшие и потрескавшиеся от воды. А я ободрала кое-где отставшие от стен обои, выстирала грязные вещи (часть, правда, пришлось выкинуть) и вымыла до скрипа пол.

Ещё Лин запретил мне тратить деньги на еду, и я лишь диву давалась, видя, как в холодильнике сами собой появляются продукты.

Во всём этом был только один минус. Мы почти не виделись.

У меня весь месяц были дневные смены, я вставала в пять и возвращалась в восемь, а Лин целиком отдался ночной жизни. Иногда мы встречались утром за завтраком или вечером за ужином, но чаще я заставала его спящим по утрам и отсутствующим по вечерам. Только приготовленная в расчёте на Лина еда исправно исчезала.

А где-то через неделю после потопа, когда я вернулась домой и пила на кухне чай, расслабленно читая, в дверь позвонили, а следом застучали. Судя по звуку — ногами.

Лин, как всегда, где-то пропадал, и в эту минуту я об этом очень пожалела. Открывать ужасно не хотелось, предчувствие просто вопило, что из этого не выйдет ничего хорошего. Но стучали с такой силой, что ещё немного — и нашу дверь снова сорвут с петель.

— Сейчас! — крикнула я, подходя.

Если это Юра, я не открою. Вызову полицию, скажу, что мне ломают дверь, что пьяный сосед снизу хочет убить меня. Вряд ли они приедут, если просто сказать, что боюсь изнасилования.

— Давай открывай, сосалка!

Даже заглядывать в глазок не пришлось. От одного звука его голоса меня пробрала гадливая дрожь. Юра своей собственной отвратительной персоной.

Боже, что делать? На худой конец, я могу спрыгнуть с балкона, пока он пытается выломать дверь. Или попробовать уже позвонить в полицию? Ни за что не открою.

Я несмело посмотрела в глазок. Хотела проверить, один ли там Юра.

Он был не один, но — чего я никак не ожидала — не в компании своих обычных собутыльников, а вместе с какой-то женщиной средних лет. Полная, в длинной наполовину расстёгнутой шубе, на лице выражение вселенского презрения и осознания собственного достоинства, углы рта стремятся вниз.

Заметив, что глазок блеснул светом, эта женщина пренебрежительно сообщила, глядя куда-то вбок:

— Ирина Витальевна Смородинова? Откройте, пожалуйста, будем разбираться по поводу залива.

Залив? Господи, она из управляющей компании. Юра нажаловался.

Непослушными руками я повернула замок. Оставила в пазах цепочку, чтобы непрошеные гости не смогли ворваться. Даже в сопровождении явно чиновничьего вида женщины я опасалась Юры. Невольно сжалась, снова увидев его лицо так близко. Нахлынули воспоминания: его холодные руки на моих бёдрах, тяжёлое тело, придавившее к полу, запах нечищенных зубов и перегара.

Юра, кажется, и сегодня был немного навеселе, глаза блестели пьяным блеском. Под правым был почти заживший фингал. Погладив меня масляным взглядом, с превосходством улыбнувшись, Юра взмахнул какой-то бумажкой и спросил:

— Ну что, Смородинова, по-хорошему будем договариваться или по-плохому?

— Девушка, снимите цепочку и дайте нам войти, — вмещалась женщина, не дав мне произнести ни слова.

Я помедлила, но потом решительно помотала головой:

— Нет.

Юра порывался что-то сказать, но женщина вскинула руку, и он замолчал.

— Вы хотите решать дело через суд? — спросила она у меня. — Думаю, это можно устроить. Правда, в таком случае вам придётся не только возмещать ущерб, но и судебные издержки.

Ущерб... издержки... Слова отдались эхом в моей голове. Деньги. Снова нужны деньги.

— Девушка, — чиновница нетерпеливо постучала по двери ногтями. Звук заставил меня передёрнуться. — Вы так и намереваетесь держать нас на пороге?

— Что вы от меня хотите?.. — прозвучало это совсем беззащитно, я и сама поняла.

— Сто тыщ, — ухмыльнулся Юра, снова помахав бумагой. — Вот у меня актик. Комиссия, все дела. Понимаешь, Смородинова? Нюхни, чем пахнет, — он протянул в щель кулак — прямо к моему носу.

Я с трудом подавила желание прищемить ему руку и только отдернула голову.

Сто тысяч? Что он несёт! Это почти в десять раз больше, чем вся моя зарплата, а ещё надо платить за квартиру, отдавать проценты и сами долги. И ремонт...

ГЛАВА 6.

— Чтобы решить дело в досудебном порядке, пострадавшая сторона готова удовлетвориться возмещением причинённого ущерба, — снова заговорила женщина, поглядывая на часы. — Если вы немедленно выплатите требуемую сумму, я заверю, что претензии удовлетворены. Если нет, то смею уверить, платить придётся куда больше.

— У меня нет столько денег. Вы с ума сошли...

— Давай сколько есть, — жадно усмехнулся Юра. — Золотишко тоже давай, что у тебя есть ценного? Кошелёк тащи, шкура.

Я сделала движение захлопнуть дверь, и Юра ловко вставил в щель ногу в старом кроссовке.

— Куда! Деньги давай, а то снова дверь твою блядскую снесу к херам!

— Ирина Витальевна, — почти одновременно с ним сказала женщина, — в последний раз предлагаем решить дело миром. Вот пострадавшая сторона утверждает, что согласна на меньшую сумму. Сколько вы можете сейчас заплатить? Давайте начнём с этого. Юрий, покажите Ирине акт.

Юра сунул мне под нос бумагу, где чёрным по белому указывалась оценка ущерба. У меня упало сердце. Всё было так, как он и говорил: перечень ущерба и оценка комиссии — сто тысяч рублей. Неужели мы так сильно их залили?.. Это какая-то невозможная сумма. Но всё было официально, с печатями и подписями свидетелей. Напротив моего имени было написано: «причинитель вреда» и «отказалась подписать».

— Вы с ума сошли?.. Я даже не видела этого акта, ничего я не отказывалась!

— Хотите осмотреть квартиру? — быстро спросила женщина.

Юра ухмыльнулся, окидывая меня очередным влажным липким взглядом. Он будто говорил: давай, вылезай из норки, мышка.

— Нет, — буркнула я.

Но положение оставалось безвыходным. В кошельке у меня лежит шестьсот рублей, в записке в швейной машине — не больше семи тысяч. Господи, да если бы я даже в долг такую сумму взяла, я её год отдавать буду.

Паника подкатывала к горлу. Ноги начали дрожать, и я привалилась к стене, чтобы не видеть в щель жадные выжидающие лица и чтобы они не видели моего отчаяния.

Господи, опять долги? Что будет, если я не заплачу? Посадят в тюрьму? Это вряд ли, но квартиру отберут точно.

— Девушка! — по двери снова постучали. — Пустите нас, и договоримся по-хорошему.

Я молчала, и следом донёлся голос Юрки:

— А чё она, я сейчас возьму и снесу эту дверь к херам. Схожу ребят позову. Эй, Смородинова! Щас будет веселуха, — он засмеялся неприятным булькающим смехом.

— Подождите... — я снова выглянула, хотела попытаться ещё раз убедить их, что денег у меня нет.

Юра молниеносно сунул в щель руку и схватил меня за кофту. Подтащил к себе, невзирая на то, что я изо всех сил упиралась руками. Ткань жалобно затрещала.

— А ну открывай, шкура, —дохнул он мне в лицо. Я зажмурилась и задержала дыхание от вонючей смеси алкоголя и полупереваренного лука.

Всем телом навалилась на дверь, зажимая его руку между створкой и косяком. Юра выругался и отпустил меня. Дверь захлопнулась, но в неё тут же принялись стучать. Спинай я чувствовала, как она содрогается под ударами.

— Ща, погоди, шваль! — донеслось до меня.

А потом спокойный голос со знакомым мягким акцентом:

— Что здесь происходит?

Лин!

Слова не могли передать переполнившее меня облегчение. Позорище так полагаться на кого-то, кто младше тебя, но при звуке его голоса я мгновенно успокоилась.

Теперь всё будет хорошо.

Я осторожно приоткрыла дверь, по-прежнему не снимая с цепочки. В щели показался стоящий у лестницы Лин, настороженно оглядывавший площадку.

— Совершенно ничего, — быстро ответила чиновница. — Мы уже уходим.

— А-а, козлина! — набычился Юра. — Это ж он мне фонарь под глаз привесил!

Юркин фингал — дело рук Лина? Когда успел? Неужели прямо в тот день, когда спас меня от него? Боже, он сказал, что пойдёт в магазин, а сам отправился в тот притон на первом этаже!

Мне вспомнилась тихая ярость, с которой Лин смотрел на мои синяки, оставленные руками Юрки. Я представила, как он стучит в дверь соседа — или просто раскрывает пинком — находит в квартире Юрку, суёт ему в рожу и молча уходит. Это было так похоже на Лина, что я чуть не улыбнулась.

— Вы из этой квартиры? — сориентировалась чиновница. — Мы пришли по поводу залива.

Она высыпала на него тот же ворох внушительных фраз, что незадолго до этого на меня. Несколько раз повторила про нанесённый ущерб и про сто тысяч.

Лин молчал, не спуская глаз с Юры. Тот, видимо, решил отдать ведущую роль женщине и, сгорбясь у стены, выжидал окончания переговоров.

— Ирри, — позвал меня Лин. — Ты их знаешь? Они говорят правду?

Я только помотала головой, чувствуя себя жалкой и беспомощной.

— Не знаю, но у нас нет столько денег.

Лин перевёл глаза на женщину:

— Вы слышали? Уходите.

— Вы что, думаете, вам это с рук сойдёт? — взвизгнула та. — Юрий! Разберитесь!

Юра взревел что-то неразборчивое, но угрожающее. Испугавшись за Лина, я метнула взгляд вглубь квартиры. Где-то там лежит телефон, надо вызвать полицию. Или нет — нельзя, потому что полиция наверняка примет их сторону.

— Господи, бандит! — крик женщины заставил меня снова посмотреть на площадку.

И я обомлела, потому что Юра уже лежал, схватившись за живот, и громко стонал, а Лин — мой Лин — сжимал в правой руке нечто совершенно с ним не вяжущееся.

Пистолет.

Причём сжимал привычно, уверенно, было видно, что ему не в новинку управляться с оружием. Отодвинулся от стены, открывая дорогу:

— Уходите.

Женщина сначала ступала медленно, осторожно, словно ожидая выстрела в спину. Затем повернула на другой пролёт и тогда уже ринулась вниз быстро, как испуганная лисица. Длинная рыжеватая шуба усиливала сходство.

Уже снизу крикнула:

— Я этого так не оставлю! Ждите повестки в суд! Всё отдадите, ещё и приплатите!

Лин посмотрел на меня. Я медленно, не чувствуя рук, прикрыла дверь, сняла цепь и снова открыла. Суд. Это было страшное слово.

— Не бойся, — тихим гортанным голосом сказал Лин. Спрятал пистолет и шагнул ко мне, обнял.

Я уткнулась лицом в его холодную с улицы куртку. Она пахла снегом, морозом и Лином. От раскрытого ворота шло тепло, и мне, как кошке, вдруг учуявшей запах съестного, захотелось уткнуться туда носом.

Пришлось поспешно отстраниться. Руки Лина, обвивавшие мои плечи, сползли, оставляя смутное

чувство потери.

— Пойдём, — зато его пальцы вдруг коснулись моей ладони. Уверенно сжались. Такая мелочь — но мне мгновенно стало спокойнее на душе.

Я вспомнила о Юрке. Сосед по-прежнему валялся в углу площадки.

— Ты его не убил? — спросила я дрожащим голосом.

— Что ты, — Лин усмехнулся. — Ударил разок, он и свалился. Ты хочешь, чтобы я убил его?

— С ума сошёл! — теперь я потянула его в квартиру. Но стоило зайти, как меня охватила неуверенность. Я накрыла щёки руками. — Господи, Лин, что ж теперь будет... они ведь вернуться, это точно. Она из управляющей компании. Будет суд...

Линден захлопнул дверь, закрыл на замок. Встал передо мной. Я смутилась под пристальным синим взглядом.

— Она сказала «сто тысяч». Это ведь очень много, я правильно понимаю?

Я горестно кивнула. Это не просто очень много. Это больше, чем я могу представить.

Лин раскрыл куртку, вытащил кожаный кошелёк.

— Если хочешь, можешь отдать ей это, — на тумбе одна за другой появлялись цветные бумажки. Десять тысяч, пятнадцать, двадцать...

— Боже, Лин... Откуда?

Конечно, ста тысяч там не было. Ровным счётом шестьдесят. Но я всё равно не могла поверить своим глазам.

Господи, он принёс их с собой? Или скопил за время, проведённое здесь? В любом случае я не имею права отдавать им деньги Лина. Даже займы брать у него не хочется. Тем более, нет гарантии, что та чиновница удовлетворится лишь частью суммы — особенно после того как Лин её прогнал.

И пистолет. Будет судебное разбирательство, может быть, Лина даже арестуют.

Я схватила его за руки:

— Тебе нужно уходить.

Он непонимающе сдвинул брови.

— Тебя будут искать, у нас нельзя носить оружие.

Лин усмехнулся. Достал, взвёл курок — или что там взводят — и вдруг, направив дуло в стенку, выстрелил. Я ахнула, но пистолет лишь громко рявкнул и дёрнулся в руках Лина. На стене не осталось и следа от пули.

— Патроны кончились, — с явным сожалением прокомментировал Линден. — Уже давно. Собственно, поэтому я и вернулся. Точнее, это одна из причин.

— А другие?

Он посмотрел на меня и улыбнулся. А потом вдруг наклонился и положил руки мне на плечи:

— Я и так уже собирался уходить.

Странно, я понимала, что так будет лучше, что это единственно верное решение, но под ложечкой всё равно засосало, и на мгновение воздух перестал проходить в лёгкие.

Вот и всё. Больше я его не увижу.

В глазах Лина что-то промелькнуло:

— Пойдём со мной, Ирри. Тебе нельзя здесь оставаться.

— С тобой?..

Он кивнул.

— Если ты пойдёшь со мной, больше никто не станет требовать у тебя денег. Тебе не придётся

больше, — Лин обвёл глазами прихожую, и на его лице появился непонятно на кого направленный гнев, — жить... тут.

Его взгляд снова вернулся ко мне, и выражение лица смягчилось.

— Идём со мной, — повторил он.

— Как это... — я огляделась. — Всё оставить? А квартира? А моя работа?

— Тебе не придётся работать.

— Какой ты, — я понемногу приходила в себя и улыбнулась уже легче. — Прямо царь, бог и король.

Лин кивнул. Я улыбнулась было, приглашая его посмеяться, но он оставался абсолютно серьёзным.

ГЛАВА 7.

Ничего не ответив, прошёл вглубь квартиры. Я отправилась следом и нашла его стоящим перед комодом в маленькой комнате. На комод, на беленькой связанной ба салфетке, красовалась в рамке фотография: я, ба и маленький большеглазый Лин.

— Возьми это, — кивнул Лин мне. Повернулся, рассматривая комнату, как будто искал другие ценные вещи.

Я взяла в руки фотографию и застыла, не зная, что делать. Он серьёзно собирается куда-то меня увести? Или это такая игра?

Если это и была игра, то очень обстоятельная. Лин заставил меня взять большой рюкзак, сам прошёл по квартире, спрашивая, дорог ли мне тот или иной предмет, готова ли я его больше никогда не увидеть. Покидал сам кое-какие вещицы, отбирая по совершенно не понятному принципу: зажигалку для газовой плиты, фонарик, бабушкин древний, советских времён будильник, бельевую верёвку, складной зонт.

Мне казалась странной целеустремлённость Лина, но всё это непонятным образом успокаивало. Мы, словно дети, притворялись, будто и впрямь отправляемся в дальний путь. Я догадывалась, как закончится эта игра: мы доедем до вокзала, я посажу Лина на поезд — наконец узнаю, откуда именно он родом — и мы расстанемся навсегда.

Навсегда. Одна мысль об этом повергала меня в панику, и я старалась на ней не задерживаться.

Когда мы закончили со сборами и вышли на площадку, Лин запер дверь и обернулся ко мне.

Тусклый свет делал его старше: сурово сжатый рот, глубокие впадины глаз, тени на скулах.

— Ирри, — сказал Лин серьёзно. — Сейчас, с этой минуты — я твой повелитель. Ты должна слушаться меня беспрекословно.

Точно игра. Ролевая. «Повелитель», смотри-ка! Я постаралась скрыть невольную улыбку. Послушно ответила:

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин.

Лин так вошёл в роль, что даже не улыбнулся.

Выйдя из подъезда, мы отправились почему-то не в сторону вокзала и даже не на остановку — а в ближайший ломбард. Я знала его: именно здесь я когда-то сбывла с рук оставшиеся от Лина монетки. Удивилась тому, что Лин, как оказалось, тоже тут бывал.

Он остановил меня перед дверью, снова взял за плечи и внимательно посмотрел в глаза:

— Сейчас я поменяю все наши деньги. На золото и серебро.

Я задохнулась от удивления и возмущения. Он сошёл с ума?

Но стоило раскрыть рот, чтобы осыпать Лина градом возражений, как он перебил:

— Помнишь, в чём ты поклялась только что? Мне нужно, чтобы ты полностью мне доверяла. Беспрекословно, не задавая вопросов. Понимаешь?

Вот теперь это перестало походить на игру. Лин явно что-то затеял, и меня пугало, что я в его затею посвящена не была. Он ведь не разбирается в наших реалиях. То есть разбирается, но не всегда именно так, как надо.

— Что ты задумал?

Разумеется, никакая клятва не заставит меня молчать, когда Лин собирается сделать какую-то глупость.

Его синий взгляд метнулся между моими глазами, как будто Лин не мог решить, в какой смотреть. А потом он вдруг хитро улыбнулся, словно ему в голову пришла чудесная идея, крепко взял меня за воротник, притянул к себе и поцеловал.

Быстро чмокнул в губы, так мимолётно, что я едва успела ощутить прикосновение — но даже так меня словно ошпарило. В один момент исчезли все мысли, в голове стало совсем пусто.

Что это было?!

Это... это ошибка какая-то? Может, какой-то странный обычай с его родины? Может, это вместо приветствия у них?

Как бы то ни было, своим поцелуем Лин полностью отшиб мне охоту возмущаться и вообще разговаривать. Провёл меня внутрь и долго выбирал всякие золотые и серебряные украшения — а я стояла, спрятав нижнюю часть лица в шарф, потела в наглухо застёгнутом пуховике и краснела, вспоминая прикосновение его губ.

Я, наверное, извращенка. Он сто процентов ничего такого не имел в виду. Я просто неправильно всё поняла.

— Ирри.

Обращение заставило меня вздрогнуть. Я смущённо подняла глаза. Лин смотрел как всегда, и это только лишний раз уверило меня в мысли, что для него поцелуй в губы ничего не значит.

— Там, куда мы идём, не в ходу ваши деньги, — пояснил Лин. — Зато красивые вещи — ценятся везде.

— Мы же можем просто поменять деньги. В банке или обменнике.

Игра заходила чересчур далеко. Лишиться всех денег взамен на сомнительные украшения? А потом менять обратно? Я уже открыла было рот, чтобы возмутиться и потребовать скорее уйти отсюда, но Линден напомнил:

— Ирри. Ты обещала.

Вот только мне вспомнилась при этих словах совсем не шуточная клятва слушаться Лина во всём, а его недавний поцелуй. Я испугалась, что он снова заткнёт мне рот испытанным способом, и поспешно уткнулась в шарф.

Тем временем Лин быстро выбрал украшения, заплатил, и ему передали прозрачный пластиковый пакет с купленным. Он занял место в рюкзаке, Лин повернул меня лицом к выходу и осторожно, но непреклонно вывел на улицу.

Стоило нам очутиться снаружи, как я ужаснулась сделанному:

— Это уже не шутки, Лин! Давай вернёмся и скажем, что передумали.

Он молча, не слушая, тащил меня к остановке. Я вырвалась:

— Линден!

Он обернулся. Глаза метали молнии. Я не узнала моего Лина в этот момент: передо мной стоял князь, генерал, человек, привыкший к абсолютному повиновению. Он смотрел на меня сверху вниз, ноздри гневно раздувались.

Не знаю, чего именно я испугалась. Лин никогда бы меня не ударил и до сих пор ни разу не дал основания сомневаться в его хорошем ко мне отношении — но эта незнакомая аура, какой-то ореол власти, внушающий трепет — всё это оглушило меня и вмиг усмирило.

— Извини, — брякнула я, лишь бы он скорее обратно превратился в привычного мне Лина.

Не вышло, но Лин хотя бы перестал так буравить меня взглядом. Молча кивнул, взял за руку и повёл на остановку маршрутки.

Мы долго тряслись в старой и побитой полупустой машине. Лин посадил меня к окну, я только спросила, куда мы едем, получила в ответ: «Увидишь» — и больше мы не разговаривали. Впрочем, я отключилась уже минут через пять после того, как мы сели.

Проснулась от того, что Лин осторожно тряс меня. Оказалось, во сне я съехала головой ему на плечо, да так и спала. Хорошо, хоть слюни не пускала.

Мы вышли в белое, засыпанное снегом поле. Маршрутка быстро задраила двери и уехала, а я оглядывалась, пытаюсь понять, где мы вообще находимся. Явно за городом, судя по редким мало освещённым зданиям и дорогам, которые выглядели так, словно никогда не видели снегоуборочной машины.

Пока я озиралась, Лин уже пошёл куда-то по едва заметной в снегу тропинке, да так уверенно, будто отлично знал дорогу. Спohватившись, я побежала следом. Упусти я Лина, и обратной дороги

ни за что не найду, так и замёрзну тут в снегу.

Через пять минут мы подошли к длинному приземистому зданию с большими буквами на торце: «Стрелковый тир «Сафари». Свет горел только над входом, освещая железную дверь. Похоже, время работы давно закончилось. Неудивительно, ведь на часах уже перевалило за полночь.

— Зачем мы сюда пришли? Лин.

Не обращая внимания на меня, Лин постучал в железную дверь. Кулаком, потом пяткой. Выбоины и грязь на металле показывали, что этим способом тут пользуются часто.

Минута ожидания — и в непроницаемой пластине открылся круглый глазок.

Лин махнул рукой. Внутри глухо завозились, бряцнули ключи. Раздался звук открываемого замка.

— Прив, ты сегодня рано, — дверь распахнулась, открывая взору освещённый коридор и стоявшего на пороге высокого худощавого парня в чёрной футболке и серых штанах. — О, ты не один?

Они с Лином обменялись рукопожатием.

— С девушкой, — Лин оглянулся.

ГЛАВА 8.

Я улыбнулась, встретив любопытный взгляд из-под лохматой чёлки. Приветственно помахала, про себя думая, что это прозвучало так, будто Лин представил меня как *свою* девушку. От этого внутри словно растопилось маленькое горячее солнце.

— Фига, — парень расплылся в улыбке. — Ну заходите, раз такое дело.

Он был немногим старше Лина. Довольно обычный по внешности, не сказать, что очень симпатичный. Но мне он понравился, уже хотя бы потому, что, похоже, они с Лином дружили.

В тире царил полумрак, но коридор перед дверью и стойка, за которой пустивший нас парень, видимо, коротал время с ноутбуком и кружкой чая, были освещены. Ещё горело электричество прямо над зелёными мишенями на другом конце стрелкового поля.

Мне стало жарко в пуховике. Я дёрнула молнию, и парень махнул рукой на стоявший в тени диванчик:

— Положи куда-нибудь.

Лин уже по-хозяйски ходил по помещению. Я едва успела подумать, что, судя по всему, он часто здесь бывает, как Лин обернулся к парню, и в его руке появился пистолет.

Я ахнула, а Лин сказал незнакомым жёстким голосом:

— Извини, друг. Держи руки на виду и садись на стул, — он пинком отправил стул на середину помещения. — Ирри, достань верёвку.

Я застыла на месте, не понимая, что происходит. Снова какая-то игра? В рюкзаке и правда была бельевая верёвка, Лин ещё попробовал её на прочность, когда мы собирали вещи. Но...

— Ты чё, охерел?

Похоже, не одна я была в шоке. Лохматый парень тоже застыл, не сводя глаз с пистолета. На его лице сменялись самые разные эмоции, от удивления до злости.

— Ирри! — рявкнул Лин, метнув на меня гневный взгляд.

Напряжённый голос и выражение его лица пугали. Я потянулась к рюкзаку. В голове была неразбериха.

Лин же сказал, что патроны кончились. Значит, он блефует. Ради чего? Что он задумал? Или они с этим парнем сговорились разыграть меня? Вряд ли, или придётся допустить, что они очень умелые актёры.

Готовясь к тому, что в любой момент оба покатаются со смеху, я достала верёвку.

— Ты что, хочешь тир обнести? — спросил в этот момент парень. Голос его был вполне спокойным, хотя только что он поливал Лина матом. — Совсем с катушек слетел? Тут камеры везде, тупка.

Я уже встала и собиралась отдать верёвку Лину, но при звуке этих слов похолодела. Оглянулась в поисках камер. И правда, в углу висел кругленький чёрный приборчик.

Неужели Лин и правда задумал ограбить тир? Зачем? Во что он впутался?

Его пистолет, те невозможные по моим меркам деньги... теперь вот попытка ограбления. Неужели мой Лин — преступник? Нет, не верю. Но его могли обмануть. Он сам не понимает, что делает и какое наказание за это полагается.

— Привяжи его, — резко сказал Лин. Он держал своего друга на мушке и не смотрел на меня. — Крепче.

Я бросила верёвку на пол между нами, и она свернулась, как мёртвая змея.

— Нет!

Он же не будет заставлять меня. Да и не сможет одновременно угрожать другу и привязывать его. А тот замолк, только переводил взгляд с Лина на меня и обратно.

Мне ведь достаточно лишь сказать, что пистолет не заряжён. Парень кинется на Лина или просто нажмёт вызов полиции, ведь где-то есть эта секретная кнопка. Приедет наряд, и всё будет кончено.

— Ирри. Ты обещала верить мне.

Я вздрогнула, как будто меня хлестнули.

«Мне нужно, чтобы ты полностью мне доверяла».

Когда я соглашалась, я не думала, что Лин затеет что-то настолько дикое. Мне вдруг показалось, что я совсем его не знаю. Что он делал, с кем связался за эти четыре года?

Камера в углу исправно мигала красным огонёчком. На записи всё будет видно: и как Лин достал оружие, и как приказывал мне связать лохматого, и как я повиновалась. Вооружённое ограбление — или как там это квалифицируется? А с другой стороны — если я пойду с Лином, куда бы он ни собирался меня увести, может быть, полиция не сразу нас найдёт. Наверняка у Лина есть какой-то план, а со временем я, может быть, сумею убедить его вернуться в нормальную жизнь.

И самое главное.

Кроме Лина, у меня никого больше нет. Может, он и влез в криминал, ступил на плохую дорожку. Но разве я могу из-за этого от него отрекаться?

— Прости, пожалуйста, — шепнула я лохматому парню, подбирая верёвку.

Тот мотнул головой, но под взглядом Лина послушно подал руки, чтобы я могла их связать.

— Да пошла ты! Вместе со своим поделником сидеть будете. А я ещё подумал, ты нормальная, — с горечью бросил он.

— Заткнись, — приказал ему Лин. Его глаза горели мрачным блеском. — Да, я паршиво поступил с тобой, не по чести. Но мне необходимо то, что хранится здесь. Я в ответе за свой народ. А для вас всё это — игрушка, забава сытых жирных горожан. Но я сделаю всё для того, чтобы тебя ни в чём не обвинили. Даю слово.

Лохматый оторопел, да и я на миг остановила движения. Свой народ? Мне представились длинные грузовики с оружием, нелегально пробирающиеся по горным перевалам. И Лин, с гордостью сдёргивающий покрывало с уложенных рядами винтовок, когда груз прибывает на место. А вокруг бородастые горцы, выглядевшие в моём воображении точь-в-точь как исламские боевики.

Лин убрал пистолет, подошёл и проверил, хорошо ли я затянула узлы. Видимо, не очень, потому что он усмехнулся и сноровисто перевязал в нескольких местах. Удовлетворённо кивнул.

В следующие пару десятков минут он ходил куда-то и приносил оружие и патроны. Укладывал на полу. Он не просил меня помочь, и я молча сидела на краешке дивана. В голове плясали страшные картинки: война, окопы, парни в камуфляже. Лежащий в пыли Лин с мёртвыми глазами и кровавой дыркой от пули во лбу

Наконец он принёс последнюю партию, вытер выступивший на лбу пот и устало улыбнулся мне:

— Скоро будем дома, — в голосе слышалось облегчение. — Потерпи.

Он зашёл за стойку администратора, но почти сразу вышел.

— Я вызвал ваших вояк, — сообщил он лохматому парню. — Через пятнадцать минут они будут здесь.

— Ты сам вызвал охрану?! — тот обмяк в верёвках. — Ты больной? На фига?

— Я же сказал, что тебя ни в чём не обвинят. А теперь — прощай.

При этих словах парень напрягся, его взгляд опустился на карман куртки Лина, где исчез пистолет. Я тоже невольно испугалась этого «прощай». Не может быть, Лин не посмеет убить человека!

Но Лин лишь сорвал с шеи янтарный амулет и с силой грохнул его о пол. Вспышка ослепила меня, а шипение и нечто вроде звуковой волны, прошившей насквозь, заставили вскрикнуть. Привязанный парень ругался в голос, с каждой фразой повышая тон.

Распахнув глаза, я увидела посреди помещения мерцающее облако. Оно переливалось тысячами цветов, жужжало, колыхалось, простреливало искрами. Снизу стелился сизый дым, как в ночных клубах.

Дымовая шашка? Я никогда не видела их в реальности, поэтому могла только догадываться. Но в фильмах они выглядели как-то по-другому...

Под аккомпанемент непрерывно лившегося яростного мата Лин кидал оружие в центр облака. Странно, но, попадая в облако, винтовки и пистолеты словно исчезали, не было слышно ни удара об пол, ни лязганья, ничего. Зато через какое-то время мне послышалось, что из облака доносятся мужские голоса. Я помотала головой.

Какой-то триллер. У меня галлюцинации от перенапряжения. Слишком много всего случилось сегодня, мозг просто не успевает обрабатывать информацию.

— Ирри! Иди в ворота!

Ворота? Я не поняла, бросила на Лина ошеломлённый взгляд. Тогда он метнулся ко мне и схватил за руку, заставляя встать.

— Туда, — он указывал на сверкающее облако. — Ты сказала, что пойдёшь со мной.

Глаза Лина пылали, грудь ходила ходуном, второе украшение, с драконом, светилось красным сквозь одежду. Я зажмурилась, снова помотала головой. Облако гудело, рассыпая искры, всё сильнее и гуще с каждым мигом. Идти? Туда?

Лохматый парень вопил уже что-то нечленораздельное.

Но я кивнула. Лин, хоть и был явно на взводе, расплылся в короткой улыбке — такой родной, что у меня ёкнуло сердце. Подвёл меня прямо к облаку и обнял сзади за плечи:

— Закрой глаза.

Я закрыла, почувствовала, как он обхватил меня — крепко-крепко, а потом мы то ли прыгнули, то ли свалились вперёд.

У меня зашумело в ушах, на миг показалось, что мы летим сквозь бездну. Но я не успела даже вскрикнуть, как упала на что-то мягкое, и пространство взорвалось слаженным хором мужских глоток.

Это явно был какой-то приветственный вопль, хоть я и не поняла ни слова. Открыла глаза — и не поверила им, увидев, что нахожусь где-то в месте совершенно другом, нежели минуту назад. Здесь было темно, лишь тусклый свет сиял откуда-то снизу. Я лежала на мягких шкурах, пахнущих кожей и шерстью, а вокруг стояли мужчины. Взгляд пробежал по их лицам, и я ужаснулась: они все были как один, словно братья Лина, черноволосые и синеглазые.

— Кто это, твоя *аннанси, сайдар*? — спросил чей-то голос. Почему-то с явным восторгом и почти благоговением.

Через секунду я поняла две вещи: то, что спрашивают не по-русски, и то, что язык мне знаком. Этот вопрос я часто слышала от Лина в его первые месяцы у нас. «Что это» и «кто это» — по десять раз на дню.

— Нет, — резко ответил Лин. Добавил ещё одну заковыристую фразу, в которой я не поняла ни слова. Помог мне встать и накинул на плечи что-то тяжёлое и тёплое, так как меня начала бить дрожь.

Парни вокруг вдруг слаженно выдохнули: «Ха-а» — и опустились на одно колено. А Лин кивнул и снова обнял меня одной рукой.

— Смотри — это мой отряд, — сказал он мне по-русски. В его голосе слышалась гордость. — Мои Ястребы.

Ястребы... «Мой народ», загадочное облако... портал? В иной мир?

Мир покачнулся перед глазами.

По-моему, мне срочно нужно выпить. Или прилечь. Или прилечь и выпить.

ГЛАВА 9.

Присев на шкуры в углу помещения — больше всего похожего на старую, сложенную из каменных валунов круглую башню, — я молча наблюдала за происходящим. Линовы парни сноровисто таскали оружие, упаковывали его в какие-то мешки, увязывали верёвками, Лин сновал между ними, прикрикивая. Я почти не узнавала его в новой роли, он казался чужим и невыразимо далёким. Лишь иногда, когда он поглядывал на меня и ободряюще улыбался, он становился прежним Лином.

Один из «ястребов» принёс мне горячего, пахнущего незнакомыми травами чая — по крайней мере, на вид и вкус это напомнило мне именно чай, сладкий, с медовым привкусом. Уже выпив больше половины кружки, я поняла, что чай был слегка алкогольным. Но это оказалось даже кстати: забыв пуховик на диванчике в тире, я изрядно продрогла, пока меня не укутали в шкуры так, что наружу торчали лишь нос и руки.

Неожиданно снизошедшему на меня покою я тоже была обязана, наверное, лёгкому градусу напитка.

Другой мир... Лин не из другой страны, а из другого мира. Это всё объясняло и одновременно всё запутывало. Другие миры не только существуют, но в них даже можно попасть. И ходить между ними, как делал Лин.

Но даже если отойти от того, что незыблемое доселе моё понимание устройства вселенной угрожающе пошатнулось, даже если принять всё это как данность, я не понимала, как Лин оказался у нас впервые.

Я нашла его раненым, и осматривавший его врач сказал, что это рана от ножа или чего-то похожего. А здесь, сейчас, меня окружает множество людей с оружием на поясе, которое выглядит именно как меч. Да и сам Лин опоясался мечом, длинным, свисавшим до середины икры.

Но если Лина ранили здесь, в его мире, и к нам он попал уже полумёртвым, что случилось с ним? Я спрашивала его — давно, когда он ещё жил с нами, но не очень поняла ответ. Он сказал: «Враги» — и что-то про погоню, про то, что его родителей убили, про то, что он теперь — единственный выживший и должен вернуться. Я тогда подумала, он бредит или пересказывает сюжет увиденного по телику сериала — у нас он смотрел телевизор целыми днями, учил русский.

Но теперь...

Когда у него выдастся свободная минутка, обязательно расспрошу ещё раз.

Словно услышав мои мысли, Лин подошёл.

— Время, — сказал он мягко. — Идём.

Я уцепилась за протянутую руку, поднимаясь. Странно, казалось, чай был совсем не крепкий, но тело размякло, расслабилось, и меня явственно качнуло, стоило встать на ноги.

— Ух ты, — ляпнула я, чувствуя, что падаю.

Лин поймал меня в объятия. На миг я замерла, уткнувшись щекой в его плечо, вдыхая его запах — почему-то ассоциировавшийся с домом, с покоем и доверием. Ещё немножко прежнего... притвориться перед самой собой, что ничего не случилось, что я вот-вот проснусь, и вокруг снова будет наш привычный, такой знакомый мир.

И тут я увидела через плечо полный любопытства взгляд одного из «ястребов». Этот парень немного выделялся из прочих, его волосы отливали рыжиной, и про себя я так и называла его — Рыжий. Он смотрел на нас так, словно перед ним было нечто необычное.

Может, в их мире не принято обниматься на людях?

Смутившись, я отстранилась от Лина.

Он не заметил взгляда Рыжего. Крепко взял меня за руку и вывел наружу.

— Мы находимся на самой окраине моей страны, — негромко сказал Лин по-русски. — Эту охранную башню возвёл мой предок. Отсюда до замка два дня езды, мы выезжаем сейчас, к вечеру остановимся на ночёвку. Завтра днём будем на месте, и тогда ты сможешь отдохнуть. Горячая ванна, вкусная еда, красивые наряды. Всё, что пожелает твоё сердце.

Я почти не слушала. Вернее, слушала, но слова доходили до разума с пятого на десятое.

Я смотрела на расстилавшийся перед нами пейзаж. Он весь состоял только из четырёх цветов:

белого, голубого, синего и чёрного. Слепящая белизна снега на свету, голубовато-синие ели в снегу, голубые тени от них, чёрная речка среди белизны и дорога уступами вниз, виляющая в расщелине. И горы везде — сначала чёрный слой, потом синий, голубой и на самом верху — почти белый, сливающийся с бело-голубым небом.

О да, это другой мир. Совсем другой, здесь даже воздух пахнет по-другому: чисто, свежо, чуть сладковато, как ягоды морошки.

— Боже, Лин... какая красота, — мой восторг вылился вздохом. Я никогда раньше не видела гор — хотя я даже из родного города никогда не выезжала, разве что в пригород.

Улыбка Лина блеском могла соперничать с лежавшим повсюду снегом — довольная, непобедимая улыбка.

— Ты полюбишь мою страну, — сказал он уверенно.

Я даже ничего не ответила.

Лин снова взял меня за руку и повёл в сторону от башни, где стояло что-то вроде дощатого сарая, вокруг которого сновали парни из «ястребов». Меня насторожил необычный запах мокрой шерсти и странный звук, доносившийся из сарая. Басовитое... поскуливание?!

— Господи, что это?!

Это были собаки. Огромные, почти с меня в холке, лохматые чёрные собаки. Больше всего они походили на ньюфаундлендов, если, конечно, ньюфаундленды выросли бы настолько, чтобы их можно было оседлать.

Потому что эти — были осёдланы. Осёдланы и навьючены. А ещё — их тут было целое стадо. Или правильно — «стая»? Штук двадцать одинаково чёрных, лоснящихся на солнце псов, влажные носы, чёрные поблескивающие глаза. Морды больше моей головы. Господи, одна такая «собачка» могла бы взять меня за шкуру и носить, как своего щеночка.

Лин подвёл меня к чёрной груди, лежащей на земле немного поодаль. При его приближении она тихо застучала хвостом.

Я никогда не боялась собак, но сейчас, когда Лин недвусмысленно велел мне залезать, я оробела. А что если я ей не понравлюсь, и она перекусит мне горло? Собака с такими габаритами могла бы сделать это в два счёта.

— Не бойся, — Лин взял мою ладонь и поднёс к собачьему носу. Я окаменела, но собака лишь повела несколько раз ноздрями, принюхиваясь, а потом высунула огромный розовый язык и мягко лизнула кончики моих пальцев.

— Щекотно, — я не сдержала улыбки.

— Его зовут Маф. Это значит «молния».

— Маф, — повторила я, чтобы запомнить слово. Чёрный хвост пса, похожий на поросшее шерстью полено, энергичнее застучал по снегу.

— Садись, — Лин помог мне влезть.

Седло оказалось удобное — ну, насколько я разбиралась в сёдлах, ни разу в жизни не садясь на лошадь. Не знаю, какими их делают у нас, а тут оно было широкое, кожаное, с удобными приступочками для ног. Из-под седла свисало что-то вроде попонки. Немного пугало, что подо мной — нечто живое, тёплое, большое, со своим характером и своими желаниями. Надеюсь, у здешних собак не в ходу сбрасывать наездников.

Прежде чем занять место сзади меня, Лин дунул в рог, который висел у него на поясе вместе с мечом и кучей других причиндалов, и громко объявил что-то на своём языке. Я уловила слова «сегодня вечером» и название места предполагаемой ночёвки. Видимо, Лин давал подчинённым ЦУ.

Парни ответили слаженным хором: «Ха-а». Похоже, это слово обозначало здесь что-то вроде «будет сделано» или «есть, сэр!».

Мне стало любопытно, почему все слушают Лина. Он явно не был среди этих парней самым старшим, но к нему относились с почтением, его приказы тут же исполнялись, да и сам Лин вёл себя так, словно привык к беспрекословному подчинению.

Впрочем, спросить я не успела. Лин сел сзади, крикнул:

— Эхе-ей! — и чёрная громада под нами задвигалась, вставая.

Качнуло назад, вперёд, а потом, когда собака ринулась вниз по ущелью, затрясло так мощно, что я изю всех сил вцепилась в седло, опасаясь вверх тормашками улететь в снег.

Лин издал смешок, притягивая меня к себе. Сам подался вперёд, зажимая меня между холкой пса и своим телом. Так трясло куда меньше, и я облегчённо вздохнула. Вот это аттракцион. Почтище американских горок.

Снежная равнина, утыканная елями, стелилась по обеим сторонам. Мы стремглав неслись вниз с горы, на которой стояла башня. Иногда нашего пса обгоняли другие, «ястребы» периодически свистели. Этот лихой разбойничий свист заставлял меня вжимать голову в плечи, не зная, чего ожидать: то ли нападения на нас, то ли, наоборот, что мы нападём и станем грабить караваны. Но, похоже, свист был не сигналом, а просто способом показать молодеческую удачу, потому что Лин вдруг привстал сзади меня и тоже оглушительно свистнул — а когда я двинула его локтем под рёбра, лишь довольно рассмеялся.

Мы скакали на собаках несколько часов, пока у меня не стал отваливаться зад. Пришлось пожаловаться Лину, и тогда сделали привал под елями у небольшой речушки. Меня, как королеву, снова закутали в меха и устроили на стволе поваленной ели. Вручили что-то вроде посолённой горбушки, и я посасывала её, пока «ястребы» расчищали место для костра, таскали хворост и воду, ловили рыбёшек в речке.

Было немного неудобно, что я не участвую в общей кутерьме, и одновременно радовало, что мне не приходится участвовать. С моими навыками полевой жизни я бы только путалась под ногами. Да и без пуховика, без перчаток, оставшихся лежать в его карманах, единственное, что оставалось — это кутаться в шкуры и смиренно ждать. Мне даже не позволили ни за водой сходить, ни рыбу почистить, хотя я и попыталась жестами предложить помощь.

Минут через пятнадцать безделья я поймала себя на том, что начинаю хотеть в туалет. Улучила момент, когда никто не смотрел в мою сторону, и тихонько соскользнула в снег. Оставила шкуру на стволе, нырнула под широкие ветви елей и поспешила в лес. Удалившись на приличное расстояние, присела и выполнила задуманное.

А вот на обратном пути немного заблудилась. Вышла не совсем к стоянке, а выше по реке. Ниже, по левую руку, сновали силуэты «ястребов», лозящих на мелководе рыбу, а справа — я затаила дыхание — лился с горы сверкающий на солнце бисерный поток.

Водопад.

Я никогда в жизни не видела водопадов. Как заморожённая, глядя только вверх, я сделала несколько шагов к нему. Водопад оказался довольно высоким, метров пяти или выше. Но вода не шла бурным потоком, а сливалась тонкими струйками, этакий природный душ. Вымытая водой каверна позади усиливала это впечатление. В лучах солнца водопад казался матово-белым, и я не сразу заметила неподвижно застывшую за ним тень — только тогда, когда та шагнула вперёд, вставая под струи, и оказалась обнажённым мужчиной.

Почему-то я не удивилась, узнав Лина. Наверное, потому, что уже гадала, куда он делся. Я не видела его среди других «ястребов», хотя обычно он показывался то тут, то там, командуя и помогая.

А он, значит, решил искупаться.

Меня охватила дрожь, когда я подумала, какой температуры вода стекает оттуда, с верхушки утёса. Уж наверняка близкая к нулю, если повсюду лежит снег. А Лин стоял там, выпрямившись во весь рост, непоколебимый, как под душиком в собственной ванной.

Намокшие чёрные волосы облепили лоб. Закрытые глаза придавали Лину сходство со статуей. Я невольно окинула взглядом его тело: блестящие от воды налитые мускулы, гладкую смуглую кожу, длинные широко расставленные ноги, твёрдо упирающиеся в землю. Я впервые видела его обнажённым — целиком, не только торс — и не могла перестать глазеть. Его шрам на груди и животе, тот самый, что мы с ба лечили, обычно почти незаметный, от холода побелел и мучительно резал глаза. Мне захотелось прикоснуться к нему, провести пальцами от груди — к животу. И ниже.

Лин шагнул вперёд, выходя из воды. Нахмурился, потянулся к мечу — я только сейчас заметила, что обнажённый меч лежал рядом с ним на большом камне. Лин выпрямился, настороженно оглядывая окрестности. Капельки барабанили по его плечам и голове, создавая мерцающую радужную ауру.

— Кто здесь?

ГЛАВА 10.

Я затаилась. Неужели он заметил меня? Не может быть, я стояла тихо, как мышь, к тому же в тёмной одежде среди тёмных елей.

Но на всякий случай решила отойти подальше. И это оказалось большой ошибкой.

Стоило лишь попытаться уйти глубже, как за спиной послышался лёгкий шум, и в следующий миг меня сбило с ног что-то тяжёлое. Схватило за шею, подставило подножку — я оказалась навзничь в снегу, а на мне — мокрый, голый и свирепый Лин.

— Ирри?

Свирепость на его лице сразу сменилась удивлением. Я бы даже сказала, офигеванием.

— Извини... я немного заблудилась, — промямлила я, отводя глаза.

Лин вообще не смутился, будто так и надо. Помог мне встать — ладонь его почему-то оказалась тёплой, хоть он и выскочил из ледяного водопада, а сейчас стоял босыми ногами по щиколотку в снегу.

Придержал за плечи, когда я попыталась, не поднимая глаз, нырнуть глубже в лес. Повернул в другую сторону:

— Наш лагерь там, — но почему-то не отпускал, прижимая к себе. Спросил с насмешкой в голосе: — Ты ведь смотрела на меня?

О боже!

— Отпусти!

Вырвалась и пошла к стоянке, смелая независимая женщина. Слегка изгвазданная в снегу.

Щёки горели, и я накрыла их ладонями.

Лин сумасшедший.

Вернувшись на место, я накрылась шкурой с головой и притихла, напоминая самой себе нахохлившегося на жёрдочке воробья. Минут через десять вернулся и Лин, уже при полном параде. О недавнем купании говорили только непросохшие, стоящие дыбом волосы.

Лин без слов присел рядом и сунул мне первую из пожаренных над костром рыбёшек. Небольшая, чуть меньше в длину, чем моя ладонь, рыбка была насажена на прутик и издавала просто божественный запах.

— Ешь с головой, целиком, — подсказал Лин, впиваясь белыми зубами во вторую такую же.

Я последовала его примеру. Мелкие косточки хрустели на зубах, но оказалось очень вкусно. А вместе с глотком того же медового то ли чая, то ли слабого горячего вина, вообще стало царской трапезой.

Смущение мешало говорить и даже поднимать взгляд, но Лин вёл себя как ни в чём не бывало. Рассказывал, где мы остановимся сегодня вечером, какой путь предстоит завтра. Постепенно я тоже расслабилась.

— Лин, — спросила я, утолив первый голод, — ты сказал, это твоя страна. В смысле, что ты отсюда родом... или в каком-то другом?

— Я отсюда родом, — Лин озадаченно сдвинул брови. — И это моя страна. Ею владели мои предки и будут владеть мои потомки.

Потомки. Я спрятала улыбку. У нас в девятнадцать лет не принято рассуждать о потомках. Впрочем, Лин всегда рассуждал не так, как принято у нас. Теперь я понимала почему.

— Лин, а что такое аннанси? — было сложно воспроизвести произношение, но я старалась.

Он немного смутился:

— Они неправильно поняли. Подумали, что я взял тебя в плен. Аннанси — это трофей, пленница.

Ой. Настал мой черёд смущаться. Значит, все эти бравые ребята решили, что Лин добыл меня, как приз, в каком-то сражении? Это было двойное ощущение. Дискомфорт от мысли, что человека,

девушку, можно воспринимать как вещь, и в то же время странное тепло в груди... я даже сама не поняла, отчего.

Но теперь ясно, почему он ответил тогда «нет».

— А сайдар? Или как они тебя называли.

— Сайдар — это обращение. По-вашему это будет что-то вроде... — Лин задумался, — ваше сиятельство? Или нет, ваша светлость.

— Ты что, герцог? — не то чтобы я была таким знатоком титулов и обращений, но кажется, «ваша светлость» соответствует именно герцогскому рангу. Но всё это звучало так невероятно, что я не удержалась от смешка.

Мой Лин — герцог? Я представила его в горностаевой мантии, со шпагой на поясе и миниатюрной коронкой на голове. Ведь герцог — это что-то вроде принца? Чуть пониже короля?

Не обращая внимания на мою реакцию, Лин молча кивнул. Обвёл рукой снежную равнину, обрыв и возвышавшиеся на горизонте горы.

— Моя земля называется Аэлин. Мы владеем ею испокон веков. Со времён Великого Прародителя.

В первый момент я только кивнула. А потом вдруг пришло осознание, что я действительно стою здесь, в ином мире, где-то неизмеримо далеко от дома, и неизвестно, как попасть обратно. Да и возможно ли это вообще. А я ведь ничего не сделала с квартирой, так и ушла, в полной уверенности, что это ненадолго. Газ, электричество, ещё та подлая лисица... она не упустит своего, сто процентов отберёт у меня квартиру, вернётся с приставами или с кем там.

Я схватила Лина за руку:

— Я могу вернуться домой?

— Зачем? — он уставился на меня с непередаваемым изумлением. — Разве тебе плохо здесь?

— Нет, но...

Я замялась. Плохо или хорошо — как можно это понять за один неполный день? Да, здесь есть Лин, и он, судя по всему, очень важная личность, целый герцог, и меня чуть ли не на носилках носят (точнее, возят на огромной чёрной зверюге), и готовят еду, и не позволяют ручки свои белые запачкать...

А там?

А что вообще ждёт меня там? Ни одного родного человека, зато долги, работа и Юра сотоварищи.

Лин понял моё молчание по-своему.

— Если захочешь — вернёшься, — сказал он твёрдо. — Но сначала ты должна узнать Аэлин. Увидишь, она не отпустит тебя.

Аэлин. А сам Лин? Хочет ли он, чтобы я была рядом — или захватил с собой просто так, потому что попала под руку в нужное время?

Лин вдруг коснулся моей щеки, как будто что-то заметил. Выражение его лица изменилось. Жёсткость пропала, вместо неё в глазах поселилось что-то неясное, но такое притягивающее, что у меня заняло внутри.

— У тебя тут... — он коснулся уголка губ большим пальцем, стирая крошку от еды.

Сначала меня пронзило какой-то даже стыдной, горячей дрожью, потом бросило в жар.

Вот я неряха! Фу, какое позорище. А ведь, как старшая, должна подавать пример.

Ещё и подумала невесть о чём. Я отвернулась, тыльной стороной ладони утирая рот и безумно жалея, что у меня нет зеркала.

Лин, кажется, хотел что-то сказать, но тут к нему подошёл один из «ястребов» и упал на колени: они часто так делали, обращаясь к нему. Пробурчал что-то совершенно неясной скороговоркой. Лин кивнул и встал.

— Время, — сказал он, глядя на меня сверху вниз. — Нужно добраться до места до ночи.

До ночи мы не успели. Сумерки упали на равнину как-то совершенно внезапно, и над лесом взошла луна — огромная, бледная и висящая так низко, что были видны кратеры и расщелины, изрезавшие поверхность. Я немного удивилась, увидев здесь луну: почему-то казалось, в другом мире её не будет.

И тут по долине, перекатываясь между утёсами, разнёсся долгий тоскливый вой. Я напряглась и почувствовала, как стала крепче хватка Лина, а сам он подался вперёд. Другие парни, окружавшие нас, тоже насторожились, пригнулись к холкам собак.

Лин резким тоном отдал какой-то приказ. Шепнул мне по-русски:

— Держись сильнее.

Я послушно схватилась за луку седла, и мы помчались так, как не мчались никогда прежде. Ветер бил в лицо, свистел в ушах, я цеплялась изо всех сил и, если бы Лин не прижимал меня к спине Мафа, неминуемо слетела бы на очередном гигантском прыжке.

Воя уже не было слышно, но взамен слышалось кое-что страшнее: топот сотен лап, монотонный, неуклонный, становившийся всё ближе и ближе.

Волки нагоняли нас.

Сзади что-то прокричали, и Лин выругался — я не поняла, но по интонации это точно было ругательство. Натянул поводья, заорал на Мафа, и тот затормозил, едва не скидывая нас через голову. Если бы не Лин, я бы не удержалась.

Я ещё не пришла в себя от внезапного торможения, как Лин уже соскочил. Маф по инерции сделал несколько шагов, повернулся боком и уставился назад. Подо мной вдруг зародилась глубокая утробная вибрация. Я невольно вздрогнула, но сразу поняла, в чём дело: Маф, сморщив нос и обнажив огромные белые клыки, недобро рычал.

Сзади послышался звериный взвизг и клцанье зубов. Лин что-то кричал. Я выгнулась в седле, пытаюсь увидеть, что происходит.

Половина «ястребов» повернули своих ездовых животных назад, вторая половина сомкнулась за моей спиной, словно ограждая от возможной опасности с другой стороны. Наш маленький отряд ошетинился луками, Лин снова резким гортанным голосом выкрикнул что-то, и в небо взвился рой стрел.

Я направила взгляд туда, куда они полетели — и обомлела. На нас шла лавина звериных тел. Мне показалось, что это были волки — но они тоже не походили на наших: огромные, с подпалинами, с алыми горящими глазами.

Они двигались слаженно, как маленькая армия, и несколько наших парней уже захлестнуло волной: чёрные псы металась в море волков, пытаюсь защитить горло, припадали к земле, рвали тела нападающих, а наездники молча работали мечами. Лезвия сверкали отражённым лунным светом и потёки крови на них казались чёрными клеймами. Волчьи визги сливались с человеческими криками и рычанием псов.

Маф подо мной тоже беспрестанно рычал, но не двигался с места, видимо, помня приказ хозяина. Тут я увидела среди волков Лина и ахнула от страха за него. Он был пешком и поэтому казался поразительно беззащитным. Любой волк, встав на задние лапы, порвал бы ему горло.

Лин держал в правой руке обнажённый меч, но почти не пользовался им. Вместо этого он, словно лазером, светил захваченным из нашего мира фонариком. Волки, на которых падал свет, кидались врассыпную, как будто он причинял им физическую боль.

Они боятся света.

Озарение на миг подарило мне вспышку радости, но радость тут же ушла. Что с того, что я поняла это? Чем это мне поможет? Вот если бы у меня был какой-то свет... Но у меня не было даже телефона, он лежал в рюкзаке у Лина.

Зато рядом один из «ястребов» щёлкал кресалом: сыпались искры, откуда-то повалил сухой, щекочущий ноздри дым. Я перевела взгляд на Лина и с трудом подавила вскрик. Самый крупный из волков, по виду настоящий вожак, громко рявкнул, и, словно повинувшись, ближайший к Линдену волк вцепился в его держащую фонарик руку. Лин занёс меч, но тут же в его другую руку вцепилась ещё пара волков. Лин зашатался под натиском, фонарик выпал и исчез в снегу, затоптанный волчьими лапами.

— Сайда-а-ар! — раздался чей-то вопль.

Господи, Лин сейчас умрёт! Его разорвут на части, если я ничего не сделаю!

Не рассуждая, я ударила пятками Мафа. То, что произошло потом, я не смогла бы ни повторить, ни описать. Это было какое-то наваждение или, может быть, одержимость. Я очень сильно захотела себе тот огонь с факела, которым размахивал один из «ястребов», вместе со мной сорвавшийся с места. Даже протянула к нему руки, держась за Мафа одними коленями, моля о чуде, о чём угодно, лишь бы спасти Лина.

И огонь вдруг послушался.

Мои ладони запылали, взметнули бушующую волну пламени — свечкой, вертикально вверх. Странно, но я не чувствовала боли, только слепящий восторг, уверенность, что наконец-то всё делаю правильно. Но управлять этим огнём я не могла, он только горел — сам по себе, как неугасимый факел. Я сама словно превратилась в факел. Из-за обжигающего глаза света я ничего не видела, только молилась, чтобы с Лином всё было хорошо, чтобы обалдевшие от происходящего «ястребы» смогли его спасти.

В этот момент равнину огласил пронзительный, вынимающий душу волчий вой.

— Они уходят! — крикнул кто-то. И следом ещё что-то, но уже непонятное.

Лин... только бы он был жив.

Но у меня не было сил это проверить. Огонь погас, и вместе с ним погасла я сама, навалилась гнетущая слабость — и я упала с Мафа прямо в истоптанный, залитый кровью снег.

ГЛАВА 11.

Когда я пришла в себя, то была уже снова на спине Мафа, только полулёжа, закутанная в шкуры и одеяла, в объятиях Лина. Он смотрел прямо перед собой. Сначала я загляделась на его удивительно суровое, как из камня вырезанное лицо, а потом вспомнила, что случилось.

— Господи, Лин! — я хотела тут же его ощупать, убедиться, что он не ранен, но только завозилась, как младенец в пелёнках.

Лин бросил взгляд на меня. Лицо его мгновенно смягчилось.

— Слава небесам, ты жива.

— Я-то что! Это ты...

Тут я вспомнила про факелы и огонь, перешедший на меня. Это было помутнение рассудка, или случилось на самом деле? Нет, наверняка галлюцинации, боли я не чувствую, ожогов нет. Наверное, на меня странно подействовал их алкогольный чай, у местных иммунитет, а вот меня крепко проглючило. Больше не буду пить его.

— Ты в порядке? Они тебя не... — я запнулась. «Покусали» прозвучало бы явно неправильно. — Что это вообще были за звери? У них глаза светились красным.

— *Ируоты*. Обычно они неопасны, если ехать с факелами, но я думал, мы успеем дотемна, не отдал приказ. Моя ошибка.

— Они что-то вроде оборотней? — я затаила дыхание. Это звучало как сказка. С другой стороны, весь мир Лина пока что казался мне ожившей сказкой. Немного страшной, правда.

Лин покачал головой:

— Они не превращаются в людей, если ты об этом. Но они наполовину разумны, очень сильные и быстрые, от них почти невозможно убежать. И их всегда много. Но днём они забиваются в норы и спят. Только ночью наступает охота.

— Хорошо, что кто-то сообразил зажечь факелы, — сказала я с облегчением. — Я очень испугалась за тебя, ты упал, и...

В глазах Лина появилось лёгкое напряжение. Он посмотрел на меня так, будто собирался задать какой-то вопрос, но ничего не сказал. А потом бросил взгляд вперёд и улыбнулся мне:

— Мы на месте.

Место оказалось полуразвалившимся сараем — по крайней мере именно так я его на первый взгляд оценила. Да и на второй, и на третий — совершенно пустой сарай, если не считать сложенной из камней печи в середине, из щелястых, кое-где прогнивших досок, с протекающей наверняка крышей (звёзды через неё точно были видны).

Но никого, кроме меня, предполагаемое место ночёвки не удивило. «Ястребы» быстро спешили и начали явно привычные приготовления: по мере возможности вычистили скопившуюся в сарае пыль и грязь, расседлали собак и накормили их, разожгли огонь в печи и развели костёр снаружи дома, выставили часовых.

Мне опять не позволили ничего делать, но на этот раз я и не рвалась. Слабость ещё не прошла, и я, полулёжа на шкурах, сваленных в импровизированное ложе рядом с печью, лишь молча наблюдала за суетой вокруг.

Ночь сгустилась настолько, что, если бы не печной огонь, в сарае не было бы видно ни зги. За щелястыми стенами кое-где проглядывал оранжевый отсвет костра, и ещё у входа «ястребы» выкопали два больших факела.

Было забавно угадывать Лина среди деловито двигавшихся чёрных фигур — по фонарику в руке. Остальные посматривали на фонарик с огромным уважением. Я бы не удивилась, узнав, что они посчитали это таинственной магией.

На ужин раздали несколько полосок вяленого мяса. От чая я отказалась и запивала простым кипятком из растопленного снега. После трапезы в сарай притащили котёл с горячей водой и бадью с холодной. Лин вручил мне грубоватой выделки холщовую ткань и выгнал из сарая всех парней.

— Оботри пот и грязь, — сказал он мне перед тем, как выйти самому.

О. Гигиена на уровне.

Я видела, что «ястребы», раздевшись до штанов, с уханьем и смехом обтирались снегом снаружи у костра, однако не подумала, что и мне предложат принять такую «ванну».

Но освежить тело и впрямь хотелось. Спрятавшись в тёмном углу, подальше от чужих глаз, я сняла кофту и футболку, вымочила импровизированное полотенце сначала в горячей, потом в холодной воде, протёрла подмышки и шею. Штаны снимать не стала, постоянно казалось, что за мной наблюдают. Наверное, из-за собак, которых никто не подумал прогнать и которые следили за мной блестящими чёрными глазами.

Завершив с процедурами, я поспешно юркнула назад в постель. Только тут мне пришло в голову, что места на этой постели хватит максимум на троих-четверых. Где же будут спать остальные?

Ответ на этот вопрос я узнала буквально через пятнадцать минут, когда в сарай один за другим начали заходить «ястребы» и укладываться прямо на пол, промеж собак, перебрасываясь непонятными, но, судя по тону, весёлыми репликами.

Ко мне на шкуры пришёл один Лин, тоже довольный и чему-то улыбающийся. Сел, стал снимать обувь. Я осторожно тронула его за плечо:

— Лин, это лежбище что, для нас двоих?

Тот вопрос, что Лин явно намеревался спать со мной, я решила опустить. Засмушалась. Наверное, его положение не позволяет лежать вместе с ребятами. Я тоже не горела желанием спать вповалку с собаками, которые запросто могут меня задавить, но и вместе с Лином... на глазах у всех... в этом было что-то неправильное.

— М-м? — вопросительно протянул Линден. Потом, кажется, понял, почему я спрашиваю. — Не бойся. Мы в дороге, это нормально, всем спать вместе. Никто не подумает ничего плохого. Или ты хочешь, чтобы я ушёл?

Я замотала головой. Спать на возвышении в полном одиночестве, в то время как остальные кое-как ютятся на полу, тоже было бы ужасно.

— А! Я знаю, что делать, — Лин потянулся к рюкзаку, лежавшему тут же, в головах. Достал складной зонт и раскрыл его.

Ближайший «ястреб» шарахнулся, и я едва подавила смешок. Лин тоже с усмешкой сказал пару слов. Парни издали восхищённо-одобрительное: «О-о-о!».

Зонт занял место у изголовья, прикрыв меня на треть. С другой стороны прикрывала печка, а с третьей — сам Лин. Так и впрямь стало немного спокойнее, и я без дальнейших слов легла на место. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Пока я здесь, лучше не спорить.

Лин тоже лёг, по-свойски притянул меня к себе. Его глаза блестели, вселяя в меня странное смущение.

— У вас, что ли, нет зонтов? — шепнула я, стараясь не смотреть на Лина. Уставилась в район подбородка, невольно проследила глазами крепкую жилу, уходящую вниз, к ямочке между ключиц. Такая широкая шея... В голове замесились непрошенные образы, стало жарко.

Господи, что со мной такое, почему я так реагирую на него? Это же Лин. Это всё тот же Лин, которого я нашла раненым четырнадцатилетним мальчишкой. На него нельзя смотреть так. Пусть даже он уже давно не мальчик, а скорее молодой мужчина.

До безумия привлекательный мужчина.

— Есть, но их нельзя сложить в такую маленькую дубинку, — кадык на горле Лина двинулся в такт словам, вызывая во мне яростное желание прикинуть к нему губами, попробовать на вкус. А потом лизнуть шею ниже, почувствовать языком, как бьётся венка с правой стороны. — И наши делаются из ткани или из бумаги.

Из чего делают у них зонты, интересовало меня сейчас в последнюю очередь. Чтобы избавиться от наваждения, я закрыла глаза. Надо заснуть или хотя бы попытаться.

Но, невзирая на усталость, сон не шёл.

Мешало осознание, что вокруг полно народу, мешали посторонние звуки: дыхание людей и зверей, почёсывания, посапывания, какие-то далёкие уханья в лесу; посторонние запахи: мокрой собачьей

шерсти, кожи, дерева. Немного успокаивал привычный запах Лина. Это ничего, что мы лежим так в обнимку? Хотя, наверное, никто не видит.

Лин...

Нет, лучше думать о чём-то другом.

Например, о том, что произошло сегодня при нападении волков. Как горели мои руки. Удивительно живая галлюцинация. Раньше, когда я слышала, что люди при наркотическом опьянении ловят на себе насекомых или прыгают из окон в уверенность, что полетят, я мысленно пожимала плечами. Не верила. Точнее, не представляла.

Сейчас со мной самой случилось что-то похожее. Не стоит рассказывать об этом никому, тем более здесь. А вдруг они заклеят меня сумасшедшей? Или, что ещё хуже, ведьмой?

Сарай постепенно затихал, размеренное дыхание окружающих, треск поленьев в печи убаюкивали. Я ещё раз втянула ноздрями запах Лина, прижалась к нему сильнее. Он пробормотал что-то во сне, притянул меня к себе и шумно выдохнул, взъерошив мне волосы. Это словно успокоило меня, и я почувствовала, как наконец наваливается сон и утягивает в тёплую глубину.

Я шла по коридорам подземелья. На стенах коптели факелы, откуда-то раздавались странные звуки: скрип и шорох, металлические позвякивания и капанье воды. Я ступала уверенно и быстро, почти не смотря по сторонам. Сердце выстукивало частый лихорадочный ритм, внутри всё сжималось от неясного предвкушения, подталкивало пуститься со всех ног, лететь сломя голову — вперёд, туда, где коридор раздавался вширь, переходя в круглое помещение.

Я уже знала, кого я там увижу.

Человека, прикованного к стене, висящего на цепях: руки вздёрнуты, голова безвольно опущена на грудь. Обнажённое — одна лишь повязка на бёдрах — тело дышит, рёбра приподнимаются и опускаются. Он в сознании. Не спит — может быть, в лёгком полутрансе.

Чувствует ли он мой взгляд, ласкающий каждый сантиметр его обнажённой кожи?

Я медленно, шаг за шагом, подкрадывалась к нему, не спуская глаз, следя за каждым движением, каждым вдохом и выдохом. Каменный пол охлаждал босые ноги. Как же, должно быть, ему холодно висеть там, на ледяной стене.

О нет. Встав перед ним, я поняла: холод ему нипочём. От обнажённого тела исходил жар. Не в состоянии побороть лихорадочную внутреннюю дрожь, я облизала губы. Этот жар сводил с ума. Скручивал меня желанием прикоснуться, провести кончиками пальцев по широкой грудной клетке, спуститься к плотно подогнанным мышцам пресса, очертить их, попробовать на вкус — языком. Что-то первобытно-дикое внутри меня взревело, требуя повиновения.

Человек на цепях вздрогнул, словно учуял это.

— Посмотри на меня, — шепнула я, сгорая от страсти. Превозмогая желание схватить его за чёрные волосы, силой поднять лицо, впиться губами в его губы.

Его дыхание участилось. Я видела, как натягивается повязка на его бёдрах, как очертания предмета, пока ещё скрытого под ней, становятся очевидными.

— Посмотри на меня, — шепнула я снова, почти прильнув к нему. Вставшие дыбом волоски на теле касались его кожи — мизерное расстояние между нами пружинило, как магнитное поле.

Он снова вздрогнул, цепи зазвенели, тело покачнулось от толчка. Если бы он мог, он сорвал бы их. Набросился бы на меня, задушил бы, свернул шею — или взял бы, прямо здесь, на ледяном каменном полу.

Медленно черноволосая голова приподнялась. Сквозь спутанные чёрные пряди на меня смотрели глаза Лина. Ненавидящие... и желающие. Выдающие всё, что он хотел бы сейчас со мной сделать.

Я выдохнула, чувствуя, как растёт возбуждение. Как наше дыхание сливается в одно — частое, неглубокое, раскаляющее нервы.

Стараясь не торопиться, изо всех сил осаживая себя, я упёрлась руками по обеим сторонам от его тела. Чуть прогнулась вперёд, так, что соски, откровенно натягивающие тонкую ткань, коснулись широкой груди. М-м-м, как приятно. Ещё приятнее было бы разве что почувствовать на них прикосновения больших, чуть шершавых мужских пальцев.

С удовлетворением я отметила очередную волну, прокатившуюся по обнажённому мужскому телу — и снова звон цепей там, наверху.

Он совершенно беспомощен. Полностью в моей власти. И, что возбуждало сильнее всего, хочет меня так же, как я его. Не в силах противостоять желанию, заставляющему сердце быстрее гнать кровь, пускающему по телу мурашки, накатывающему, как морской прибой.

— Ли-и-ин... — позвала я на грани слышимости.

Он глухо выдохнул, почти застонал. Набедренная повязка уже почти ничего не скрывала, его напряжённый член упирался в меня. Я резко шевельнула бёдрами навстречу ему, лаская сквозь двойной слой ткани, одними только мышцами живота. Потом отодвинулась и сделала то, о чём мечтала — приникла губами, языком к впалой полоске, разделявшей пресс надвое.

Очередная волна дрожи, звон, сотрясение. Мышцы под моими губами сокращаются, то ли в желании уйти от ласки, то ли в попытке вырваться из хватки цепей. Ещё один глухой вздох над головой — кружит разум признанием, сводит с ума, бередит. Но я неуклонно стремлюсь ниже, к тому, что притягивает меня сильнее всего.

Отбросить ненужный, мешающий кусок ткани, обнажить бесстыдно прекрасный член. Никогда не видела более привлекательного мужского органа. Длинный, приятной толщины, чудесной твёрдости... боже, какой восхитительной твёрдости. Тёмно-розовая от прилившей крови головка так и манит прикоснуться, лизнуть, пощекотать языком самое чувствительное место.

Я опустилась на колени, не в силах отвести глаз от гордо вздымающегося органа. Придвинулась, лизнула осторожно, пока ещё только принаравливаясь. Лин снова застонал, двинул бёдрами навстречу, с готовностью, почти с яростью насаживаясь на меня. Я заглотила его целиком...

...и очнулась в тёмном, душном сарае, на шкурах, в объятиях Лина.

Сердце барабанило в груди, я не сразу поняла, что сон закончился и что это был сон.

Господи... такой реалистичный. И опять с Лином в главной мужской роли. Да что же со мной происходит? Неужели я такая развратная, что стоит нам заснуть рядом, как воображение начинает работать в исключительно пошлом плане?

Лин спал и во сне прижимал меня к себе, уткнувшись носом в мою шею. Я осторожно высвободилась. Кажется, прошло не так много времени с тех пор, как мы уснули. Поленья в печи уже прогорели, но небо и не думало светлеть.

Возбуждение не успело схлынуть, в промежности сладко ныло, пульсировало призраком наслаждения. Боже, я и правда извращенка.

И даже сейчас. Или тем более сейчас? Когда смотрю вот так на беззаботно спящего Лина и ловлю себя на мысли, что хочу его. Хочу обвести пальцем контур его изогнутой верхней губы, прильнуть, изучить, разбудить, заставить отвечать. Ловлю себя на мысли, что не могу отвести глаз от безмятежного лица, что хочу снова увидеть ту безудержную, накрывающую с головой страсть в омуте его синих глаз — как только что во сне. Хочу услышать его сдерживаемый из последних сил стон удовольствия — теперь уже по-настоящему.

Господи, наваждение. Какое-то безумное, дикое наваждение, не позволяющее нормально дышать.

Я с трудом заставила себя отвернуться. Держи себя в руках, Ира. Это всё потому, что Лин выглядит куда старше своих лет. Потому, что я слишком давно его не видела, просто ещё не привыкла, что он теперь такой взрослый... такой сильный, высокий, и у него такое обалденное тело.

Сидя, я накрыла лицо руками. Боже, как избавиться от этого навязчивого образа, до сих пор встававшего в сознании: обнажённый Лин, подвешенный на цепях, с ненавистью и жгучим желанием во взгляде.

Почему он так смотрел? Как будто я предала его. Как будто это по моей вине он очутился в том подземелье, прикованный, ждущий казни.

Казни.

Это слово будто ударило меня. Почему я решила, что Лин в моём сне именно ждал казни?

Не знаю. Возможно, всё это только игры воображения.

В любом случае, если я сейчас попытаюсь заснуть, мне опять приснится что-нибудь неприличное,

сто процентов. Стыда не оберёшься, если я потом накинусь на Лина — он, наверное, будет в шоке. Он же воспринимает меня как сестру. Я ведь на целых четыре года его старше. Если бы он узнал о моих мыслях, я бы никогда не осмелилась больше посмотреть ему в глаза.

Нужно проветриться.

Натянув на плечи грубоватое шерстяное одеяло, всунув ноги в кроссовки, я, осторожно ступая между спящими животными и людьми, добралась до приоткрытой двери. Холодный зимний воздух пощекотал ноздри, овеял лицо.

Снаружи была расчищена от снега площадка, в центре горел костёр. По обеим сторонам от него лежали обтёсанные брёвна — этакие импровизированные скамейки.

У костра никого не было, и я тихо притулилась на краю бревна, протянула к огню успевшие озябнуть ладони. Пальцы окрасились рыжим, и я снова вспомнила, как горела вчера вечером.

Как же это было тогда? Каким-то образом позвала пламя — и оно пришло.

Уставившись в огненные языки, я шевельнула губами.

Иди... иди сюда.

Жар, шорох, искры. Узоры на горящем дереве. Но ничего не понять. Нет той связи, нет ответа.

Наверное, и правда, привиделось.

Я с огорчением опустила руки.

И тут от дерева неподалёку отделилась чёрная тень. Я чуть не вскрикнула, но в следующий момент поняла, что это один из «ястребов». Видимо, стоявший на стрёме часовой.

— Ахой, — негромко сказал он, подходя.

Я вежливо кивнула. И, когда «ястреб» приблизился достаточно, чтобы костёр осветил его лицо и волосы, узнала его. Это был тот самый рыжеватый парень, который с неприкрытым любопытством пялился на наши с Лином объятия.

Он присел на бревно напротив. Уткнул спрятанный в ножны кончик меча в землю между своими сапогами. Его глаза меня просто пожирали.

Я немного смутилась. Может, лучше вернуться в сарай?

В тот момент, когда я почти решилась так и поступить, Рыжий заговорил. К сожалению, поняла я его с пятого на десятое. Вернее сказать, совсем не поняла. Одно лишь слово «ты» в десятке абсолютно мне незнакомых.

— Прости, — ответила я по-русски и помотала головой. Развела руками.

Губы «ястреба» сложились в маленькую букву «о». Он хлопнул себя по груди:

— Варрен.

Ткнул рукой в мою сторону:

— Ты?

— Ира, — вспомнив, как называл меня Линден, добавила: — Ирри.

— Ирри! — и опять непонятная фраза. Но я опознала слово «хорошо». Видимо, хвалит имя. — Ты (непонятно) сайдар?

Я чего-то там Лину. Опять спрашивает, не пленница ли? Я помотала головой. Как смогла, несколько раз повторила «нет» и «аннанси». Дескать, я вам не трофей, обращайтесь осторожно.

— А! — Варрен (очевидно, это было его имя) вскочил и пересел на моё бревно, заставив меня скользнуть дальше. Сапогом расчистил от сора небольшой квадрат на освещённом месте. Вытащил ветку и принялся рисовать. Человеческие фигурки, много. Одну нарисовал на голову выше других. Ткнул веткой:

— Сайдар!

Потом показал мне на пальцах цифру пятнадцать. Я вспомнила, как Лин обучал меня считать на их языке, не без труда озвучила, вызвав этим бурю восторга в рыжем «ястребе».

— Да-да, — закивал он. — Сайдар — пятнадцать.

Пятнадцать... лет?

Сердце ёкнуло. Он пытается рассказать мне о том, чем занимался здесь Лин, когда пропал из нашего мира? О да, я хочу это знать!

Варрен ткнул в другую фигурку.

— Варрен! Двадцать два, — показал на пальцах: два и два.

Я мысленно посчитала: четыре года назад, если Лину тогда было пятнадцать, значит, сейчас этому парню двадцать шесть. Озвучила — Варрен обрадовался, потянулся ко мне, как будто хотел хлопнуть по плечу, но вовремя опомнился. Слава богу: он был такой большой, что одним хлопком мог бы прибить меня, как муху.

Интересно, значит, он аж на целых семь лет старше Лина, а относится к нему с явным уважением.

Тем временем Варрен рисовал дальше. Что-то вроде многоэтажного здания на горе, которое осаждали Лин с товарищами, по всей видимости, тогдашними «ястребами». Ткнул в него веткой и произнёс:

— Скалистое Гнездо!

Это словосочетание я тоже выучила — так назывался замок Лина. Но, похоже, я что-то важное не уловила. Зачем Лину осаждать собственный замок?

— Почему?

— Враг! — Варрен ткнул в замок. — *Сайдар-а асси.*

Асси. Нужно будет выяснить, что это значит.

Едва я успела подумать об этом, как Варрен начертил рядышком схему. Мужчина — я поняла это по старательно вставленной между ног щепочке, и женщина — той Варрен пририсовал мощные сиськи. Прочертил две линии от них, нарисовал девочку с мальчиком. Видимо, дети. Ткнул в мальчика:

— Сайдар! — следом провёл линию от женщины, нарисовал рядом мужчину: — *Сайдар-а асси.*

Всё ясно. Вряд ли это любовник его матери, скорее дядя. Видимо, за тот год, что Лин провёл в нашем мире, дядя не терял времени зря и прибрал к рукам лишившиеся владельцев территории. А Лин потом с группой друзей этот замок отбил. В пятнадцать лет!

Варрен сложил из рук нечто, отдалённо напомнившее пистолет. «Выстрелил» несколько раз, делая ртом: «Пуф! Пуф!». Потом стал горячо что-то говорить, через слово упоминая сайдара и «хорошо». Похоже, хвалил Лина. Я невольно засмеялась: его жаркая преданность и восхищение сюзереном умиляли.

Какой Лин молодец, что у него такие товарищи. Я словно увидела его с новой стороны: уже не бездомным сиротой, а настоящим воином, предводителем, принимающим решения и несущим ответственность за свои решения.

Хотя он всегда был таким. Даже в четырнадцать относился ко мне покровительственно, а в лагере, помнится, терроризировал каждого вожакого, который осмеливался со мной даже разговаривать, не то что флиртовать.

Но в рассказе Варрена меня насторожила одна вещь. Получается, Лин уже тогда, четыре года назад, вернулся сюда с оружием? Господи, где он достал его в пятнадцать лет? И зачем теперь ему новое, да ещё так много — ведь замок уже у него?

Варрен что-то спросил у меня, и я вынырнула из размышлений.

— Прости, что?

Рыжий «ястреб» смотрел на меня немного странно. То ли со смущением, то ли с робостью. Я прокляла ограниченность словарного запаса. Неловко улыбнулась.

Тогда Варрен медленно, явно не желая меня испугать, протянул к моему лицу руку.

Я не двигалась. Он провёл пальцем по коже — сверху вниз от глаза к подбородку, так, словно пытался стереть пудру, которой на мне не было. Посмотрел на свой палец, восхищённо покачал

головой. Потом коснулся моих волос, вытянул из-за уха прядку, внимательно рассмотрел её.

Такое неприкрытое внимание начало меня смущать. Сердце невольно забилось сильнее, я почувствовала, что розовею. Хотела было отсесть поодаль, попросить прекратить, но раньше, чем успела открыть рот, послышался хорошо знакомый голос с плохо знакомыми жёсткими нотками:

— Варрен!

Мы с Рыжим вздрогнули одновременно. Он вскочил, вытянулся, как солдат, разве что честь не отдал, а я просто уставилась на Лина, так неожиданно появившегося перед нами. Тот выговаривал что-то Варрену. Судя по отрывистой интонации, ругал за какую-то провинность. Взмахнул рукой, и Рыжий склонился в поклоне, а потом, не встречаясь со мной глазами, подобрал меч и исчез в ночной темноте.

Я тоже встала, почувствовав себя неуютно. Получилось так, словно я подвела Рыжего. Наверное, он не должен был болтать со мной во время своей смены.

Взгляд Лина меня пугал. И желваки, перекатывающиеся на его челюстях, и ходящая ходуном грудь. Я остановилась в двух шагах от него. Лин молчал и не двигался. В глазах его бушевало чёрное море.

— Что случилось? — спросила я, оробев.

— Что он пытался сделать?

— Ничего такого... мы просто разговаривали.

Лин молча смотрел на меня некоторое время, потом качнулся ко мне так, словно его дёрнули невидимые канаты. Остановился. Он не сводил с меня глаз, и под этим неотрывным упорным взглядом кровь струилась быстрее в жилах. Все звуки словно отделились, в воздухе повисло неясное напряжение. Я не могла даже пошевелиться, чтобы разбить его.

В следующий миг Лин шумно выдохнул и сделал последний шаг, уничтожая расстояние между нами. Схватил меня за плечи. Я увидела совсем близко полные тёмного огня глаза, и его губы накрыли мои. Не просто накрыли — яростно атаковали, язык ворвался в мой рот, нашёл мой язык, тут же убрался, и Лин прикусил мою нижнюю губу, а потом снова с требовательным напором проник языком.

У меня чуть не подкосились ноги от невозможности происходящего, и от того, как жадно, с полубезумным упоением Лин меня целовал. Влечение, стыд, ощущение, что мы преступили некий запрет, кружили голову, жаркое дыхание сводило с ума, а губы Лина не давали мне возможности глубоко вздохнуть. Внизу живота пылало, по телу прокатывались волны. На каждое движение его языка и губ — что-то внутри меня отвечало сладкой судорогой удовольствия. Если бы Лин не держал меня за плечи — сжимая крепко, почти до боли, я бы не устояла на ногах.

Потом он оторвался от моих губ и сразу, без перехода, принялся целовать в шею, скользя по коже зубами, тоже так яростно, словно хотел поставить клеймо. Одежда давно свалилась с плеч, кофта распахнулась, а футболка была слишком тонкой преградой между нами. В следующий миг не стало даже этой преграды, потому что Лин отпустил меня — и в секунду разорвал старую ткань напополам.

Я вскрикнула, попыталась закрыться, но он не дал. Схватил меня за запястья, на миг застыл, с жадностью оглядывая открывшуюся его взору картину.

— Лин!

Мой возглас пропал втуне. Лин подхватил меня за талию, прижал спиной к сараю и снова принялся бешено целовать. Я не узнавала его. Это был дикий зверь, а не мой Лин. Упёрлась руками ему в грудь, пытаюсь остановить. Тщетно, легче было остановить бульдозер.

— Лин... отпусти... не надо!

ГЛАВА 12.

Не тратя время на то, чтобы расстёгивать крючки лифчика, Лин просто задрал его. Припал к груди губами. Я подавила глубокий стон, закрыла глаза, откинувшись на стенку сарая. Всё моё тело отвечало на эту грубую ласку. Ноги невольно разошлись, слабея, и сразу между ними вклинились бёдра Лина, нечто горячее и твёрдое бесцеремонно врезалось в мою промежность.

Закричать? Как стыдно. Расслабиться и не сопротивляться? Не хочу, не здесь, не так!

— Пожалуйста...

Это была скорее мольба, сама я почти сдалась. Сопротивляться было невозможно, Лин был раза в три сильнее меня. Он мог сделать со мной, что угодно. И здесь, где он был вправе казнить и миловать, никто бы не наказал его за это.

Но, услышав мой полустон-полупросьбу, Лин приподнял голову. Уставился мне в лицо. В затуманенных синих глазах что-то промелькнуло — и хватка его рук вдруг разжалась. Сразу, рывком, как будто ему пришлось заставить себя это сделать.

Буравя меня безумным взглядом, Лин отступил.

— Иди, — сказал он глухо. — Ложись.

Я не заставила себя уговаривать.

Прижимая к груди остатки одежды, тихо, как мышь, юркнула в душное тепло сарая. Наощупь нашла шкуры, зарылась в них, свернулась клубочком, накрывшись с головой.

Это что сейчас было? Лин словно с ума сошёл. Набросился на меня, как безумный, как чем-то опоенный.

А если бы он не отпустил меня? Внутри сладко сжималось от ужаса. Взял бы меня прямо там, придавив своим телом к стене сарая. И, что самое стыдное, я бы кричала от удовольствия.

Господи, что же теперь будет? И главное — почему он это сделал?

Что если он просто думает, что раз я старше, то у меня богатый опыт и мне ничего не стоит разок-другой с кем-нибудь поцеловаться — или даже переспать?

На самом деле никакого богатого опыта у меня не было. Артём был моим единственным мужчиной, да и с ним это происходило как-то механически. Мне нравилось, когда он обнимал и целовал меня, но в сексе я ничего такого не находила. Не потому, что была фригидной, сама себя довести до оргазма я могла, просто... не чувствовала ни замирания сердца, ни тех самых бабочек в животе.

Зато только что с Лином... господи, я думала, сойду с ума. И чуть не сошла. Если бы он не остановился, я бы так и отдалась ему. То «пожалуйста» было максимум, что я смогла из себя выдавить.

Лин всё не возвращался. Если сначала меня это только обрадовало: после того сумасшедшего поцелуя я боялась и его действий, и собственных желаний — то теперь начало тревожить. Он был сам не свой, на Варрена вон как вызверился.

Господи, а если они подрались?

Нет-нет-нет, это совсем глупо. Да и из-за чего? Не из-за меня же. Разве что Лин накажет Варрена за то, что он оставил пост.

Сон никак не шёл, и тогда я снова надела кроссовки, накинула на плечи одеяло и выскользнула наружу.

Я нашла их по свету факелов — за сараем, немного поодаль. Видно, специально отошли, чтобы не разбудить товарищей звоном мечей.

А мечи звенели, чуть ли не искры высекая, когда ударялись друг о друга. Снег на полянке был весь истоптан, изрыт сапогами — а эти двое, голые по пояс, вспотевшие, кружили один против другого, с одинаковыми гаденькими ухмылочками на губах.

Это был тренировочный бой. Тренировочный, но на настоящем оружии. Было страшно смотреть, как взмывает меч, слепит глаза отражённым от факела светом, летит, чтобы в последний момент не

распороть кожу — а мягко зависнуть, остановившись в миге до соприкосновения. Впрочем, противники стоили друг друга, и кровь не пролилась ни разу.

Я совершенно не разбиралась в фехтовании, но было видно, что они оба прекрасно владеют оружием: по тому, как каждый предугадывал движение другого, по тому, как молниеносно сталкивались лезвия, по ловкости и скорости выпадов.

Застыв среди деревьев, я забыла обо всём. Сердце колотилось в груди так, словно хотело вырваться, руки невольно вспотели, а внизу живота разгоралось пламя, как будто я смотрела не на бой, а на стриптиз.

Это было слишком красиво. Два обнажённых по пояс парня — и пот обрисовывал напряжённые мышцы, свет факела играл на коже, а ощеренные в улыбке зубы выглядели откровенным вызовом. Это было даже не просто красиво — по-животному очаровывающе.

Я наблюдала за боем, пока не начало светать. И тогда бы, наверное, не очнулась — но Лин и Варрен наконец остановились. Похлопав друг друга по плечам, всунули мечи в ножны, вытащили всаженные между ветками факелы. Тут я поняла, что они вот-вот меня заметят, и рванулась назад, на стоянку.

Не тут-то было. Мокрые заледеневшие ноги запнулись о ветку, и я со всего размаху улетела лицом в снег. Вскочила, но было уже поздно.

— Ирри? — голос Лина словно задел некую струну внутри меня, дрожь распространилась по телу.

Хоть я и опасалась встречаться с ним взглядом, всё равно повернулась. Несмело глянула. После долгой физической разрядки Лин смотрел теперь уже куда спокойнее, но тёмное жадное пламя в его глазах никуда не делось. Я затаила дыхание.

Почему он так смотрит? Господи, да нет, я просто воображаю. Пытаюсь увидеть то, что нет.

В попытке вернуть себе разумное мышление, наткнулась взглядом на Варрена. А он старательно делал вид, что меня тут нет, смотрел куда угодно, лишь бы не в мою сторону, вертел в руках знакомые ему как свои пять пальцев, наверное, ножны, топтался на месте, как большой медведь.

Вверх по шее хлынуло стыдное смущение, ожгло щёки. Варрен, похоже, всё понимает, всю мою ненормальную реакцию на Лина, поэтому и отводит взгляд. Одно дело изнывать втайне, совсем другое — когда выясняешь, что это заметно окружающим.

— Ирри, — снова позвал меня Лин, шагнул ближе.

Свет факелов, что он нёс, делал его лицо непривычно жёстким, зато покрытое потом тело обливал золотым пламенем, невольно приковывая взгляд, уводя его ниже, в тень.

Я нервно сглотнула и сжала кулаки, впилась ногтями в мякоть ладоней.

— Извини... я не хотела мешать, — и, не поднимая головы, бегом помчалась сперва к костру, а потом влетела в сарай.

Ребята уже начали просыпаться, и меня встретили удивлёнными взглядами. Опустив глаза, я прошла к своему месту. Кроссовки промокли насквозь от стояния в снегу, да и сама я продрогла. Как бы не заболеть.

Печка ещё хранила остаточное тепло, и я прильнула к ней. Закуталась в шкуры. Начал бить озноб, и теперь у меня зуб на зуб не попадал. Зато перед внутренним взором вставали, как живые, картинки боя на мечах. Удар, уворот, удар, звон клинков... яростная улыбка на лице Лина. Синие глаза прищурены, следят за движением противника. Какой же Лин всё-таки красивый. И сильный. И быстрый.

Согревшись, я сама не заметила, как снова провалилась в сон. Слава богу, без подземелий и обнажённых парней.

ГЛАВА 13.

Через несколько часов мы плотной вереницей: впереди Маф со мной и Лином, по бокам двое «ястребов», сзади группками по двое, по трое — остальные — неслись по узкой горной дороге, зажатой между скалистым утёсом и крутым обрывом. Поначалу мчались стремглав, и я думала только о том, чтобы удержаться на широкой холке Мафа — а потом, когда дорога стала немного шире и начали встречаться деревеньки — пошли шагом, торжественно, как самый настоящий кортеж.

Впрочем, это и был кортеж — его светлость герцог Аэлин возвращался в свои владения.

Мы проезжали налепленные на отвесную скалу деревни, дома в которых соединялись запутанной системой верёвочных лестниц и деревянных подпорок, молочно-белые пруды, исходящие паром, причудливые строения. Я только молча кивала в ответ на монотонную скороговорку: мои деревни, замковые горячие источники, мой лес, смотровая башня.

Было дико ощущать, что вот этот парень, который сейчас сидит позади меня, тепло чьего тела согревает меня — и впрямь владеет всей этой землёй, по которой мы мчимся.

Его узнавали: люди кланялись, слышались приветственные крики, нам махали руками — думаю, будь сейчас лето, кидали бы и цветы. Здесьние жители явно любили своего герцога.

Чем медленнее и торжественнее мы ехали, тем сильнее меня одолевали неуместные помыслы. То вспоминался утренний бой между Лином и Варреном, то случившийся до него поцелуй. Вспоминались глаза Лина перед тем, как он поцеловал меня — тёмные, пугающие и в то же время неумолимо притягивающие. Его пальцы на моих плечах — на коже даже остались синяки от силы его рук. Разорванную футболку вообще пришлось выбросить.

Этот безумный поцелуй... правильно ли воспринимать его как своего рода признание? Или я слишком далеко загадываю? Может, Лин просто хочет переспать со мной?

В груди болезненно кольнуло.

Нет, я не имела права его за это упрекать. Вообще-то я тоже его хотела. Уж перед самой собой можно не притворяться. Я и сейчас постоянно пускаю слюни на его тело, тащусь от его улыбки, от взгляда, от того, как он смягчается, когда Лин смотрит на меня.

Чего там, с того самого дня, как он вернулся, я на него реагирую... неадекватно.

Поздно отрицать — я влюбилась. Я влюбилась в Лина, как бы невероятно это ни звучало.

Меня никогда не тянуло на парней младше меня, я вообще не представляла себе, чем они живут и как думают. Но Лин... Лин был особенным. Дело было даже не в том, что я хорошо его знала — как оказалось, настоящего Лина я знала очень плохо. Дело было в том, что он нравился мне и раньше, но совсем без сексуального подтекста. А теперь, когда он вернулся после четырёх лет разлуки, меня словно пробило до самой подкорки. Все эти гормоны, феромоны и чёрт знает что.

«Нравится как человек» слилось с «нравится как мужчина». И всё, я готова, ножки подкашиваются, дыхание сбивается, забирайте тёпленькой.

Господи, но что же мне теперь с этим всем делать?

Я понятия не имела, как ко мне относится сам Лин. В качестве кого он представит меня там, в замке?

Теперь, когда стало ясно, что у него титул, что у него под управлением целая страна, он связан по рукам и ногам правилами, обычаями, ранее данными обещаниями — я не была настолько наивной, чтобы всерьёз воображать, что ради меня Лин отринет всё, что составляло его жизнь доньше.

Хотя о чём я вообще...

Господи, он меня всего лишь разок поцеловал, а я уже мысленно выскочила за него замуж и нарожала пятерых детей. Может, он сам и не помнит, что произошло вчера? Может, это было всего лишь краткое наваждение?

Я только тут поняла, что Лин уже некоторое время ничего мне не рассказывает и вообще молчит. Решил, что я его не слушаю? Обиделся? Это вряд ли, он никогда не обижается без веской причины.

В этот момент, словно Лин услышал мои мысли, на мои руки, цеплявшиеся за луку седла, легли его руки — крупные, жилистые, с чуть выступавшими над поверхностью кожи венками. Я затаила дыхание. Пальцы Лина обхватили мои запястья, потом поднялись немного выше, шершаво

царапнули нежную мякоть. Прикосновение было очень мягким, неторопливым. Лин как будто давал мне шанс воспротивиться.

Беда была в том, что мне не хотелось противиться. Его целомудренная ласка опять вызвала во мне совершенно неадекватную реакцию. Седло показалось вдруг неудобным, а прослойка между ними — из ткани моих штанов и трусиков — слишком тонкой. Ставшая необыкновенно чувствительной промежность ощущала, казалось, каждую шероховатость и каждый выступ.

Маф бежал с прежней скоростью, лёгкой трусцой, под радостные возгласы крестьян. На меня смотрели, но лица местных сливались в одно, я опустила голову и таяла от тайной ласки. Ладони Лина забрались в широкие, растянутые от старости рукава моей кофты и неторопливо изучали каждый сантиметр моей кожи, а мне всё сильнее хотелось, чтобы Лин вообще снял с меня эту чёртову кофту, и коснулся бы не только рук — и не только пальцами.

В следующее мгновение он вынул правую ладонь из моей кофты и положил мне на живот. Она была такой горячей, почти обжигающей, что мне показалось, словно на меня поставили печать — и мышцы живота невольно сократились от этого прикосновения. Я прикусила губу, чтобы не вырвался стон. В меня словно вселился кто-то иной — невероятно развратный и ненасытный.

Над ухом я слышала прерывистое дыхание, да и сама дышала прерывисто, откинувшись на Лина, уже не пытаюсь держаться, просто расслабившись и ловя кайф. Большой палец Лина залез внутрь кофты и гладил кожу, и от этих немудрёных прикосновений по телу прокатывались волны удовольствия.

Больше всего на свете я хотела бы, чтобы эта ласка не прекращалась. Вторым в списке было желание поцеловать Лина. Вернее, чтобы он поцеловал меня — сам, не заставляя меня решать и действовать. Чтобы взял меня за затылок, мягко повернул к себе и нашёл губами мои губы. Не знаю, как это бы выглядело верхом на Мафе — я просто хотела поцелуя, ещё одного, который доказал бы, что вчерашний мне не привиделся. Ещё немного, и я вывернулась бы в седле и сама набросилась бы на Лина. Но тут он откинул с моего плеча пряди волос и поцеловал меня в шею.

Не знаю, как я не навернулась с Мафа. И даже не застонала вслух, только вздрогнула всем телом, когда губы Лина коснулись кожи. Тело пронзило мучительно сладкой судорогой, я невольно сжала ноги, а Маф, приняв это за понукание, вдруг ринулся вперед.

— Маф, тише, — сказал Лин на своем языке. Вынул руку из моей кофты, чтобы потянуть за повод (здесь они крепились не к удилам, а к своеобразному широкому ошейнику).

Все это отрезвило меня.

ГЛАВА 14.

Я подобралась, наклонилась вперёд, чтобы не лежать на Лине, как расслабленная медуза. Запоздалое смущение заливало щёки. Господи, что он подумал обо мне, когда я уплывала здесь от ничего не значащих прикосновений?

Надо что-то сказать. Заговорить, пока он не заговорил первым или, не дай бог, не начал снова меня трогать, и я снова не расплавилась, как смола на солнце.

Я незаметно (надеюсь) прочистила горло, чтобы не разразиться скрипучим фальцетом.

— Лин... — прозвучало слабо, голос всё же не послушался.

— М-м? — ответ пришёл после паузы, за которую я успела решить, что он ничего не услышал, и покрыться потом при мысли, что мне придётся найти в себе силы звать его повторно.

Впрочем, на второй раз голос повиновался уже куда лучше:

— Ты так и не сказал, зачем тебе оружие? Те винтовки всякие из тира, пистолеты. Ты собираешься кого-то завоёвывать?

По-моему, Лин ожидал услышать что-то другое. Он снова некоторое время помедлил перед тем, как ответить, потом глухо сказал:

— Не завоёвывать. Защищать. Король хочет забрать Аэлин.

Я притихла. Даже плохо понимая политическую ситуацию, одно я могла сказать твёрдо: было видно, что Лин обожает свои земли. Отобрать у него их, значит, лишит всего.

Но разве можно защитить что-то от короля?

Я спросила об этом вслух.

Лин издал долгое задумчивое: «М-м-м...».

— Аэлин не принадлежит королю, — наконец сказал он. — Её основал мой предок. Между ним и тогдашним королём Маири-касса был заключён договор. Согласно этому договору, Маири-касс не вмешивается в дела Аэлин, не имеет права приказывать дому Аэлин и не смеет посягать на границы Аэлин. Но нынешний король Маири-касса нарушил клятву.

— Убив твоих родителей?.. Он казнил их?

— Подослал убийц.

Я не видела лица Лина, но по тону могла понять все его эмоции. Поднявшаяся из глубины души горечь — тёмная, застоявшаяся, желание отомстить, тоска по семье. И ровный обычно голос слегка подрагивает, произнося слова:

— Они ворвались в замок, вероломно, через тайный ход. Мой отец пал, защищая нас, зарубили сестру и мать. Я был ранен. Бежал. Они непременно бы меня схватили, если бы не Хайден. Это наш замковый чародей. Он открыл мне путь в другой мир. В твой мир.

Чародей. Меня ударило это слово. Здесь есть магия? Я почему-то ни разу не подумала об этом. А ведь, если на то пошло, способ, которым мы сюда попали, и впрямь походил на магический портал.

Но если магия существует... возможно ли, чтобы та галлюцинация, с огнём — была не совсем галлюцинацией?

Я облизнула губы. Спросить Лина или не стоит? Видел ли он?

Но если видел, почему не заговорил об этом сам? А вдруг женщинам нельзя заниматься магией, и поэтому Лин предпочёл сделать вид, что ничего не случилось? Или всё действительно мне лишь пригрезилось?

Нет, подожду. Если это был не сон и не видение, что-то похожее обязательно случится снова.

— Ты нашёл предателя? Того, кто показал тайный ход?

— Нет, — ответил Лин с сожалением. — Я думаю, это была одна из матушкиных горничных. Но вообще это мог быть кто угодно из приближённых. Мы были слишком доверчивы.

— А почему ты думаешь, что это был король?

— Когда прибудем в замок, я покажу тебе карту. Ты сразу поймёшь. Аэлин окружают территории Маири-касса, мы как бельмо на глазу у них. И у нас есть горы, у нас есть золото, есть серебро и медь. Богатые рудники. Король Маири-касса хочет их себе. Это тянется не первое поколение. Сначала они предлагали нам стать их вассалами, пытались прибрать к рукам мирным путём. Но дети Великого Прародителя никогда не станут ничьими вассалами, — в голосе Лина плеснула упрямая злость.

— Почему он просто не пойдёт на вас войной?

— Он может сделать это в любой момент. Как только найдёт предлог. Пока что он боится действовать в открытую, знает, что совет вельмож не одобрит. А они никогда не одобряют — потому что понимают, что следующими в таком случае будут они сами. Король не может пойти против всех своих вассалов. Пока не найдёт причину, которой сможет прикрыть свои действия. Если бы я не спасся, он бы получил такую причину — Аэлин остался бы без герцога. Король смог бы прислать сюда своего ставленника.

— Но ты вернулся, — тихо сказала я. — А в твоё отсутствие замком завладел твой дядя... получилось, он помешал королю захватить Аэлин?

— Формально, да, — Лин сухо усмехнулся. — Поэтому я не убил его, а заставил уйти в *айморы*. Это те, кто служат богу и не вмешиваются в дела мира.

Монахи, мысленно перевела я. Вот оно что. Суровый мир — где нельзя доверять ближнему своему. Впрочем, о чём я. Там, у меня дома, тоже не всякий ближний заслуживает доверия.

— Но откуда ты знаешь об этом? — руки Лина сжались сильнее вокруг меня.

— От Варрена, — призналась я.

— Я выдерну Медведю ноги. Я бы сам рассказал тебе.

— Медведю? — угрозу я пропустила мимо ушей: во-первых, Лин наверняка не имеет этого в виду, во-вторых, слишком удивил меня эпитет.

— Это его прозвище. Красный Медведь. Он из рода Раггир. По-вашему это значит «медведь». Их родовое животное.

Как интересно.

Лин продолжал:

— Он верный товарищ, но из-за того, что слишком долго был со мной, иногда забывается. Скажи мне, если он позволит себе лишнее.

Я с трудом удержалась от вопроса, кому надо жаловаться, если что-то лишнее позволит себе сам Лин. Вслух заметила:

— Значит, ты притащил сюда огнестрельное оружие, чтобы защититься от короля, если он найдёт свой предлог и нападёт?

— Да. У нас нет защиты против такого оружия.

— Это только до поры до времени... — стоит ли рассказывать Лину о том, что такое гонка вооружений?

Впрочем, он прав хотя бы в том, что враги этого не ожидают.

Я хотела спросить о его дальнейших планах (особенно в отношении меня), но тут на нас упала тень, я вздёрнула голову — и потеряла дар речи.

Из-за поворота выплывала серо-синяя каменная громада. Это был не привычный мне замок, а скорее... ну да — гнездо, налепленное на скалы. Башенки, фронтоны, округлости и острые углы, всё смешивалось в причудливый ансамбль. А наверху, по тёмному на фоне неба горному силуэту, выгнув лапы, прильнув, словно кошка, к горе брюхом, замок обвивал дракон. Чем-то похожий на амулет, что Лин носил на груди, длиннотелый, коротколапый, с острым вздыбленным гребнем. Его прищуренные синие глаза с неприязнью смотрели вниз, на ведущую к замку дорогу, а длинные стоявшие над пастью на манер изогнутых рогов усы придавали оскалу насмешку.

— Ничего себе... что это? — я указала на дракона.

— Великий Прародитель, — в голосе Лина слышалась гордость. — Не он сам, конечно, статуя.

Великий Прародитель. Символ рода? Как медведь у Варрена? У Лина и его рода это, стало быть, дракон?

Замок приближался, и меня всё больше охватывала незнакомая робость. То казалось, что я зря сюда приехала, что мне здесь не место, а грозно нависающий над дорогой дракон вот-вот раскроет пасть и зашипит. То — что сапфировые глаза огромной статуи смотрят на меня с интересом и даже некоторым одобрением, а дом Лина, каким бы он ни был, со временем обязательно станет родным и мне тоже.

Дорога впереди резко сужалась и уходила, как мне показалось издали, прямо в скалу. Подъехав ближе, я разглядела окутанные зловещей красной дымкой чугунные штыри, поднятые вверх. Поёжилась, ярко представив, как они пронзают моё тело. В ушах зашумело.

— Лин, а что это такое? — я вытянула палец в сторону дымки.

— Что? Где? Это ворота.

— Да вот же! Тёмно-красная такая дымка, мерцает.

— Дымка?.. Наверное, это защитные чары, — голос Лина почему-то дрогнул. — Ирри, ты...

Я насторожилась, но Лин не стал продолжать. Кратко бросил: «Потом поговорим» — и замолчал.

ГЛАВА 15.

Это меня немного задело, но обида тут же забылась: передо мной был зажатый между скалами город — самый настоящий, с домами в два-три или больше этажей, со множеством жителей, одетых красочно и непривычно, с приветственными криками отовсюду, гомоном, смехом, звоном, стуком и ещё тысячей разных звуков.

Невероятно.

Я, обычная девушка, жительница двадцать первого века — еду на огромном чёрном псе, по улицам самого необычного города, что мне только доводилось видеть, включая фотографии в интернете, и всё это происходит не где-нибудь, а в параллельном мире, в сказке, где есть драконы и магия.

Было интересно наблюдать, как город оживлялся по мере того, как наша процессия продвигалась внутрь. Люди высовывались из окон домов, приветственно махали, кричали: «Сайдар! Аэлин!».

Всё внимание было сосредоточено на Лине, а я съёжилась в седле, стараясь стать совсем незаметной и в то же время жадно рассматривая всё окружающее.

Здесь было значительно теплее, чем снаружи, снег лежал только на крышах. Дома все были вытянуты вверх и, как и деревенские домики, мимо которых мы проехали, тесно лепились к горам, словно уступая друг другу лившийся сверху солнечный свет. Я с ошеломлением увидела на балконах зелень и даже цветы — яркие, большие, самых разных расцветок, с преобладанием розового, фиолетового и фуксии.

Наконец мы подъехали к замку — по крайней мере именно так я определила самое большое, богато украшенное здание со знакомым изображением дракона на самом верху. Это была то ли роспись, то ли мозаика, и лучи заходящего за гребень горы солнца отражались и множились яркими зайчиками: зелень, золото, сапфировая синева, пламенный рубин распаханной драконьей пасти.

Лин спрыгнул первым, приветственно махнул народу, обернувшись назад, потом повернулся ко мне и подхватил за талию, помогая слезть. На миг его синие глаза очутились совсем рядом, прошлись по моему лицу, в них заиграли насмешливые искорки. Меня словно опалило этим взглядом, вспомнилось, как Лин прижимал меня к стене сарая. Я невольно приоткрыла губы, словно готовясь к поцелую. Взгляд Лина опустился ниже, заметно потемнел, становясь глубже и притягательнее.

Маф встрепенулся, повернул к нам свою большую морду, и волшебство распалось. Вернулись звуки, крики, скрип дерева где-то неподалёку. Лин отошёл от меня, а кто-то ловкий и мелкий, кажется, ребёнок, подскочил к Мафу и смело потянул его за поводья. Огромная чёрная махина, по сравнению с ребёнком ещё более впечатляющая, послушно пошла следом.

— Ирри, — Лин оглянулся, мотнул головой, словно приказывая мне встать рядом.

Чувствуя, как взгляды всех людей — на площади перед замком, вокруг, у ступеней, из окон окрестных домов — сосредотачиваются на мне, я, от нахлынувшего волнения не поднимая глаз, поспешила выполнить его просьбу.

Мы вместе поднялись по ступеням, бок о бок, соприкасаясь рукавами. Мне судорожно захотелось, чтобы Лин дотронулся до меня, взял за руку. Но Лин, в один миг ставший далёким и чужим, строго глядел прямо перед собой в распахантые двери замка.

Зазнобило, я сжала вмиг заледеневшие пальцы в кулаки. Нельзя показывать страх. На меня и так смотрит куча народу, и взгляды вонзаются иглами, колют, раздирают кожу. Идти почему-то стало очень тяжело, как будто на ноги мне надели чугунные кандалы.

И тут Лин, не произнося ни слова, не меняя выражения лица, накрыл тёплой ладонью мою ледяную. По-хозяйски перевернул, заставил разжать кулак, переплёл пальцы. Знакомая дрожь зародилась в глубине тела, накатила жаркой волной, щёки погорячели.

Я сильнее опустила голову, чтобы не светить неумолимо краснеющим лицом и вслед за Лином вошла внутрь. Там оказалось довольно темно, пахло влажным деревом и воском, и ещё чем-то незнакомым, но приятным, щекочущим изнутри ноздри, как нагретая смола.

Мужчина средних лет, такой же черноволосый и синеглазый, как все вокруг, вынырнул перед нами с поклоном и начал говорить длинную витиеватую фразу.

Я не поняла ни слова и даже не дослушала. Морской прибой в ушах, сопровождавший меня с момента въезда в город, вдруг стал слышнее, ноги подкосились, и меня накрыла чёрная, глухая темнота.

Я пришла в себя под тихий треск поленьев в камине. Некоторое время рассеянно наблюдала за языками пламени, за яркими искорками, уносящимися вместе с дымом. Потом увидела рядом на стуле дремлющего мужчину и вздрогнула от неожиданности.

Тут же мужчина встрепенулся и открыл глаза. Быстро поздоровался, сказал что-то ещё непонятной скороговоркой и без церемоний стянул с меня покрывало. Я испугалась, хотела было ударить его по рукам, но слабость не позволила, и я просто задрожала от притока неожиданно холодного воздуха.

Мужчина пробурчал что-то, судя по тону, успокаивающее. Сноровисто ощупал моё горло, область на шее под скулами, потом стал водить руками над грудью и бормотать тихую невнятную считалочку.

Я потеряла дар речи, когда увидела, что из его ладоней струится опаловая дымка и накрывает меня. Почти сразу стало теплее и легче дышать, как будто с грудной клетки сняли камень, бивший меня озноб немного утих.

Магия.

Может, это местный врач? Или лучше сказать — целитель?

— Что со мной?.. — спросила я.

Тут же пожалела: всё равно толком не пойму — но мужчина и не стал ничего рассказывать. Покачал головой, снова накинул на меня покрывало и вышел из комнаты.

От нечего делать я принялась разглядывать обстановку. Сразу было видно, что это не привычный мне мир: всё здесь, от мебели до отделки, было хоть в чём-то не таким, как у нас. Даже стул, на котором сидел целитель, не слишком походил на наши — низенький, кругленький, бочкообразный. И сама комната была округлой, словно хорошо приспособленная для жизни пещера.

Но мне показалось тут довольно уютно. И постель, закутанная наверху в блестящую зелёную ткань на манер подобранного балдахина, и круглое, прикрытое сверху ставней окошко в выпуклой стене, и камин в виде пасти похожего на льва гривастого зверя.

Раздался негромкий стук раскрывшейся двери, и в комнату вошла целая процессия: Лин, за ним незнакомый широкоплечий мужчина с седыми висками и последним — недавний целитель.

Лин переоделся и выглядел теперь настоящим герцогом: в чёрно-синем длинном одеянии, переливающимся, как шёлк, с выставленным напоказ драконьим амулетом на груди. Он даже глядел по-другому: надменнее и суровее. Я невольно забралась глубже под одеяло.

Лин сел на стул, мужчина с сединой встал рядом, а целитель скромно отошёл в сторонку.

— Это Хайден, — не тратя время на приветствия, кратко сообщил Лин. — Мой придворный чародей.

О. Я перевела взгляд на седого. Он был чем-то не похож на остальных людей Лина, синеглазых и широкоскулых. У этого мужчины были впалые щёки, длинный заострённый нос и неожиданно светлые глаза.

Встретив мой взгляд, чародей коротко и хмуро кивнул. Шагнув ближе, буркнул что-то, как целитель недавно.

— Позволь ему проверить одну вещь, — мягко пояснил Лин.

Не дожидаясь разрешения, Хайден принялся водить надо мной руками. Нарисовал мерцающим золотом незнакомый символ, спросил, что я вижу (Лин переводил, когда я не понимала). Я описала картину, как могла. Чародей снова хмуро кивнул. Нарисовал ещё несколько, каждый — чуть слабее цветом, чем предыдущий. Спросил, сколько я вижу.

Когда я ответила, что семь, заметно удивился. Вслед за этим последовал быстрый, на повышенных тонах, диалог с Лином.

— О чём вы говорите? Что со мной? — вмешалась я, когда в беседе возникла пауза.

Лин сказал нахмурившись:

— Хайден утверждает, твоя лихорадка вызвана пробудившимся даром, — при последних словах он поднял глаза и полоснул меня неожиданно острым синим взглядом.

— Даром?.. Магическим, что ли? — я нервно усмехнулась. Звучало как-то... нереально.

— Дар видеть и творить магию, — подтвердил Лин как ни в чём не бывало. — Помнишь, ты касалась

«ключа» и он менял цвет? Я тогда не поверил, что дело именно в этом, но раз Хайден говорит... Скорее всего, у тебя действительно есть дар.

Лин говорил спокойно, но на челюстях ходили желваки. Что-то ему сильно не нравилось.

— Это так плохо? — спросила я.

Очередной пронизывающий взгляд. Невесёлая усмешка.

— Это большая редкость. И большая ответственность.

Прозвучало скорее как уход от ответа, но я не успела переспросить.

Хайден произнёс несколько отрывистых слов. Лин резко сказал что-то. Хайден заговорил быстро и возбуждённо, сильно жестикулируя, словно убеждая Лина. Тот мотнул головой.

Тогда Хайден тоже покачал головой, развёл руками, будто призывал небо в свидетели, и, не прощаясь, вышел прочь. Лин сказал пару слов, и молчаливый целитель выскользнул следом.

Мы остались вдвоём.

Я смотрела на Лина, с каждой секундой чувствуя всё большую неуверенность. Если так подумать, слова «скорее всего у тебя есть дар» прозвучали больше как врачебный диагноз, причём неутешительный. Может, женщинам всё же запрещено колдовать?

То, что Лин уставился куда-то в сторону и, судя по лицу, напряжённо о чём-то думал, добавляло тревоги.

— Лин, — я высунула руку из-под покрывала и дотронулась до его запястья. — Не молчи, скажи толком. Что плохого в том, что у меня есть этот дар? Я умру? — я несмело усмехнулась, чтобы подчеркнуть, что это шутка. — Или дело в другом?

Лин перевёл взгляд на меня. Брови его по-прежнему хмурились, но ответил он всегдашним мягким тоном:

— Всё будет хорошо. Это не болезнь. Имис, это наш целитель, позаботится о том, чтобы уже завтра ты была здорова. Но... — он помедлил и продолжил с явным усилием: — Хайден сказал, что у тебя очень сильный дар. Он считает, что тебе нужно развивать его.

— Хорошо, — я растерянно кивнула. Развивать так развивать, тем более что звучало это тоже как сказка. Я смогу колдовать? Пускать файерболлы, делать порталы? Рисовать в воздухе всякие светящиеся штучки?

Лин вдруг схватил меня за руку.

— Ирри, — сказал он, буравя меня пронзительными синими глазами, — не делай этого. Не учись магии.

Я молча смотрела на него. Ждала, что он скажет почему, но Лин начал жарко объяснять:

— Не бойся, в этом нет ничего плохого. Многие люди не развивают свой дар. Не все хотят становиться чародеями. Обучение стоит денег, берёт много времени, нужен особый характер. Хайден обучит тебя всему, что тебе нужно знать, чтобы ты могла контролировать это.

Похоже, у меня поднималась температура, потому что голова начала болеть и в ушах снова зашумело. Лин сказал, для обучения нужны деньги. У меня их нет. Вот и решён вопрос.

— Хорошо, Лин. Если ты так говоришь.

Я закрыла глаза, но перед этим успела увидеть, что мой ответ Лина почему-то не обрадовал. На его лице была смесь облегчения с чем-то похожим на вину. Но мне становилось стремительно не до этого. Я словно улетала в чёрную трубу. Ускользающим сознанием услышала:

— Я вижу, тебе нехорошо. Я пришлю целителя, — а потом стук закрывающейся двери.

Дальше была только темнота.

ГЛАВА 16.

Хоть Лин и сказал, что я быстро встану на ноги, весь следующий день я провела в постели. Большую часть спала, а меньшую — принимала посетителей, которых неожиданно оказалось целое паломничество.

Примерно каждые час или два заходил целитель, проверял моё состояние, обычно молча, водил руками и, поклонившись, уходил. Утром пришёл незнакомый мне чопорный мужчина в интересной одежде, похожей одновременно на сутану, мундир и сюртук. Привёл с собой миленькую большеглазую девушку с чёрными уложенными в две баранки косами. С грехом пополам я поняла, что это моя личная служанка, которую я могу в любой момент позвать, дёрнув за фитюльку, висящую на стене рядом с кроватью.

Техника на грани фантастики.

После обеда (завтрак я проспала, а обед сервировали в той же комнате, водрузив столик мне на кровать и подбив подушки) пришёл некий явный иностранец на вид — потому что он был сероволос, тощ и сух, как кузнечик. И стрекотал так же.

Иностранец притащил с собой нечто вроде учебников, разложил их опять же на кровати, завёл что-то вроде шарнирной куклы, и она мерно тикала, пока мы учили язык Аэлин. Как ни странно, обучение пошло очень быстро: то ли за то время, когда Лин жил с нами, я прилично понахвталась основ, то ли учитель был очень хороший — но уже к вечеру я смогла немного поболтать с той самой девушкой-служанкой.

Выяснилось, что её зовут Элле, ей пятнадцать (боже! пятнадцать!), её мать служила её покойной светлости (маме Лина), и Элле теперь счастлива служить мне. О Лине она говорила с придыханием, слово «сайдар» произносила явно с большой буквы и делала при этом такие огромные вдохновенные глаза, что мне стало смешно.

Увидев мою реакцию, она, долго помявшись перед этим, спросила разрешения задать вопрос. Я кивнула, про себя улыбнувшись церемониям. И она, набрав в грудь воздуха, опустил глаза от смущения, бахнула снаряд:

— Ваша милость, а вы... вы невеста сайдара?

Я замотала головой, забыв все слова от неожиданности.

— Нет, с чего ты взяла? Я просто... — я запнулась.

Просто что? Просто его названная сестра из другого мира? Хватит притворяться, от братско-сестринских отношений остались рожки да ножки.

Неужели Лин представил меня здесь своей невестой? Что-то подпрыгнуло в груди при этой мысли. Она шокировала, но не была неприятна.

Хотя всё же шокировала. Выйти замуж за Лина? Нет-нет-нет. Сначала нужно хотя бы убедиться, что он действительно относится ко мне так, как... как мне бы того хотелось.

Элле бормотала извинения, я прислушалась. Оказывается, её сбило с толку моё явно чужеземное происхождение. И то, что меня поселили именно в этих покоях. И забота Лина обо мне.

— Простите, я слышала, что его светлость обручён с младшей дочерью повелителя Валлемы, вот и решила, что это вы... Вас встречали с такой пышностью, вы вошли рука об руку с сайдаром. Боюсь, многие решили именно так...

Элле всё ещё прятала глаза, наверное, решила, что я разозлюсь из-за её оплошности. Я молчала. Что-то внутри меня как будто похолодело и покрылось пеплом.

У Лина есть невеста. Настоящая.

Мне представилась маленькая светловолосая девушка. Тоже лет пятнадцати, как Элле. Для нашего мира — нонсенс, для этого — наверняка самый подходящий для замужества возраст. Она смущается, опускает пышные ресницы, на нежных щёчках розовый румянец. Лин поднимает вуаль, на миг замирает, словно захваченный её красотой. А потом наклоняется и целует...

Фу!

Спокойно, Ира.

Лин ничего мне не обещал. Ни о чём не заговаривал — теперь ясно, в чем дело. Чёрт, но почему так

больно сжимается в груди при мысли о его невесте?

А где он сам? Может, пора поговорить? За сегодня я не видела Лина ни разу.

Дело, конечно, не в том, что я по нему соскучилась. Ни в коем случае. Просто у нас слишком много нерешённых вопросов, включая тот разговор о магии. Я ведь так и не поняла, почему Лин не хотел, чтобы я училась обращаться с ней.

— Элле, а где Лин? Можешь отвести меня к нему? Или позвать его сюда?

Кажется, мысль о том, что Его Светлость Герцога всея Аэлин можно вот так запросто позвать к себе в комнату, Элле изрядно шокировала. Служанка даже подвисла на некоторое время. Потом присела (у них это заменяло книксен) и, не поднимая глаз, упавшим голосом сообщила:

— Его светлости сейчас нет в замке.

— Как нет?

И куда же он отправился? Не сказав мне ни слова?

Я, конечно, ему не мамочка, но мог бы и предупредить.

— Я слышала, — прошептала Элле, — что его светлость с личным отрядом отправился в поездку, которая продлится несколько дней.

Час от часу не легче! И никаких мобильных телефонов в этом средневековье. Вернее, один есть — мой. Лежит себе со значком «вне зоны действия сети».

Мелькнувшая в сознании мысль превратила мои внутренности в кусок льда.

А что если он как раз поехал за своей невестой?

Это было бы ужасно. Если это правда, я не смогу здесь оставаться. Жить в замке и каждый день видеть Лина с другой — ни за что.

Элле решила, что я устала из-за болезни, и тихо откланялась. Я не стала её удерживать. В голове был только Лин. То вспоминались его руки на моих плечах, потемневшие от желания синие глаза, момент, когда он разорвал мою футболку... то его нежность во время совместных ночёвок, то недавняя целомудренная ласка, когда мы ехали верхом на Мафе. То непонятная вина на лице, когда речь зашла об обучении магии.

Невеста... вот бы это были только слухи.

Но заноза в глубине души всё ныла и ныла.

Следующий день прошёл так же: целитель, учитель, Элле, беседы о том о сём. О чём угодно, кроме Лина. К полудню третьего я осмелела настолько, что, переодевшись в местное платье, решила нанести визит чародею. Тому самому, неприветливому Хайдену.

Элле шла первой, показывая дорогу. Ей, по-моему, было очень неловко шествовать впереди меня, так что она стелилась по стеночке, поминутно оглядываясь. Каждый раз я одобрительно ей кивала.

Кстати говоря, мне понравились здешние наряды.

Лин ещё в первый день, когда я лежала без сознания, распорядился доставить мне целый ворох тряпок из гардероба своей матери. Вместе с одеждой принесли и написанную его кривоватыми русскими буквами записочку. В ней Лин извинялся, что пошив новых платьев займёт время и что пока мне придётся довольствоваться вещами с чужого плеча.

Это было очень мило, я даже временно перестала злиться, что он уехал без предупреждения.

Правда, мне мало что подошло из одежды его матери. Она, видимо, была намного выше и шире в кости, так что большая часть платьев висели на мне, как на вешалке. И цвета были в основном тёмные: синий, чёрный, болотно-зелёный. Я отобрала самые светлые и простенькие — если подвязывать поясом, получалось ничего. Рукава, правда, доходили мне до пальцев.

Зато тут не носили никаких корсетов, как я того опасалась. Пышные, довольно короткие юбки до середины голени, самые настоящие чулки, правда, не капроновые, а, кажется, вязанные из очень тонкой шерсти, закрытый верх, изящно облегающий грудь, длинные рукава.

У меня в покоях оказалось зеркало, и я очень долго вертелась перед ним, примеряя разные платья. Жаль, что мне подошли всего три варианта: голубой с белой нижней юбкой, кокетливо выглядывающей из-под шёлковой верхней, нежно-розовый с тёмно-розовой отделкой и цвета морской волны с мелкими цветочками на корсаже.

Для визита к чародею я выбрала самое строгое на вид последнее. Подобрала волосы лентой — по сравнению со здешними у меня были слишком короткие волосы, и я не могла забрать их в косы, как часто носили тут незамужние девушки. Элле сокрушалась по этому поводу, пока мы не нашли в запасах Линовой матери сотни лент.

В общем, из-за всего этого, одетая по местной моде, я чувствовала себя очень комфортно, следуя за Элле по коридорам замка.

И тут, завернув за угол, Элле вдруг тихо ахнула и попятилась. Обратила ко мне испуганное личико:

— Простите! Давайте пойдём другой дорогой.

— Почему? Что случилось? — я не выдержала и тоже заглянула за угол.

Взгляду предстала полукруглая комнатка наподобие эркера, со столиком, вокруг которого расположился настоящий цветник. Пять девушек в разного цвета платьях, от медово-жёлтого до тёмно-синего и травянисто-зелёного, сплетничали, попивая местный чай и поедая печенье из хрустальной вазочки в середине стола. Они смотрелись как картинка из какого-нибудь журнала: несколько одинаковых куколок, изящными движениями берущих лакомства. Я невольно заулыбалась.

— Ваша милость! — Элле жарко шепнула мне в ухо. — Пойдёмте, пока нас не заметили!

Я покачала головой. Коридор здесь изгибался очень удобно для того, чтобы наблюдать, оставаясь незамеченной. Мне захотелось посмотреть, как здесь ведут себя девушки примерно моего возраста, о чём и как разговаривают, какие у них манеры.

Вряд ли они станут делиться тайнами, отлично зная, что по коридору в любой момент может кто-то пройти. Значит, я вполне могу послушать, не угрызаясь совестью.

— И кто же она? — донёсся голос девушки в зелёном. У неё было пухлощёкое кругленькое личико и две косы баранками. — Неужели невеста его светлости?

Улыбка сползла с моих губ. И тут болтают о невесте Лина? Господи, он что, и правда везёт её сюда?

ГЛАВА 17.

— Не может того быть, — решительно заявила синяя. — Где тогда её свита, где личные служанки? Где приданое?

Я не успела проглотить новую информацию, как заговорила третья девушка:

— Её привёз личный отряд его светлости. Может, она его пленница?

Только тут до меня дошло.

Это я — та «невеста», которую они обсуждают. Загадочная персона, не дающая всем покоя.

— Нет, он вошёл с ней вместе. Поселил в южных покоях, рядом с собой. Приставил слуг, — перечисляла девушка в зелёном.

Синяя ахнула:

— Великий Прародитель! Неужели она его любовница? А как с ней тогда держать себя? Откуда она вообще взялась?

— Говорят, она ничего не понимает из нашей речи, — вмешалась ещё одна, в чёрно-красном. — Его светлость говорит с ней на её языке.

А эти сведения уже запоздали, голубушки. Нет, конечно, говорю я так себе, но понимание вполне на уровне.

Элле дрожала рядом, но дёргать меня не осмеливалась.

— О-о, он такой чудесный, — вздохнул кто-то, и тут же весь цветник согласно завздыхал.

Господи, да они же все в него влюблены. В груди шевельнулся червячок ревности. Оказывается, у Лина вон их сколько — и все потенциальные невесты. Правда, по-настоящему красивых только трое: девица в синем, медово-жёлтая и та, что в центре, в чёрно-красном. Цвет платья выделялся на фоне остальных, довольно естественных, и она смотрелась, как ядовитая роза. Роза с чёрными шипами.

И тут эта роза презрительно скривила губы и заявила:

— Его светлости скоро надоест, он наиграется и выбросит её. Забудьте о ней, это временная пташка.

Это было так созвучно моим собственным мыслям, моим опасениям, что я невольно сжала зубы. Оглянулась на Элле. Та смотрела на меня со страхом, будто ожидала, что я прикажу отрубить ей голову.

— Кто эта, в чёрно-красном?

— Её милость Иве Рата, — прошептала моя служанка. — Дочь канцлера Рата.

Дочь канцлера. Мне это ничего не говорило, но, похоже, девчонка не из простых, привыкла смотреть на всех сверху вниз.

В принципе, мне всё равно, что говорят за спиной. Главное — отношение самого Лина. Могу спокойно уйти, отправиться, как и планировала, к чародею, сделать вид, что ничего не слышала. Вряд ли эти красотки осмелятся на что-то большее, чем молотить языками. Это не мой мир и не мой замок.

Но тут словно чертёнок шепнул в ухо: давай, Ира. Докажи, что с тобой надо считаться.

В голове зашумело, руки и ноги похолодели, а сердце, напротив, забилося быстро и горячо, будоража кровь. Я сделала шаг вперёд.

Поначалу они не поняли. Застыли: кто поднося ко рту печенье, кто — хихикая над словами Иве Раты. Но взгляды всех сосредоточились на мне.

В наступившей тишине я слегка присела, имитируя принятые здесь реверансы. Выпрямилась и звонко, молясь, чтобы голос не задрожал, произнесла:

— Какая интересная беседа!

Ответом мне было молчание. Я их раньше или не видела, или не различала — но все они видели меня. И мгновенно узнали.

Потом Иве Рата медленно поднялась. Некоторое время мы в молчании мерились взглядами.

Элле за моей спиной полузадушенно пискнула. Взгляд Раты метнулся к ней, потом снова вернулся к моему лицу. Её красивые соболиные брови поползли вверх, а глаза приняли ещё более высокомерное выражение.

— Кто это? — осведомилась она ледяным тоном. — Что делает здесь эта варварка? Кто разрешил ей выходить из комнаты?

Её наперсницы угодливо засмеялись. При этом они старательно отводили глаза, когда я смотрела на них.

Во мне вспыхнуло ледяное пламя злости. Эта красно-чёрная роза думает, что хозяйка положения. Спит и видит себя женой Лина, не иначе.

Вот бы отбрить её по-русски. Сражаться на их языке мне было пока что сложно. Понимать я понимала, а нужные слова на ум не приходили. И акцент от нервов становился сильнее, если сейчас попытаюсь что-то сказать, только на позор себя выставлю.

Зря я вылезла.

— Что язык проглотила? — заметив мою неуверенность, спросила девица.

Торжествующие нотки в её голосе разозлили меня ещё больше. Подогревая себя, я вспомнила, как призвала огонь на лесной дороге. Как страх за Лина переродился в желание защитить его, как по моим собственным жилам побежало пламя, как вырвалось наружу.

Сейчас страха не было — была злость.

На эту манерную девицу, которая вела себя как некоронованная королева. На Лина, который уехал невесть куда и у которого, оказывается, есть невеста. Даже на чародея, который толком не объяснил мне ничего о магии.

Это случилось совсем по-другому, не так, как в прошлый раз.

Я не взяла огонь откуда-то — я превратила злость в ледяной поток. Он хлынул через меня, неудержимо, словно где-то разом открыли шлюзы, поднялся к потолку, как длинный плотный голубой язык, и изогнулся, окатывая наглуемую девицу с головы до ног.

Я не удержалась от смеха, видя, как она моргает выпученными глазами, насквозь мокрая. Платье обвисло на ней, отчётливо обрисовывая фигуру.

Но в следующий миг смех перешёл в ужас. Водяной поток не унимался, а напротив — словно окреп и обрёл собственную волю. Он, как огромный удав, обвился вокруг шеи Иве Раты, поднял девушку в воздух, так, что её ноги беспомощно болтались, а из горла слышался один хрип.

И этот поток ничуть мне не повиновался.

Я привалилась к стене, изо всех сил пытаюсь оборвать связь, представить, как вода рассыпается каплями, как уходит, исчезает — но ничего не происходило. Иве безвольно обмякла в кольцах, вокруг визжали и кричали, я слабела, но водяной поток становился лишь крепче.

Иве отлетела в сторону, словно ему надоело играть с бессознательной жертвой. Водяной удав, вздыбился надо мной, урча, переливаясь перламутром, раздуваясь, как клобук у кобры.

Я замерла. Да как же управлять этой чёртовой силой...

— Что за... — за спиной кто-то выругался.

Я обернулась и увидела хмурого чародея. За его плечом стояла запыхавшаяся, покрасневшая Элле.

Хайден окинул нас неприветливым взглядом: меня на корточках у стены, Иве Рату, лежавшую в луже воды, других девчонок, забившихся по углам, вцепившихся друг в друга и не переставая визжавших. И огромную водяную змею, вихрившуюся кольцами.

Чародей сделал сложный жест, сверкнуло зеленом, запахло вдруг мокрой пылью и озоном, как после летнего дождя — и змея исчезла, как не бывало.

Мне сразу стало легче. Шум в ушах пропал, и только сбившиеся вместе девчонки продолжали тянуть тоскливую ноту.

— А ну тихо! — прикрикнул на них Хайден. — Займитесь её милостью.

Они замолчали враз. Испуганно оглядываясь на чародея и на меня, перешёптываясь, вся стайка окружила канцлерову дочь. Откуда-то налетела туча служанок (видимо, сидели неподалёку, ожидая на случай, если господам что-нибудь понадобится). Увидев Рату в луже воды, служанки добавили визгу, а потом начали хлопотать вокруг, подсовывая то воду, то нюхательную соль.

Я с облегчением услышала, как девица застонала. Слава богу, жива.

Хайден схватил одну из служанок за плечо:

— Позови Имиса. Пусть осмотрит её.

Та торопливо закивала, несколько раз поклонилась и со всех ног убежала.

Я тоже осторожно, по стеночке, поднялась и сделала шаг назад. Лучше убраться, пока не заметили. Я, конечно, шла к чародею, но что-то мне подсказывало, сейчас не самый лучший момент.

— Э нет, — он резко обернулся и ухватил меня за руку. — А ты пойдёшь со мной.

Миниатюрным паровозиком: впереди высокий и тощий чародей, за ним я, за мной Элле — мы пролетели сквозь лабиринт коридоров и комнат. Наша конечная цель оказалась сравнительно недалеко, и это была самая настоящая башня колдуна. Хотя в замке, состоявшем почти сплошь из башен и башенок, была бы странным не встретить хотя бы одну.

Хайден отворил дверь, и за ней обнаружилась просторная круглая комната. В ней было полно народу, сосредоточенно занимавшегося своими делами.

Дела, впрочем, не помешали парням любопытно скосить глаза в мою сторону. Ни один при этом не осмелился заговорить.

Тут чародей остановил мою наперсницу.

— Одна, — сказал он скрипуче, явно имея в виду меня.

— Подожди здесь, — шепнула я ей.

Хайден указал ей на низкий пуфик, и Элле послушно уселась. Она вздохнула с облегчением, а у меня, напротив, от предстоящей беседы тряслись поджилки. Интересно, меня не выкинут из замка за попытку убийства?

Мы долго поднимались по узкой винтовой лестнице. В отличие от комнаты внизу, где горел камин, тут стоял промозглый холод. Я сжала зубы, чтобы не стучали, и мужественно цепляясь за ледяные перила, шла вслед за чародеем. Хорошо, что путь оказался недолог.

Но, к сожалению, внутри, в комнатке почти под самой крышей, было немногим теплее, чем на лестнице. И темно — но темнота вмиг рассеялась, когда Хайден сделал невнятный быстрый пасс.

Я заозиралась: довольно просторная комната со множеством шкафов, высоким столом типа бюро и креслом с высокой спинкой — и другим столиком, низким, с пузатыми ножками, втиснутым между двумя такими же низкими креслами.

— Садись, — кратко бросил чародей, указав на одно из кресел.

Мне показалось что-то странным в этой фразе, но я сделала, как велели. И, только опустившись в кресло, подпрыгнула, сообразив.

— Вы говорите по-русски?!

Неприветливое лицо Хайдена рассекла усмешка.

— Вы... я... — я запнулась, сама не понимая, что хочу спросить. — Вы из нашего мира?

Уже озвучив догадку, я поняла, что она ложная. Хайден хоть и выглядел здесь необычно, говорил по-русски с тем же самым хорошо мне знакомым акцентом Лина. Он был местным.

— Вас научил Лин?

Чародей покачал головой. Присел напротив, сделал ещё одно движение руками, напрягся — и я почти увидела, не глазами, а не знаю чем — как потекла энергия, формируясь в сложный загадочный символ. Этот символ мгновенно накалился, засиял, и от него потекло тепло.

Я невольно протянула к нему руки.

Странно. Я думала, он будет ругать меня за то, что только что произошло, но он вёл себя так, будто ничего не случилось. Даже ни слова не сказал в упрёк. Может, конечно, всё ещё впереди...

Хайден водрузил символ на стол, и он встал там, как диковинное украшение.

— Батарейя, — с акцентом сказал чародей, кивнув в его сторону.

Хоть сердце и было не на месте, я всё равно улыбнулась. Конечно, на настоящую переносную батарейю это походило мало, но изящество замысла было налицо. Хорошо магам. Не нужно заботиться о камине, захотел тепла — сделал.

Тут я заметила на столике украшения в знакомом пластиковом пакете. Золотые и серебряные цепочки, кольца, браслеты — всё вперемешку.

— О... так Лин для вас их взял.

Хайден, посерьёзнев, кивнул.

— А зачем они вам? И почему вы говорите по-нашему?

— У вас очень тонкая работа, — чародей коснулся пакета, вскрыл его и вывалил украшения на стол. Потом потянулся назад и взял с полки что-то, тоже положил на стол. — Посмотри, ты поймёшь.

Стоило взглянуть, как я действительно поняла. Здешние украшения выглядели топорно. Массивные перстни, крупные камни, неровные и тоже крупные звенья цепочек. По сравнению с этим принесённые нами с Лином вещи смотрелись очень изящно.

— Но какой толк вам от этого? Продавать?

Хайден покачал головой:

— Учиться.

Снова потянулся куда-то назад. На стол легли бумажные листы — не тонкие и белые, как у нас, а толстые, жёлтовато-бежевые, разного размера и с неравномерными муаровыми разводами. На этих листах были в подробностях зарисованы самые разные кольца, соединения, звенья, огранки, способы крепления драгоценных камней — уйма всего.

Хайден, тыкая в рисунки, стал объяснять мне детали, которые я с трудом понимала из-за обилия терминов. Теперь он не казался мне ни хмурым, ни неприветливым. Так, обычный мужчина средних лет, несколько замкнутый и неразговорчивый — пока дело не касалось его конька. Тут он рассуждал с жаром:

— Аэлин богата рудой. У нас есть золото и серебро. Это ценный металл сам по себе. Но если придать ему форму, если научиться делать такие же тонкие вещи — наши украшения захотят везде. Мы будем одевать все королевские дворы мира. Кроме того, на тонкую работу лучше ложатся защитные и оберегающие заклинания, это тоже большой плюс.

Я молча кивала, не в состоянии вставить ни слова в эту горячую речь.

Оказывается, вот и чём думал Лин, когда скупал в ломбарде драгоценности. Да и всё остальное, от оружия до всяких мелочей вроде фонариков и зонтов, во всём прослеживается эта мысль — беспокойство о своей стране. Желание сделать её сильнее, богаче и защищённее.

— Значит, вы жили у нас? — я проследила, как чародей бережно собирает украшения обратно в пластиковый пакет. — Долго?

Вместо ответа Хайден повернулся ко мне спиной, снял со стены рожок и проговорил в него:

— Отправь вверх бутылку вина и что-нибудь из закусок, — и повесил рожок обратно.

Обернулся и, видимо, узрев священный ужас на моём лице, снова усмехнулся. А минуты через три, когда заказ доставили на ручном лифте — именно так я бы назвала корзину с припасами, покачиваясь, появившуюся в открытом окне — так и вообще в голос рассмеялся.

Ладно звонок для вызова прислуги. Телефон и лифт держи, Ира, не обляпайся!

— Да, мы кое-чему научились от вас, — кивнул Хайден, расставляя припасы: сыр, запечённый с травами местный хлеб, бутылку вина и к ней два высоких латунных бокала. — Хотя это вышло вообще случайно. Я имею в виду первый раз, когда я попал к вам. Я пытался тогда довести до ума

формулу передвижения на большие расстояния. У нас есть ворота, но они соединяют только ограниченные дистанции. Я же хотел махом преодолеть половину земного шара.

ГЛАВА 18.

— А преодолели куда больше, — поддакнула я.

Меня уже не удивило упоминание земного шара. Ясно было, что мир Лина — далеко не «тёмное средневековье».

— Хорошо сказано, — Хайден разлил вино по бокалам, подвинул мне один. — Да, я открыл путь к вам. Несколько лет экспериментировал, прежде чем убедился, что это безопасно, и тогда решил отправиться к вам сам. И оказался заперт у вас на много лет.

— Как же так? Вы же сказали, что убедились, что это безопасно.

Он кивнул:

— Да, но я не учёл одного важного условия. До этого я открывал ворота сам, управлял ими, находясь здесь, в Аэлин. Я отправлял к вам людей отсюда и забирал из вашего мира тех, кого приводили мои помощники. Но у вас слишком низкий магический уровень. Его не хватало, чтобы открыть ворота в обратную сторону. Мне потребовалось почти десять лет, чтобы создать накопитель, вещь, которая позволяла сконцентрировать необходимое магическое поле.

Десять лет! Ничего себе. Тогда неудивительно, что Хайден так хорошо говорит по-русски. Страшно представить, что ему пришлось пережить, когда он понял, что путь назад закрыт. И какие усилия он приложил, чтобы вернуться.

Хайден откинулся на спинку кресла. Уставился вдаль. Заговорил неторопливо, подбирая слова, делая паузы, как будто на ходу вспоминал:

— На семью его светлости напали в моё отсутствие, я как раз проводил эксперименты с воротами. Его светлость примчался ко мне раненым, за ним гнались убийцы. Я решил, что спрятать его в другом мире будет наилучшим выходом. Правда, я не был уверен, что ему удастся вернуться, ведь его светлость не маг, а я не довёл эксперимент до конца. Но у нас не было времени на раздумья. Он взял накопитель и ушёл. Я запечатал ворота с нашей стороны, чтобы никто не смог пройти вслед за ним. Началась жизнь скитальца. Все мы затаились, не смея вернуться в замок, не зная, что предпримет король. Слава небесам, через год его светлость смог вернуться. Снова собрал свой отряд, отвоевал замок. А через несколько лет его светлость начал видеть зловещие сны. Кому-то дорогому для него грозила опасность. Может быть, это были вы?

Я чуть не поперхнулась от этого предположения. Сны? Опасность?

— Не знаю...

Может, Лин видел смерть ба? Может быть, здешние целители смогли бы её спасти. Но он не успел.

— Мне тоже пару раз снились странные сны, — призналась я, не поднимая глаз. Жаль, Хайдену не расскажешь подробностей, настолько откровенно эротическими они были. — Про Лина. Один раз я видела его в подземелье, на цепях. Это может случиться на самом деле?

Хайден посерьёзней. Встал и несколько раз прошёлся взад и вперёд. Наконец обернулся ко мне:

— Учитывая то, что у вас есть талант к магии — да, я бы сказал, вам могут сниться вещие сны. У нас, чародеев, особенно у необученных, случаются такие спонтанные проявления дара.

— Получается, Лин тоже маг? Если ему тоже снились сны...

Хайден некоторое время молчал, уставившись в пространство. Потом поманил меня к себе и отошёл к окну. Раскрыл ставни, предлагая мне выглянуть. Стёкол здесь не было, и в лицо мне ударил холодный зимний воздух, на миг заставив зажмуриться.

— Что касается его светлости, то он не маг в обычном понимании этого слова. Но его светлость прямой наследник Великого Прародителя, — Хайден указал на припавшего к горе дракона. В наступающих сумерках сапфировые глаза горели ледяным пламенем. — Дети Великого Прародителя, даже не будучи магами, обладают некоторыми необычными способностями. Например, чувствовать на расстоянии своего избранника... или избранницу. Особенно если той грозит опасность.

Хайден смотрел на меня так пристально, что я смутилась. Отошла подальше от окна, притворяясь, что озябла.

Избранница Лина? Это ведь не может быть обо мне. Хайден наверняка ошибается.

— Вы сказали, у меня есть способности... к магии. Хотя вы и сами же видели, там, с водяной змеей.

Чародей с громким стуком опустил ставни. Вернулся к столику, присел и налил ещё вина в оба бокала. Жестом предложил мне тоже присесть.

— Вам нужно учиться, — сказал он, становясь серьёзным. — Ваш дар слишком велик, чтобы вы могли справиться самостоятельно. Недавнее происшествие это доказывает. Следующий раз может стоить вам жизни, вам или кому-то другому. Собственно, если бы я не успел... — он не закончил, но я поняла сама.

Мурашки поползли по спине. Ещё немного, и умерла бы или Рата, или я сама. И Хайден был прав: кто знает, что произойдёт в следующий раз. Я и сейчас хотела только припугнуть девчонку, а не призвать на свою голову своевольную безумную стихию.

— Я не могу постоянно быть рядом с вами, чтобы помочь. Вам или надо пройти обучение, или запечатать дар, иначе это опасно, и для вас самой, и для окружающих. Но второй вариант я бы не советовал — это всё равно что получить бриллиант и бросить его в море.

— Лин говорил мне, чтобы я не становилась чародейкой.

— Вот как, — на лице Хайдена мелькнуло неудовольствие. — В таком случае считайте, что я ничего не говорил. Я не хотел бы идти против воли его светлости.

— Ну раз уж пошли, хоть и невольно, договорите теперь до конца, — с несвойственной мне обычно решительностью потребовала я. — Лин всё равно сказал, что обучение стоит денег, а раз их у меня нет, то вопрос решённый, но я всё же хотела бы знать, в чём дело.

Хайден молчал долго. Так долго, что я успела осушить свой бокал, хоть и пыталась пить очень медленно. Наконец чародей составил вместе кончики пальцев и задумчиво ответил:

— Будь по-вашему. Первое и самое главное, я думаю, в том, что чародеев обучает Общество Магов, а оно находится в Маири-кассе. Что касается денег, этот вопрос решаем. Если ваш дар признают достойным, вы можете претендовать на стипендию. Правда, взамен вы должны будете принести клятву верности его величеству. Этого бы нам, конечно, хотелось бы избежать.

Ещё бы, это же ни в какие ворота не лезет. Клятва верности королю Маири-касса означает, что я стану врагом Лина, так или иначе. Теперь ясно, почему он был против.

Однако Хайден тут же опроверг мою теорию:

— Но его светлость не настолько скуп, чтобы он не мог позволить себе оплатить обучение. Вопрос лишь в том, чтобы по возможности скрыть вашу связь с Аэлин, чтобы в вас не признали шпионку. Возможно, вам известно, мы сейчас находимся в состоянии холодной войны с Маири-кассом. Но благодаря вашей внешности, — Хайден обвёл меня рукой, — это, слава небесам, сложно заподозрить. Так что не думаю, что дело в этом.

— Тогда в чём?

Чародей пожал плечами:

— Возможно, его светлость не хочет отпускать вас далеко от себя.

Я почувствовала, что розовею. Это уже второй раз, когда он намекает, что Лин относится ко мне как-то особенно.

Неужели это так заметно со стороны? Или Хайден, как те девушки из цветника, основывается на предположениях и домыслах? Все видят во мне любовницу, которую Лин привёз из загадочной варварской страны и которая будет скрашивать его ночи, пока не появится официальная герцогиня?

— Я поясню, — продолжал тот. — Дело не только в том, что столица Маири-касса очень далеко. Если вы станете чародейкой, вы выйдете за рамки сословий. Как известно, достаточно дара и денег на обучение — и чародеем может стать любой, и вельможа, и крестьянин. Талантливые чародеи — большая редкость, они служат королям. Взамен есть один небольшой нюанс. Чародеи никогда не женятся. Им запрещено вступать в брак. Между собой — чтобы не плодить союзы и кланы, на которые нельзя будет найти управу. И с другими людьми, потому что межсословные браки невозможны.

Я сдвинула брови. Что это значит, чародеи проживают свою жизнь в монашестве? Вынужденный аскетизм?

— Нет, никто не запрещает им иметь связи, — Хайден понял мой безмолвный вопрос. — Почти у каждого чародея или чародейки есть внебрачные дети. На это смотрят сквозь пальцы. Думаю, его

светлость мог бы даже признать их, но... общественное мнение никогда не одобрит бастарда в качестве официального наследника.

— Да перестаньте уже нас сводить! — сердито прервала его я. — Я не сплю с Лином!

Гнев был самую чуточку несправедливым. Но удивление на лице Хайдена лишило меня возможных угрызений совести. Значит, и правда, он, как и все они, тоже считал меня любовницей Лина.

— М-м, в таком случае, — начал он медленно, — думаю, вам нужно попробовать убедить его светлость. Я, со своей стороны, обязуюсь сообщить ему, что обучение вам необходимо. Запечатать дар можно всегда, но это очень плохой выбор. Во-первых, это сильно уменьшит ваш срок жизни, во-вторых, сильный чародей нам не помешает. На худой конец я мог бы обучать вас сам. Правда, вам всё равно придётся несколько раз ездить в Маири-касс, некоторые инициации можно провести только там, в Аэлин нет подходящего источника силы.

Сердце подпрыгнуло. Я всё же стану чародейкой. Я научусь управлять своими силами. И, возможно, помогу Лину защитить его страну от короля.

— Я готова.

Взгляд Хайдена стал очень строгим.

— Если вы убедите его светлость, я буду вас обучать, — сказал чародей. — Но вы должны знать, что пока не принесёте клятву мага, вы не должны знать плотской любви.

Это напугало меня. Он что, хочет сказать, что я должна быть девственницей?

— Вообще-то у меня был... мужчина, — пришлось вообразить, что я на приёме у врача, чтобы не сильно смущаться.

Слава богу, Хайден ответил тоже сухо и без малейшего смущения, как будто и был врачом:

— Что было до — неважно. Сам процесс постижения магии не совместим с плотской любовью. Если вы допустите до себя мужчину в процессе обучения, вы не станете чародейкой. Начиная с сегодняшнего дня.

— А если насилие?

Он развёл руками:

— Увы.

Ладно. Интересно, есть ли здесь пояса верности — ну, чтобы обезопасить себя полностью.

— А долго обучаться? — всё же не удержалась я.

— Несколько лет, — на узком лице промелькнул призрачный насмешки.

Я сделала вид, что ничего не заметила. Несколько лет без секса — подумаешь. Я и так после Артёма ни с кем не спала, а прошло уже два года.

— Хорошо. Не проблема.

Хайден явно удивился. Помедлил, словно давал мне время передумать, потом окинул меня строгим взглядом, поднял руку и начертал в воздухе сложный знак. Мерцающие линии сияли алым.

— Я, Хайден из Амасты, согласен взять в ученицы эту девушку и учить, пока она соблюдает духовную и физическую чистоту. Да будут небеса свидетелем моих слов.

Знак вспыхнул, на мгновение ослепив меня. Некоторое время после того, как он погас, линии продолжали светиться на сетчатке глаз чёрным, как напоминание. Я поморгала, чтобы избавиться от призрака.

Взглянула на чародея. Тот неожиданно улыбнулся, и моё сердце снова подпрыгнуло.

Господи! Неверие постепенно сменялось ликованием. Я буду учиться. Стану чародейкой. Обрету здесь своё положение, ни одна шавка не посмеет твякнуть в мою сторону. Я помогу Лину.

Вот только немного страшно было, что скажет сам Лин. Но ведь не станет же он запрещать мне? Это же Лин?

В отдалении внезапно зашумело, словно море прихлынуло и ударило о стены башни. Хайден встал и отошёл к окну, приоткрыл ставни.

— А вот и его светлость, — сказал он.

Лин вернулся! Чувствуя жаркую смесь радости, неуверенности и страха, я подлетела к Хайдену. Выглянула в круглое окно.

Точно, внизу, растянувшись по площади большим чёрным хвостом, шествовали «ястребы». Во главе их верхом на Мафе ехал Лин. Сверху они все выглядели похоже, но Лина я сразу узнала, и вовсе не благодаря его неизменному месту в начале. Просто... ну, это же был Лин.

И тут он, словно почувствовав мой взгляд, поднял голову. У меня замерло в животе — он так смотрел. Как будто никого больше нет в мире. Как будто, если бы мог, сейчас же бы взлетел на верх башни, сжал бы в объятиях, зацеловал.

Мне стало жарко, и я обхватила щёки руками.

— Предполагаю, вам лучше встретить его внизу, — лицо у Хайдена оставалось совершенно невозмутимым, но в голосе проскользнули насмешливые нотки.

Я снова предпочла притвориться, что ничего не замечаю.

ГЛАВА 19.

Пробиться к Лину оказалось неожиданно сложно. Его светлость не принимал, двое одинаковых с лица парней перед его покоями никого не пускали, и только с помощью Элле, которая знала мальчика, исполнявшего при Лине роль личного камердинера, мне удалось попасть внутрь. И то через обнаружившийся между нашими покоями тайный ход.

Лин ждал меня в своей столовой. Он стоял у камина, зеркального отражения моего собственного, и ворошил кочергой только начавшие разгораться поленья. Когда я зашла, кивнул мне с лёгкой улыбкой, показал на кресло, мол, садись.

Камин ещё не успел нагреть воздух, я поёжилась от холода, но послушно опустилась на прохладное сиденье.

Отчего-то взгрустнулось. Когда я шла сюда, я мечтала, как кинусь Лину на шею, но стоило войти, как я почувствовала себя не в своей тарелке. Там, дома, было всё куда проще. Или даже в пути — мы ехали вместе, ели вместе, ночевали вместе. А тут — столько сложностей для одного того, чтобы попасть в его комнаты.

Лин всё ещё занимался камином, а я украдкой смотрела на его чеканный профиль и фигуру. Ему очень шло это сине-чёрное герцогское одеяние, из просто симпатичного парня он превращался в обалденно симпатичного. И брови вразлёт и взгляд ярко-синих глаз, окаймлённых чёрными густыми ресницами. И широкие плечи, узкие бёдра и длинные ноги. И...

Я бы, наверное, ещё долго его разглядывала, но тут обнаружилось, что Лин разглядывает меня в ответ.

— Ты очень красивая в этом платье, — сказал он.

Внутри у меня что-то заурчало, млея, как кошка на солнышке. А под пристальным взглядом, гладившим моё лицо, шею, грудь, это что-то развернулось сильнее, подталкивая встать, шагнуть навстречу, выпрямиться перед Лином во весь рост, как будто предлагая себя.

Что-то молчание опасно затягивается. Надо что-то сказать.

И я брякнула первое пришедшее на ум:

— Куда ты ездил? Не за невестой?

— Невестой? — Лин нахмурился.

Как это было... Я постаралась вспомнить слова одной из сплетниц:

— Дочь владетеля Валлемы?

Вместо ответа Лин потёр руками лицо. Я заметила уставший блеск глаз. Конечно, он же весь день провёл в пути, наверное. Может, лучше уйти?

Но что-то внутри меня требовало остаться и вытащить из Лина все сведения о его невестах, потенциальных жёнах и всех прочих цветочках, имеющих на него те или иные виды.

— Откуда ты узнала вообще о Валлеме, — это прозвучало не как вопрос, скорее как риторическое удивление. — Твоя служанка, что ли?

Я помотала головой:

— Не от Элле, но какая разница? Я же просто так спрашиваю. Я понимаю, что у тебя есть обязательства.

Это ему, кажется, не понравилось. Лин поморщился:

— Чушь какая-то. Да, отец договаривался об этом браке. Но это было ещё до его смерти. Потом все договоры были порваны. Тем более сейчас, когда Маири-касс точит на нас зуб, ни один правитель в здравом уме не захочет породниться с Аэлин.

Ой. Мне стало неловко. Повторила сплетни, выставила себя душой. И вместе с этим меня затопило облегчение. Он не женится. Невесты не существует.

— Иди ко мне, — он протянул руку, за которую я сперва уцепилась, а потом сообразила, что он сказал.

Поздно: Лин вынул меня из кресла и прижал к себе. Притиснутая к его твёрдому горячему телу, я

замерла, как мышка. Кровь ускорила свой бег, сердце заколотилось.

— Я соскучился, — выдохнул Лин в мою шею. — Небеса, ты бы знала, как я соскучился.

— Тебя не было три дня...

— А ты, значит, не скучала? — в его голосе плеснули ревнивые нотки.

Я замерла, почувствовав, как его пальцы скользнули по моему затылку, зарылись в волосы.

— Ирри... — проговорил Лин тоном ниже.

Осторожно потянул, заставляя меня запрокинуть лицо. Синие глаза заглянули в мои, потом взгляд опустился ниже, на губы, и остановился на них, как приваренный.

Сейчас Лин меня поцелует. Я и жаждала этого, и боялась. Я до сих пор ещё не решила, как вести себя с ним, не понимала, что у нас за отношения. Всё так быстро изменилось — долгая разлука, и он вернулся уже другим, и вёл себя по-другому, и моё тело реагировало на него совсем по-другому. Но голова, память — оставались прежними, и я чувствовала себя, как маятник, качающийся от одного полюса к другому.

— Лин... — шепнула я в его губы, пока он не успел поцеловать меня, и я не потеряла способность соображать. — Хайден сказал, что может меня обучать. Деньги не понадобятся, и мне даже не придётся никуда уезжать.

Лин отстранился. Затуманившиеся было синие глаза вновь обрели жёсткий блеск.

— Нет.

— Как нет, — оторопело повторила я, настолько неожиданно это прозвучало.

— Нет.

Лин отпустил меня и отошёл, встал у камина, скрестил руки на груди. Без его объятий мне снова стало холодно, даже затрясло, но я попыталась не подавать виду. Обхватила себя за плечи, чтобы не сильно дрожать.

— Ты не понимаешь, мне нужно учиться, — я сделала ударение на слове «нужно». — Ты, наверное, не слышал ещё про Иве Рату. Я случайно напала на неё сегодня. Хотела только испугать, но рассердилась и... Я не умею управлять этим. Если я стану чародейкой, я...

Лин не дослушал:

— Ты не станешь чародейкой, ты станешь моей женой.

Мне показалось, что я ослышалась. Не может быть, чтобы он в самом деле это сказал. Я — женой Лина?

— Ты... ты сошёл с ума.

Лин обернулся. Лицо его было совершенно невозмутимо, чёрная бровь иронически вздёрнута.

— Я тебя настолько старше... — первый аргумент, который пришёл на ум. — Это неправильно...

— Не пори чушь, — спокойно ответил он.

— Это не чушь! Ты вообще понимаешь, что говоришь? Меня тут у вас затравят. Тебе нужна другая. Которая разбирается в ваших правилах и обычаях. У меня нет статуса...

Тщетно. Как о стенку горох. Синие глаза горят упрямым огнём. Для себя он уже всё решил. Чужое мнение во внимание не принимается.

— Мне нужна ты, — подтвердил Лин мои мысли. — У тебя будет статус моей жены.

Я покачала головой, отводя взгляд:

— Я тебя не понимаю. Это всё слишком внезапно...

— Внезапно? — Лин вдруг подошёл ко мне, и я, испугавшись, шагнула назад. Шаг, ещё шаг — и я оказалась припёрта к стене, прижата к ней горячим телом Лина. — Для тебя — может быть.

Его руки легли на корсаж. Быстро, умело пробежались, расстёгивая крючки и пуговички.

А ведь Лину уже приходилось снимать с женщин такие платья. Эта мысль меня царапнула. Я вцепилась в его запястья, пытаюсь остановить. Куда там, руки как железные.

Горячие губы коснулись моей шеи. Я подавила вскрик, по коже словно огненная волна прошла — и приятно, и пугает собственная реакция. Господи, а ведь Лин всего лишь целует меня в шею. Даже не в губы. Всего лишь лёгкое, на грани невинности, прикосновение, а я уже дрожу от незнакомого порочного предвкушения, и мысли путаются от запаха Лина, от тепла его тела и иступлённой жёсткости губ.

Пальцы Лина раскрыли мой корсаж полностью. Лёгкий, тонкий, как паутинка, сатин сорочки ничуть не защищал от прикосновений, но в следующий миг Лин просто разорвал её на мне. Его руки накрыли мою грудь, коснулись сосков, заставляя меня невольно выгнуться, затрепетать, как струна, с трудом подавляя стон.

Я из последних сил вскрикнула:

— Лин, хватит! — а потом из глубины души вырвалось: — Зачем тебе это? Ты даже не сказал, что ты любишь меня.

Его движения, остервенелые поцелуи остановились. Лин прошептал мне в шею низким, пускающим мурашки по коже голосом:

— Тебе нужно сказать об этом? Без слов ты не понимаешь? Хотя о чём я, это же ты. Ты никогда ничего не замечаешь.

— Не злись... — я хотела, чтобы он перестал. Чтобы не говорил таким голосом и такие слова, чтобы не сводил меня с ума поцелуями. Чтобы перестал касаться, потому что моё тело отвечало на каждое прикосновение. Сама его злость, вернее, то пламя, которое она порождала, обращало в пламя и мою кровь.

Лин словно не слышал. Прижимая меня к стене, распахнув корсаж полностью, оголив плечи, так, что рукава спеленали мне руки, он шептал горячечным больным шёпотом:

— Я не хочу больше ждать. Ты моя, Ирри, и ты будешь моей женой, пусть даже тебе это не нравится.

Его пальцы терзали мою грудь, ласково и настойчиво, а губы оставляли на коже почти болезненные острые поцелуи. Я дрожала, щёки горели, обнажённая кожа покрылась мурашками. Мучительно хотелось большего: почувствовать его губы на груди и на собственных губах, пальцы — там, внизу... а может быть, и не только пальцы.

Перед внутренним взором появилось лицо Хайдена. Пламенный знак, постепенно тающий в воздухе. Слова: «если вы допустите до себя мужчину... вы не станете чародейкой».

Нельзя... нельзя поддаваться, нельзя проигрывать самой себе. Я не могу быть Лину хорошей женой. Ему нужна не я.

— Скажи, что ты не хочешь меня, — Лин отпустил меня, чтобы тут же положить руки на стену по обе стороны от моего лица, нависая надо мной, заключая в клетку своего тела. Он тяжело дышал, тёмные обжигающие глаза сверкали. — Скажи, и я тебя отпущу.

Он был уверен, что я не скажу этого. Ещё бы, ведь на самом деле моё тело давало ему ясный ответ. Но тело — не разум, а он твердил другое.

— Не хочу! — я оттолкнула его.

— Не верю, — Лин поймал мои руки, сжал запястья, снова припечатал меня к стене. — Не ври мне.

— Не хочу, — упрямо повторила я, отворачиваясь, избегая его горячего сумасшедшего взгляда. — Я хочу стать чародейкой! Я не хочу, чтобы мой дар запечатывали! Я в кои-то веки чего-то могу! Чего-то стою! Сама по себе, а не как придаток к тебе! Я не хочу терять эту возможность ради секса с тобой!

Лин выслушал эту тираду молча. Отпустил меня и качнулся на шаг назад — по-прежнему грозный, жаркий и пугающий. Его взгляд буравил меня, а грудь ходила ходуном.

Я запахнула корсаж. Прижала тканью обрывки сорочки, чтобы не слишком сильно торчали. Опустила голову. Под тяжестью Линогого взгляда меня словно клонило книзу, плечи сами сгибались.

— Чародеям запрещено вступать в брак, ты знаешь? — резко спросил Лин.

Я кивнула, не поднимая глаз.

— Ты поэтому хочешь учиться? Чтобы не выходить за меня? Я настолько тебе противен?

Замотала головой:

— Не противен. Просто... это безумие. Мы слишком разные. Я тебя на четыре года старше. Я из другого мира, не привыкла ни к чему этому. Я понимаю, что ты, наверное, должен уже жениться. Нужен наследник, всё такое...

Лин втянул воздух в лёгкие так шумно, как будто ему было трудно дышать. Как будто превозмогал боль в груди. Но он молчал, не перебивал меня, слушал.

Мне самой было больно. Невозможно представить рядом с ним другую, его детей от другой. Но если сейчас уступить, если забыть обо всём и просто любить его, я обязательно пожалею. Попросту не приживусь тут.

А если я буду чародейкой...

Буду с ним рядом, буду помогать ему. И, может быть, тогда, когда мы оба станем взрослее, тогда между нами появятся настоящие, взрослые чувства. Не только это безумное дикое влечение, но и что-то большее. Что-то основанное на продуманном решении, а не продиктованное инстинктами или банальным «так надо».

Лин отступил ещё на шаг. Сказал непроницаемым и закрытым голосом, без следа тех чувств, которые только что сжигали нас обоих:

— Я тебя понял.

Повернулся, не удостоив меня больше ни единым взглядом, и ушёл. Я проводила глазами его прямую фигуру, пока она не исчезла за портьерой, загораживающей дверь в другую комнату. И тогда, придерживая корсаж — дрожащими пальцами я бы не смогла застегнуть все эти мелкие крючки и пуговицы, — вернулась к себе.

Слава богу, Элле не ждала меня, и никто не помешал хорошенько выплакаться.

ГЛАВА 20.

Утро началось поздно. Мой телефон давно сел, будильников в этом мире ещё, кажется, не придумали, так что обычно я просыпалась когда бог на душу положит. Сегодня, после бессонной ночи, наполненной сожалениями и размышлениями, бог положил на душу ближе к обеду.

Завтрак просить было поздно, я отправилась в купальню — в замке были отличные купальни, в которых по хитрой системе труб подавалась горячая вода прямо из источников под замком. Подозреваю, здесь тоже поработали умелые руки (и голова) Хайдена, слишком всё походило на привычную мне сантехническую структуру.

Хорошенько отмокнув в ванне, я отправилась в столовую. Позвонила Элле, чтобы попросить её подавать на стол: проголодалась. Сама же подошла к камину, добавила поленьев, пока огонь окончательно не угас. Вот научусь у Хайдена — стану греть комнату переносным символом огня. «Батарейей».

Хайден... а станет ли он учить меня? Можно ли считать вчерашнее Линово, холодное до мозга костей «я тебя понял» разрешением? Вряд ли. Но идти к нему за новым, официальным, я боялась.

Нет, пусть пройдёт хотя бы один день, я не буду пользоваться магией, не стану выходить из своих покоев, никто не пострадает. Завтра утром всё, что было вчера, немного позабудется, и я снова схожу к Лину. Возьму с собой Элле.

А пока... воспоминания были чересчур живыми. Это его «будешь моей женой», прикосновения губ к моей шее, горячие пальцы на коже. Решимость в его глазах. А потом — как занавес опустили — полнейшая непроницаемость и отстранённость. Ледяной холод.

Я передёрнула плечами. Даже воспоминание о том холоде обжигало. Прошла по комнате, старательно пытаюсь думать о чём угодно, кроме Лина. Например, об Элле, которая всё не появлялась, хотя обычно приходила сразу. Может, заснула и не слышала звонка?

Я позвонила ещё раз, но и теперь прошло не меньше пары минут, прежде чем в дверь тихонько постучали и послышался робкий голосок:

— Ваша милость? Вы звали?

— Да, заходи.

На пороге появилась моя служанка. Обычно весёлая и улыбающаяся, сегодня Элле почему-то смотрела вниз и мяла в руках передник.

— Принеси, пожалуйста, что-нибудь из еды, — попросила я. — На твоё усмотрение. А ещё, — эта мысль пришла мне в голову внезапно, но показалась блистательной, — сбегай, пожалуйста, к Хайдену и попроси у него для меня книги по основам. Что-нибудь самое лёгкое, желательно, чтобы побольше картинок. Он поймёт.

Какая я молодец! Просто отличная идея. Посижу взаперти, поучу азы магии, благо, учитель языка худо-бедно научил меня разбирать здешний алфавит. А во второй половине дня у меня как раз урок чтения и чистописания. Как оказалось, учитель использовал при обучении амулеты, так что мой прогресс шёл семимильными шагами.

— Да, ваша милость, — Элле сделала книксен и ретировалась. Она старалась не поднимать глаз, но на один краткий миг я всё же увидела странный блеск и припухлость век.

Элле плакала?

И впрямь плакала — я убедилась в этом, когда она вернулась вместе с девочкой-помощницей и стала расставлять на столе в столовой аппетитно пахнущие мисочки и горшочки. Глаза влажные, украдкой шмыгает носом, на меня не смотрит. Плакала, причём совсем недавно, может, как раз тогда, когда я пыталась её вызвонить. Вот почему она пришла не сразу.

Я решила проявить деликатность и не расспрашивать. Мало ли у Элле причин для слёз, захочет — сама расскажет. Я тоже хороша, прорыдала всю ночь.

— Может, поешь со мной? — зато проявление заботы никогда не повредит. — Вы так много принесли, я одна всё не съем.

Помощница сразу убежала, испуганная, по-моему, одним тем фактом, что ей пришлось войти в покои «неведомой варварки», так что соблазняла я одну лишь Элле.

Моя служанка чуть не уронила заварничек, из которого наливала цветочный отвар. Я любила пить

его по утрам, кисло-сладкий вкус напоминал мне барбарис.

— Простите, ваша милость, — всхлинула она. Поставила заварничек за стол и, не успев сказать: «Что ты, всё в порядке» — как Элле уже и след простыл.

Я пожала плечами, садясь за стол.

Вернётся — всё же расспрошу её. Нельзя так паниковать на ровном месте.

На завтрак были местные круглые булочки, омлет, ровно отрезанная тёмно-розовая ветчина и овощной салат. Просто, но вкусно. Слава богу, у меня не проявилось ни на что аллергии в здешней кухне.

Я с аппетитом поглощала салат, запивая барбарисовым «чаем», как вдруг почувствовала острую резь в желудке. Горло словно жгутом перехватило, связки не повиновались, и я согнулась в три погибели, не в состоянии даже закричать. Больно, ослепительно больно, никогда в жизни я не испытывала *такой* боли. Казалось, будто внутренности кромсают скальпелем.

Господи, что это?.. Яд? Я умираю?..

Пробуждение было почти привычным. В своей постели под зелёным балдахинном, на стуле рядом Имис, внимательно смотрит мне в лицо и водит руками над телом. Привычная слабость, привычная сухость во рту, привычное непонимание.

— Имис... я заболела?

Целитель лишь окинул меня строгим взглядом. Покачал головой и ничего не ответил. Встал, вышел, а через десять-пятнадцать минут ко мне, снова вызывая чувство дежавю, зашли Лин и Хайден. Но на этот раз они поменялись ролями: Лин встал у стены, не встречаясь со мной взглядом, а Хайден подошёл к кровати.

— Можешь говорить? — спросил он на языке Аэлин.

Я кивнула.

— Что со мной было? Меня... — я почему-то не докончила, как будто стоило произнести слово «отравили», как оно сразу станет правдой.

— Яд в напитке, — резко кивнул Хайден. — Экстракт нельмуса. Это такие грибы, они смертельно ядовиты. Хорошо, что ты не выпила всё.

Я прикрыла глаза. Всё же яд. Но как меня спасли? Элле нашла и позвала целителя?

— Тебе повезло, что я решил принести книги сам, — Хайден опроверг мою догадку. — Десятью минутами позже, и тебя бы уже ничего не спасло.

— Спасибо, — я прикрыла глаза.

Вопросов было слишком много, а слабость слишком велика. Господи, яд... кому вздумалось травить меня? Как? И зачем? Хайден сказал, в напитке — я пила только барбарисовый чай. Может, случайность? На кухне перепутали сахар с грибным экстрактом?

Звучит слишком глупо, даже саму себя не обмануть.

— Сейчас можешь не волноваться, твоя жизнь вне опасности, — было видно, что Хайден встревожен.

А вот по Лину — ничего не было видно. Он прислонился к стене и скрестил руки на груди. Непроницаемая маска на лице. Только если присмотреться, то заметно, как ходят желваки на скулах. Мне очень хотелось, чтобы он поднял взгляд, посмотрел бы на меня, как раньше, с мягкой улыбкой, но Лин словно превратился в другого человека, холодного и очень далёкого.

Сердце сжалось в груди. Всё ещё злит из-за вчерашнего? Это меня расстроило. Особенно сейчас, когда я чувствовала себя необыкновенно слабой и беззащитной.

Лин тронулся с места. Подошёл к двери, приоткрыл её и негромко приказал:

— Заведите служанку.

До меня донеслись сдерживаемые всхлипы. Я перекатила голову по подушке и увидела, как под

конвоем двоих мужчин в комнату заходит плачущая Элле.

Моё затуманенное сознание не сразу переварило информацию. Наши с Элле взгляды встретились, она всхлипнула громче и вдруг вырвалась из хватки сопровождающих, упала на колени перед кроватью.

— Ваша милость! — вскричала она. — Простите! Я не хотела!

Элле?.. Я зажмурилась. Это не могла быть она. Зачем?

— Это ты подсыпала яд её милости? — холодно спросил Лин.

Элле только рыдала и раскачивалась из стороны в сторону. Пальцы побелели от силы, с которой она вцепилась в свои колени.

— Простите... простите... я не хотела...

— Ясно, — Лин отвёл от неё взгляд, словно миг потерял интерес. — За покушение за её милость наказание смерть. Тебя повесят послезавтра на рассвете. Уведите её.

Повесят?! О господи!

Рыдания усилились, но Элле не пыталась ни оправдываться, ни сопротивляться, когда массивные воины подняли её под руки.

— Лин, нет! — вскричала я. — Мы же ничего не выяснили, Элле не хотела это делать, её заставили! Это же видно!

Ничего не отвечая, Лин кивнул Хайдену и направился к выходу.

— Лин!

Он обернулся на пороге.

Я застыла под его взглядом. Пальцы комкали одеяло.

Мой Лин не может так поступить. Так просто взять и приказать повесить человека.

Глядя на меня спокойными синими глазами, Лин сообщил:

— Не волнуйся. Я пришлю тебе другую служанку, — и дверь тихо закрылась.

Слово «подземелье» всегда ассоциировалось у меня с промозглым холодом и влажностью, а ещё со звоном кандалов и крысиным попискиванием. Здесь, в тюремных казематах замка, всё было не так: сухо, светло, тепло и тихо. Но, невзирая на всё это, я бы никогда не сказала, что уютно.

Новая служанка, суровая женщина в летах, спускаться вниз демонстративно отказалась («как можно! девушке в такое место!»), так что сейчас следом за молчаливым стариком с лицом, изрезанным шрамами, я шла в одиночестве.

С этой новой служанкой, которую прислали мне вчера днём, сразу после того, как увели Элле, у меня сразу не заладилось. Я ей тоже не понравилась, это было видно по презрительно поджатым губам, по взгляду, которым она упорно старалась со мной не встречаться.

Конечно, я могла бы попросить у Лина замену, но всё ещё не теряла надежды вернуть Элле. Да и разговаривать с Лином не хотела. После вчерашнего у меня было ощущение, что он как будто мстит мне за отказ стать его женой. Наверняка, это было не так, но я не понимала его мотивы, его нежелание расспросить Элле как следует, пойти мне навстречу.

А с сегодняшнего дня Лин велел мне завтракать, обедать и ужинать в его покоях. Поначалу я взволновалась, потом, когда увидела в столовой Хайдена, Варрена и его одного парня из «ястребов», расслабилась. Обед (завтрак я пропустила по рекомендации целителя) прошёл довольно мирно, зато я снова увидела незнакомую сторону Лина. Лина — правителя.

Я улавливала дай бог пятую часть их беседы — не потому, что плохо понимала язык, а потому, что мне ничего не говорили имена и названия, которыми они сыпали, — но меня поразило, как быстро и по-деловому Лин решал все вопросы.

Для присутствующих это была явно привычная схема: проблема — обсуждение — решение. Лин выслушивал все мнения, но решение выносил единолично. Это меня и впечатлило, и напугало. Вряд

ли Лин запросто пойдёт мне навстречу в вопросе об Элле. Нужно что-то большее, чем просьба, чтобы заставить его изменить решение.

Собственно, именно эта мысль привела меня сегодня в подземелье.

В остальном всё оставалось как всегда. Хоть Лин и настоял на том, чтобы я ела за его столом, он по-прежнему не заговаривал со мной и почти не смотрел в мою сторону. Парень из «ястребов», копируя поведение, тоже старался не встречаться со мной взглядом. Только благодаря Хайдену, который вёл себя как всегда, и Варрену, украдкой мне подмигнувшему, я чувствовала себя более-менее в своей тарелке.

Шедший впереди старик остановился. Обернулся и вытянул сухощавую руку влево:

— Вот, ваша милость. Её камера здесь.

Тяжёлое бряцанье железных ключей, длинный тоскливый скрип двери заставили меня вздрогнуть. По коже прошёл мороз. Я шагнула внутрь, в полутёмную камеру, и поёжилась уже от неиллюзорного мороза. Температура здесь была раза в два ниже, чем в коридоре.

Элле забилась в уголок на койке, накрывшись одеялом. Увидев меня, сбросила одеяло и соскочила с койки, снова упала перед мной на колени:

— Ваша милость!

— Встань, Элле.

Она только замотала головой. Аккуратно подобранные обычно чёрные косы расплелись и беспорядочным облаком накрывали её плечи. И Элле, кажется, снова плакала.

— Встань, — повторила я, присаживаясь на койку.

Холодно, но лучшего места для разговоров не найдёшь. Не идти же в допросную или пыточную, как мне сходу предложил старик-смотритель.

Сам он, оставив дверь нараспашку, стоял в коридоре, ненавязчиво наблюдая за нами. Рука на рукояти меча, другая рука лежит на амулете, подозреваю, сигнальном.

Правильно: мало ли, я передам заключённой оружие или вместе с ней попытаюсь напасть.

Интересно, смогли бы эти предостережения остановить, скажем, Хайдена? Что-то мне подсказывало, что нет.

Впрочем, я пришла просто поговорить.

— Элле, садись, — подражая Лину, я добавила в голос непререкаемости.

Помогло, Элле вздрогнула и осторожно примостилась на самом краешке койки.

— Простите меня, ваша милость, — прошептала на грани слышимости.

Она отводила взгляд и выглядела абсолютно несчастной.

— Элле, ты... это правда сделала ты?

Она кивнула. Быстро протёрла выступившие слёзы.

— Я очень рада, что господин чародей решил пойти вместе со мной, — заговорила она сбивчивым шёпотом. — Я бы всю жизнь... всегда бы помнила... — покачала головой, — я бы сама не смогла жить потом.

— Тогда зачем ты это сделала? — осторожно спросила я.

Элле закрыла лицо руками и ничего не ответила.

— Простите... — сказала она после долгого молчания. — Я провинилась. Я заслужила наказание.

— Я сделала тебе что-то плохое?

— Нет, ваша милость! Нет!

— Тогда в чём дело?

Если так смотреть, ситуация была дикая. Элле пыталась меня убить, а я её упрашиваю и ищу ей

оправдания. Но до вчерашнего происшествия она ни разу не проявила ко мне неприязни, вовсе напротив. И мне не нравилось, что она искренне сокрушалась.

— Элле, я хочу тебе помочь. И хочу поговорить с Лином о тебе, но для этого мне нужно знать, что произошло.

— Ваша милость... — Элле издала сдавленный стон. — Я не могу...

— Почему? Ты боишься? Тебе угрожают?

Она мотала головой, не смотря на меня. Её тоненькие, в одной серой рубаше плечи дрожали. Не выдержав, я накинула на неё одеяло. Элле схватилась за край и подняла на меня наполненные слезами синие глаза.

— Его светлость... отличает вас, — всхлинула она. — Это многим не по нраву...

Иве Рата. Картинка в моей голове сложилась. Иве Рата или одна из её окружения. Они нашли какой-то рычаг давления на мою служанку, заставили её подсыпать яд. А Элле теперь боится признаться, потому что они до сих пор её шантажируют. Предпочитает умереть, но не рассказывать.

— Чем они тебе пригрозили? Убить тебя? Или угрожают сделать плохо не тебе, а кому-то из твоих близких? Расскажи мне, Элле. Я всё равно узнаю, если не от тебя, то от Хайдена. Или спрошу у Лина.

Я видела, что Элле колеблется. Затаила дыхание, молясь о том, чтобы она приняла верное решение. Если она не скажет, я не смогу ей помочь. А мне очень хотелось, чтобы эта девчужка осталась жить.

И Элле начала говорить — не глядя на меня, комкая ткань грубого одеяла, делая паузы и перемежая фразы всхлипами:

— Мои отец и брат погибли вместе с его светлостью Линдирном. Отцом его светлости. Моя мать повредилась в уме из-за этого. Ей нужна помощь целителя, лекарства, сиделка, особенно сейчас, когда я не могу присматривать за ней. Мы... мы живём на пенсию, которую ей выплачивают по приказу его светлости. Выплачивает канцелярия...

Канцелярия. Которой управляет отец Иве Раты.

Вот за что её взяли.

— Всё ясно, — я выпрямилась. — Тебе сказали, что пенсию перестанут выплачивать. Ох, Элле... ты должна была сразу сказать мне или Лину...

Я понимала, почему она не призналась мне. Не думала, что я смогу её защитить. Я бы и сама не была в этом уверена — до сего дня. Но Лина ведь любят здесь. Или он настолько неумолимый каратель?

— Я боялась... — она отвела взгляд. — Что значит моё слово перед словом его сиятельства Раты? К тому же... оказывается, до сих пор пенсию выплачивали в двойном размере. Какая-то канцелярская ошибка. Она сказала, что мне придётся вернуть половину выплаченной суммы, если это раскроется. Простите, ваша милость. Я... я думала только о том, что мама умрёт, если я не смогу покупать лекарства...

— Ясно. Не волнуйся, всё будет хорошо, вам не придётся ничего возвращать, — сказала я с уверенностью, которой не чувствовала. Что если Лин действительно настаит на том, что деньги необходимо вернуть в казну? Своего состояния у меня нет, я сама полностью завишу от Лина, даже ничем не смогу помочь Элле и её семье.

Впрочем, ладно. С этим разберёмся потом.

— А где ты взяла яд?

Если яд ей дала служанка Иве Раты или одна из тех девиц, это может послужить доказательством.

— Купила в городе. Некоторые цветы растут лучше, если добавлять в воду экстракт нельмуса. Но я добавила только половину того, что она сказала. Думала, это не так сильно повредит...

— Она? С кем ты разговаривала?

— Я не знаю, — Элле покачала головой, — она скрывалась за ширмой. Я слышала только голос. Но я знаю женщину, которая привела меня к ней. Она служит дому Рата...

— А голос ты не узнала?

— Мне показалось, что узнала.

— Иве, — это был не вопрос, утверждение.

Элле молча кивнула. Скорее качнулась вперёд всем телом.

Я наклонилась к ней, схватила мокрые холодные ладошки:

— Всё будет хорошо. Слышишь? Я добьюсь, чтобы казнь отменили. Ты не виновата.

— Ваша милость... — прошептала Элле прерывистым голосом. — Вы так добры... Прошу вас, если что... присмотрите за моей матерью.

ГЛАВА 21.

Поднимаясь назад к себе, я была полна энергии и решимости во что бы то ни стало убедить Лина в своей правоте. Но чем ближе становилась цель, тем сильнее росла моя тревога. Что если он вообще откажется со мной разговаривать?

Опасаясь от ворот поворота, я воспользовалась потайным ходом. Пока шла в полутьме, сердце яростно стучало. И ещё почему-то, совершенно некстати, нахлынул непрошенный жар, внизу живота томительно сжалось, как будто впереди меня ждало романтическое свидание, а не попытка вымолить чужую жизнь.

В первой комнате Лина не обнаружилось. Испугавшись, что его вообще нет в замке, я метнулась дальше, пробегая комнаты одну за другой. Волнение накалялось, меня кидало то в холод, то в жар при мысли, что Лин снова уехал, а без него никто не позволит мне отменить казнь.

В очередную комнату я влетела, задыхаясь.

Это был кабинет. Строгая массивная мебель из красно-коричневого дерева, тёмно-вишнёвая обивка на стенах, ни одного окна. Лин сидел за огромным столом почти в центре кабинета и что-то писал. Точнее, писал до того, как услышал мои шаги: сейчас перо стояло в держательнице, а сам Лин откинулся на спинку кресла и ждал.

Я встала в дверях. Серьёзный взгляд Лина смутил меня и заставил забыть подготовленные слова.

— Извини, что помешала, — уверенность пропала, щёки залило краской.

— Чего ты хочешь?

А вот такой холодный приём враз помог мне прийти в себя. Всё-таки Лин не изменил поведения. То ли злится, то ли занят, то ли вообще не хочет иметь со мной дела. Но я не собиралась уходить отсюда несолоно хлебавши.

— Поговорить насчёт Элле, — не дожидаясь приглашения, я прошла внутрь.

Остановилась перед массивным столом и растерялась, не зная, что делать. Кресел для посетителей, как в кабинетах наших врачей или чиновников, здесь не было. Опереться руками о стол и качать права? Глупо.

Лин с полминуты буравил меня взглядом. Потом встал, обошёл стол, заставив повернуться вслед за собой и кивнул на диванчик у стены, который я поначалу не заметила:

— Садись.

Краснея от неловкости, я присела.

На лакированном столике перед диваном стояла ваза с фруктами. Чтобы занять руки, я взяла оттуда яблоко — или что-то очень похожее на яблоко. Перекатывая в ладонях, посмотрела на Лина.

Он стоял вполоборота ко мне, у камина, напоминая тот вечер. «Ты станешь моей женой», — эхо слов опять пронеслось в сознании.

Интересно, Лин всё ещё хочет этого? Или уже передумал?

— Я тебя слушаю, — произнёс он, не оборачиваясь. Высокая фигура заслоняла пламя и смотрелась на его фоне как вырезанный из чёрной бумаги силуэт. Меня неумолимо тянуло подойти, положить руки на плечи, прильнуть к спине.

От звука голоса я вздрогнула, покачала головой, прогоняя наваждение. Заговорила, пытаюсь глядеть в камин, а не на Лина:

— Элле не виновата. Её заставили. Это Иве Рата или кто-то из её окружения, сто процентов.

— Кто? — голос Лина был совершенно спокоен, как будто я не сказала ему ничего нового.

— С Элле говорила прислужница Иве, — я назвала услышанное от Элле имя.

— Хорошо. Она тоже будет наказана. Я отошлю её из замка.

Это было не совсем то, что я хотела услышать. И Линово спокойствие начинало пугать меня.

— А Элле?

— А что Элле? Я не отменяю своих решений. Преступление должно быть наказано.

Выпавшее из пальцев яблоко покатилося по столу. Я задыхнулась. Приложила руку к горлу, как будто пыталась помочь словам выйти наружу. Напрасно.

Лин повернулся ко мне и сказал тоном чуть мягче — но смысл оставался ужасным:

— Исполнителя нельзя оставить безнаказанным. Люди должны знать, что нельзя совершить преступление и не понести наказание.

— Но она не виновата... её заставили.

— Даже если заставили. Ты говоришь, это Иве Рата? Доказательства?

— Элле слышала её голос.

— Элле сказала тебе, что слышала её голос, — Лин выделил интонацией слово «сказала».

Я опустила голову, понимая, что он имеет в виду. Элле могла солгать, ошибиться. Но Лин был прав, никаких доказательств у меня не было. Кроме домыслов. Кроме знания.

— Иве не любит меня. Я напала на неё... испугала. И она... она метит в твои невесты... жёны, — говорить об этом почему-то было стыдно. Надеюсь, Лин не подумает, что я пытаюсь устранить соперницу.

— Иве Рата? Дочь канцлера? — непонимающе и немного раздражённо переспросил Лин. — Не может... — оборвал фразу на полуслове. Спросил напористо: — Поэтому ты сказала, что не подходишь? Она что-то сказала тебе?

Я не сразу поняла, что он говорит о моём отказе. О словах, что я не подхожу на роль его жены. Хочет знать, не Иве ли виновата в моём решении. Я отвела глаза, но ответила твёрдо:

— Нет. Просто я хочу стать чародейкой.

Я солгала по нескольким причинам. Во-первых, не хотела жаловаться, прятаться за спину Лина, заставляя его улаживать мои проблемы. Во-вторых, не хотела ворошить старое: отказ так отказ, выбор уже сделан. В-третьих, хоть это и звучало очень свысока, не хотела давать Лину надежду, что соглашусь стать его женой.

Я действительно не видела себя в этой роли. Как может быть герцогиней девушка, которая вообще не разбирается в реалиях? Лин и сам поймёт это при первой же сложной ситуации. И пожалеет о том, что сделал, вот только будет уже поздно.

Чего я не ожидала, так это того, что Лин сверкнёт глазами и повысит голос:

— Забудь уже эту идиотскую идею!

Я вздрогнула от внезапности. От злости в его интонациях. Молча смотрела на Лина, не находя слов для ответа. Он сжал челюсти, метая молнии из глаз и продолжил:

— Хорошо, будь по-твоему. Если ты так хочешь спасти жизнь своей служанке, я могу отменить казнь. Заменить её ссылкой в монастырь. При одном условии. Ты придёшь ко мне сегодня ночью.

Жар ударил в лицо, запульсировал под кожей. Лин смотрел на меня сверху вниз, недобро, как на врага.

Ждёт, что я откажусь? Знает об условии, которое выставил Хайден? Может быть. Хочет лишиться меня самой возможности обучаться? Не хочется верить, но...

Я отвела взгляд. Сердце упало. Конечно, можно сказать «нет» — но это значит, что Элле умрёт.

— Выбор за тобой.

— Так уверен, что я откажусь? — не выдержала я. Вскочила, сжимая кулаки. — Хорошо! Но тогда ты не отправишь Элле в монастырь, а приставишь обратно ко мне. И не будешь никак её наказывать.

— Ты с ума сошла? Она тебя отравила. Ты выжила чудом. Я чуть не тронулся, когда понял, что ты могла умереть. А ты теперь хочешь, чтобы она снова была рядом? Может, просто вручишь ей нож? — Лин был разъярён, дышал тяжело, грудь ходила ходуном. Но он пытался сохранять спокойный тон.

— Она бы не сделала этого, если бы её не заставили! — а вот я кричала, вне себя на его упёртость и непримиримость. — И не сделает больше. Ей угрожали отобрать пенсию, якобы начисляли по ошибке. Так что ты ещё должен проверить, что там с этой пенсией. Потому что если твой собственный канцлер допускает такие ошибки, то это повод его сменить!

Лин отвернулся, сильно и глубоко вздохнул. Кулаки под манжетами сжимались, и мне показалось, что он вот-вот ударит по стойке камина, причём с такой силой, что только каменные осколки брызнут. Но он удержался.

— И если ты заменишь Элле, — я заставила себя говорить спокойнее, — где гарантия, что любая другая служанка не сделает то же самое?

Мне захотелось добавить что-то пафосное и глупое вроде «я отвечаю за неё своей жизнью». Бред — я и так именно это и делала. Своей жизнью брала Элле на поруки.

— Не сделает, если будет знать, что наказание — смерть, — зло бросил Лин, не поворачиваясь.

— Если ты убьёшь Элле, я тебя возненавижу.

Теперь он развернулся — враз, одарив меня гневным взглядом. Не произнёс ни слова.

Я тоже молчала. Больше у меня не было ни аргументов, ни угроз.

Наконец Лин глубоко вздохнул. Покачал головой. Я его явно не убедила. На краткий миг он напомнил мне мамочку из анекдота, которая говорит дочери: «Если тебя убьют, домой можешь не возвращаться». Только в случае Лина это было бы, наверное: «Если тебя снова отравят, я тебя сам прибью».

Я подавила неуместный смешок. Вовремя: Лин подошёл к столу, взял перо и лист бумаги. Наклонившись, размашисто вывел несколько фраз. Я наблюдала за этим с замиранием сердца. Кончики пальцев похолодели от волнения.

Наконец Лин выпрямился и протянул мне бумагу. Желваки на челюстях снова шевельнулись, как будто он хотел было что-то добавить, но передумал и лишь крепче сжал зубы.

Я всмотрелась в бумагу. На родном языке Лин писал неожиданно красиво, совсем не так, как на русском. Размашистые крупные буквы. Увидев фразу «передать заключённую на усмотрение подателя сего», я расплылась в облегчённой улыбке.

Потянула бумагу на себя, но Лин не сразу отпустил её. Пристально заглянул мне в глаза.

— Сегодня ночью, — напомнил он.

Я вспыхнула. По телу прокатилась невольная дрожь, заостряя все чувства, будоража мысли. Я сверкнула глазами, вырывая приказ, повернулась и гордо зашагала прочь, спиной ощущая неотрывный взгляд Лина.

— Повернитесь, пожалуйста, ваша милость, — всхлип. — Спасибо... Теперь поднимите руки, — ещё один всхлип. — Спасибо.

— Элле, скоро я буду принимать ванну слёз, — не выдержала я. — Прекрати, пожалуйста, или я решу, что в темнице тебе нравилось больше.

Это была шутка, но Элле перепугалась:

— Ваша милость! — рука с губкой, которой она натирала меня, остановилась, голос задрожал.

— Господи, да плачь ты, если хочешь, — смутившись, я залезла в каменную ванну по плечи. — Только ведь всё хорошо закончилось. Я понимаю, что ты натерпелась. Просто я расстраиваюсь, если ты плачешь. И было бы за что благодарить. Вот если бы я уговорила его повысить вам пенсию...

— Ваша милость! — на её чёрных ресницах снова набухли слёзы. — Я не смею... я никогда не смогу отплатить вам за вашу доброту.

— Да ну, хватит. Просто Лин слишком упрямый. Хорошо, что согласился вернуть тебя мне, — я умолчала о том, что стало этому ценой.

— Его светлость любит вас, — прошептала Элле, возобновляя мытьё.

— Не знаю, не знаю, — пробурчала я себе под нос.

Что думает его светлость, только одному ему и известно. Если бы любил, разве выставил бы такие условия? Разве запрещал бы учить магию, получить статус в здешнем обществе и независимость?

А так, теперь получается то ли месть, то ли ультиматум: раз отказалась выйти замуж, всё равно станешь моей, только уже на моих условиях. Станешь моей...

Эта мысль вызывала странную щекотку в животе. словно закручивалась тугая спираль, горяча и волнующая. Господи, Лин...

Да, я его хотела. И даже, кажется, в глубине души предвкушала надвигающуюся ночь — а потом вспоминала о лишь блеснувшей, едва поманившей мечте: независимость, сила, возможность обрести значение.

Лин или обучение... обучение или Лин.

Если бы он дал мне немного времени, может быть, я бы сама выбрала его. Но Лин, похоже, и мысли не мог допустить о том, чтобы позволить выбирать мне самой. Это и огорчало меня, и напрягало, и пугало.

Может, я совершила ошибку? Надо было сказать «да», пока он спрашивал по-хорошему? Или сбежать сегодня ночью, не дожидаясь, когда лишусь возможности обучаться. Попросить о помощи Хайдена или хотя бы ту же Элле, ехать в Маири-касс, найти Общество Магов. Хайден говорил, я бы могла претендовать на стипендию.

Картинки возможного будущего будоражили разум. Но в реальности я продолжала нежиться в горячей воде под умелыми руками Элле.

Вот так всегда. Всё-таки я слишком нерешительна, чтобы кидаться очертя голову в ночь. Плыву по течению, делаю то, что велено. Всё-таки следовало соглашаться сразу...

— Элле, — я вдруг вспомнила, о чём хотела узнать, — скажи, почему все говорят об этих покоях так, как будто они особенные? Что в них такого?

— О, — Элле теперь переместилась к моим ногам, ловко обрабатывая огрубевшую кожу на подошвах, и я видела, как округлились её губки. — Конечно, вы же не местная. Южные покои раньше принадлежали её светлости.

Матери Лина? Вот оно что.

Лин поселил меня в её комнатах, дал мне, хоть и временно, её одежду... и правда, в глазах обитателей замка это выглядит так, будто меня негласно объявили будущей герцогиней. Тут уж неудивительно, что пошли сплетни.

Почему Лин не подумал об этом? Или как раз подумал? И намеренно так сделал? Как и велел мне есть в его покоях?

А ведь, наверное, когда Лин был маленьким, они так же собирались всей семьёй в покоях отца на тихие обеды.

Семьи у него больше нет. Как и у меня, впрочем. У нас нет никого, кроме друг друга. Вот только отношения между нами совсем непонятные. Не брат и сестра, не муж и жена... не работодатель и работник, как могли бы быть, стань я чародейкой.

Элле продолжала:

— В Восточных, где сейчас живёт его светлость, располагались отец его светлости сайдар Линдирн. Для того меж ними и проложен потайной ход, — она слегка порозовела, и я тоже почувствовала, как к щекам приливает кровь.

Элле не договорила, но всё и так было ясно. Для супружеских встреч, для чего ещё.

И сегодня ночью этот ход снова будет использован по назначению.

— Ваша милость такая красивая, — неожиданно сказала Элле. — Беленькая, как фарфоровая статуэтка.

Я посмотрела: она как раз для сравнения вытянула свою руку рядом с моей ногой. И правда, кожа Элле была смуглая и золотистая, а моя голень смотрелась рядом с ней белой, как алебастр.

Забавно. Ба всегда ругала меня, что я мало загораю, летом и зимой хожу как бледная поганка. А здесь, в мире Лина, это ценится как редкость.

— Наверное, его светлость пали к вашим ногам, как только вас увидели. Ваша кожа белее молока. И ваши глаза — они прозрачнее самой чистой воды. А губы — как лепестки роз.

— Ты решила меня соблазнить? — засмеялась я. — Придворным поэтам, если они тут есть, надо учиться у тебя делать комплименты.

Или Лину. Хотя нет, я бы долго смеялась, отвесь он что-то вроде «твои губы — как лепестки роз».

И вовсе он не пал к моим ногам, он уже лежал, когда я набрела на него — тогда, пять лет назад. Правда, поднялся на ноги с моей помощью. Кое-как доковыляли, слава богу, до дома было недалеко.

Я вдруг вспомнила тот далёкий, полузабытый взгляд Лина, когда он впервые очнулся у нас дома. А ведь он и правда смотрел на меня, как на неземное существо. Как же он меня назвал? Чем-то вроде светлого духа.

Вспомнилось, как Варрен пытался потрогать мои волосы там, у костра, когда нас застиг Лин. Светлые, тонкие, коротко остриженные — здесь это экзотика.

Догадка болезненно уколола. Может, Лин проявляет внимание ко мне только потому, что я не похожа на местных? Может, ему просто интересно, чем отличаются наши девушки от их девушек? Не только внешне, но и, гхм, внутренне.

Тем более что опыт подобного рода у Лина явно есть. И получил он его тут.

— Вот и всё, ваша милость, — Элле убрала щипчики, ножнички и шершавый камень, похожий на пемзу. — Позвольте ополоснуть вас.

— Ополосни, — я встала.

В моей купальне было целых две ванны. По местным обычаям предполагалось, что моются в одной, а наслаждаются горячей водой уже во второй, с добавленными в неё ароматическими маслами. Обычно мне хватало одной, вторая ванна часто пустовала, но сегодня я решила устроить полную спа-программу.

Сама не знала, чего в этом больше: желания максимально прихорошиться или по возможности оттянуть момент.

— И можешь идти, спасибо, — сказала я, когда Элле закончила с процедурами. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, ваша милость! — Элле низко склонилась передо мной, а потом вдруг упала на пол и обняла меня за колени.

От неожиданности я вздрогнула и чуть было не упала сама.

— Вы спасли мне жизнь, — тихо, глядя в пол, сказала Элле. — Теперь она принадлежит вам.

И, пока я пыталась найти слова для ответа, так же тихо, на четвереньках, не поднимая головы, выползла из купальни попой вперёд.

ГЛАВА 22.

Никогда этот путь по тайному коридору не казался мне таким длинным. Волнение подогрело кровь, от нарастающего страха пересохло во рту. В голове метались глупые мысли: а вдруг Лин не один? а вдруг его там вовсе нет?

В первой комнате царил полумрак, в столовой полная темнота. Зато из-под портьеры, преграждающей путь в спальню, лился слабый свет.

Идти... прямо туда?

Сердце забилося вдвое быстрее. Приподняв ткань, я несмело зашла — и увидела, как из других дверей, со стороны купальни, заходит Лин. По пояс обнажённый, в одних домашних штанах, он вытирал полотенцем волосы. Поднял глаза, заметил меня и остановился.

Я замерла, как вошла, не опустив до конца ткань. От взгляда на Лина внизу живота томительно и сладко потянуло. Свет слишком хорошо освещал его. Гладкие мышцы рук и живота манили прикоснуться, повторить пальцами рисунок тела, впадинку, делящую пресс пополам. В горле пересохло.

Я через силу сглотнула, отпустила портьеру и, не зная, куда деть глаза, сделала несколько шагов внутрь. Лин отбросил полотенце на кресло, шагнул навстречу. Его немигающий взгляд не отпускал меня. Мне почему-то стало страшно, я невольно попятилась. Лин остановился.

— Подойди, — велел он хриловатым голосом.

Закусив губу, не слыша за биением сердца собственных шагов, я подошла. Смущение мешало дышать, я сжала руки в кулаки, чтобы они не слишком сильно дрожали. Остановилась, изнывая под жарким взглядом.

— Сними это, — Лин потянул ворот моей то ли ночного платья, то ли халата — я сама не определилась, как это называть: долгополое одеяние из голубого шёлка.

Слава богу, это уже не был гардероб его матери, накануне мне принесли одежду, пошитую специально для меня.

Не поднимая глаз, чувствуя, как Лин смотрит на меня, как следит за каждым движением рук, я распустила пояс. Шевельнула плечами, и лёгкая ткань, соскользнув, растеклась у моих ног лужицей шёлка.

Я осталась в одних трусиках. Прохлада — а может быть, и не только она — заставила волосы на моём теле встать дыбом. Соски напряглись упрямыми розовыми горошинами.

В тишине слышалось дыхание Лина. Вот он тихо сглотнул и снова втянул воздух, как будто ему не хватало кислорода. Его рука шевельнулась, медленно приподнялась. Я снова закусила губу, страшась и одновременно жаждая прикосновения.

Лин дотронулся до моего плеча. Провёл сверху вниз. Чуть шершавая кожа пальцев приятно царапнула. Ещё одно движение — на этот раз круговое, под грудью и наверх. И третье — уже всей ладонью, по-хозяйски, накрывая грудь полностью.

Я еле удержалась от резкого вздоха, когда Лин дотронулся до напряжённого соска. Тело пронзил горячий импульс, отдавшийся между ног, лавой затопивший живот. Захотелось судорожно сомкнуть ноги, прикрыться, боясь собственной порочности, маленького демона похоти, стремительно выбравшегося наружу.

— Посмотри на меня, — Лин ласкал сосок большим и указательным пальцами.

Чувствуя, как меня уносит, плаваясь от этой полуболезненной ласки, я через силу подняла глаза. Жар сводил с ума, выплёскивался сквозь кожу, бередил и заставлял дышать через рот, воздуха не хватало. Бешеная пульсация внизу живота требовала большего.

У Лина был невозможный взгляд. Одного его хватило бы, чтобы вскружить мне голову. В этом взгляде было всё: обещание сводящей с ума страсти, требование покорности, неумолимое желание.

Рука Лина скользнула под волосы, крепко обняла шею сзади, двинулась вверх, заставив запрокинуть голову. Вторая легла на поясницу. Синие — сейчас цвета бушующего моря — глаза Лина оказались совсем рядом. Он поцеловал меня, как будто хотел выпить, жадно, очертя голову, с бешеной страстью, рождая во всём моём теле бесконечное томление, заставляющее меня дрожать. На миг оторвался, заглянул в глаза, словно хотел убедиться, что я не против, и снова приник к моим губам. Поцелуи с каждым мигом, каждой секундой становились всё безумнее.

Моя обнажённая грудь касалась его груди, гладкой кожи, выпуклых мышц. Внизу живота я чувствовала нечто горячее и твёрдое, и это будоражило меня ещё больше. Не выдержав, я подалась вперёд, потёрлась животом об эту выпуклость, заставив Лина резко втянуть в себя воздух. В следующий миг он подхватил меня под попу, прижимая к себе. Пол ушёл из-под ног, и, чтобы не потерять равновесие, я обняла Лина за шею. Его губы снова нашли мои. Хоть теперь наступила его очередь запрокидывать голову, Лин не уступил мне инициативы, целовал напористо и требовательно, захватывая губами мои, прикусывая язык, не позволяя отстраниться.

Несколько шагов, и меня положили на прохладные простыни. Я даже не успела вздрогнуть, как сверху меня накрыло разгорячённое тело Лина.

Господи, невозможно... и я что-то думала о том, что смогу остаться с ним в нейтральных отношениях? Какая я была дурища. Я хотела его, как не хотела никого и никогда.

Губы Лина сомкнулись на моём соске, и я запрокинула голову, вцепилась в простыни. Возбуждение накатывалось волнами, и каждая волна была сильнее и выше предыдущей. Сдерживать стоны было невозможно, и я стонала, металась, изнывала от невыносимой сладости прикосновений. Лин стянул с меня трусики, провёл по нежному местечку прямо там. Скользнул пальцем внутрь, заставив меня шире раздвинуть ноги, податься навстречу.

Спустился ниже, шепнул моё имя, как говорил всегда, на свой манер:

— Ирри, — прежде чем накрыть губами воспалённый от желания бугорок.

Я снова застонала от почти мучительного наслаждения. Прикосновения языка прямо там, пальцев — внутри, чередуясь, сильно и нежно, ласково и требовательно. Я раскачивалась на наслаждении, как на качелях, отвечая и голосом, и телом, ощущая себя натянутой до предела струной.

И в какой-то миг беспредельного удовольствия струна лопнула. Я затряслась в судорогах блаженства, схватила Лина за волосы, притягивая к себе, впиваясь в его губы, стирая поцелуем появившуюся на его лице слабую улыбку — улыбку торжествующего победителя. Он ответил жадно, как всегда. Придавил меня горячим телом, вцепился в затылок, второй рукой гладя по щеке, лаская ухо. Его неотрывный, пылающий взгляд сводил меня с ума.

Я умирала от желания ощутить Лина в себе, потянулась к его штанам — почему он до сих пор в штанах? И тут сознание полоснула одна мысль. Надо остановиться сейчас — или я навсегда потеряю шанс стать чародейкой.

Я тут же её отбросила: поздно, нельзя идти на попятную — но что-то внутри меня неумолимо нарастало, распирало, словно требуя выхода. Ничего не понимая, я села, схватилась за плечи. Лин тоже сел, глядя на меня с вопросом в глазах.

— Я... что это... — протянутые перед собой ладони горели. Не пламенем — ровной золотистой дымкой. Вся кожа пылала золотом, рассыпая мерцание по комнате, не хуже ночника. И я никак не могла это остановить или умерить.

— Ирри, — негромко позвал меня Лин.

Я с ужасом взглянула на него:

— Я не знаю, что это... оно само...

Магия... своевольная, почему-то выбравшая именно меня магия. Я ничего не понимала в ней, но почему-то стала для неё сосудом. Но совсем ненадолго. Скоро она покинет меня, мой дар запечатают, иначе он опасен. Если я буду с Лином, неважно, женой или любовницей, я должна буду отказаться от этого. Я уже отказалась. Я же уже приняла решение — так зачем всё это происходит со мной, почему магия не хочет просто взять и исчезнуть? Почему терзает, манит, словно показывает, как могло бы быть, что я могла бы иметь?

— Небеса, не плачь! Я не буду тебя насиловать.

Кровать дрогнула, когда Лин встал. Мрачный, грозный,

— Я вовсе... — не понимая, что случилось, я коснулась щёк. Они и впрямь были мокрыми. — Лин!

Он только раздражённо передёрнул плечами и вышел из комнаты.

— Лин, подожди, — я вскочила, не обращая внимания на головокружение. Золотистая дымка по-прежнему плясала на коже, ослепляя, мешая разглядеть окружающее — только фигура Лина виднелась впереди. — Лин!

Я побежала за ним, но сияние стало ещё сильнее, в ушах зашумело, всё остальное погрузилось во

тьму. Не видя дороги, я запнулась, вскрикнула и полетела куда-то в чёрную бездну. Последним, что я ощутила, была хватка крепких рук, и всё пропало.

Зелёное... зелёная ткань над головой. Свет в круглом окне. В кресле у окна, свернувшись клубочком, дремлет Элле. Я у себя...

Воспоминания упали резко, как занавес. Вчера я пришла к Лину. Мы целовались... и даже, кажется, собирались заняться кое-чем ещё более приятным. И мне было приятно. Даже очень приятно — так, что я в конечном итоге засветилась, как лампочка Ильича.

Со сдавленным стоном я накрыла лицо руками.

Магия активизируется не только от страха или злости. От слишком приятных ощущений, как выясняется, тоже.

Господи, мой дар всё же надо запечатать. Скоро это будет случаться вообще на ровном месте. А Лин всё понял неправильно. Подумал, я плачу из-за того, что он вынудил меня прийти к нему.

— Ваша милость! — Элле подскочила, увидев, что я уже не сплю. — Слава небесам, вы в порядке. Его светлость велели сразу доложить ему, как только вы проснётесь. Вам было нехорошо? Обморок? Может быть, вы...

Она вдруг смутилась и опустила глаза долу.

— Что я?

— Вы... тяжелы?

О господи. Я снова накрыла лицо руками — на этот раз это был фейспалм.

— Нет, я не беременна, — ответила сдавленно. — И я не сплю с Лином.

Ну... фактически ведь это правда. До самого главного у нас вчера так и не дошло.

— Простите, пожалуйста! Я не должна была спрашивать! Простите, я сейчас же доложу его светлости!

Я не успела её остановить, Элле выпорхнула, как птичка. Вместо неё, словно за дверью уже образовалась очередь, зашёл Имис.

Без выражения помахал надо мной руками, просветил белой дымкой. Нахмурился, поцокал языком.

— Имис, ты знаешь, как запечатывают дар? — спросила я без церемоний.

Целитель поднял на меня круглые, навывкате глаза. Пожевал губами, словно раздумывая, ответить или нет.

Я терпеливо ждала, и он нехотя кивнул.

— Это... навсегда? — я спросила не то, что собиралась. Хотела узнать, больно ли это, сложно ли, какие побочные эффекты могут быть в моём случае. А почему-то спросила про срок.

— Нет, ваша милость, — всё так же нехотя ответил Имис. — Печать можно снять. Но это мало что изменит. Единожды запечатанные силы никогда не будут восстановлены полностью. А негативные влияния убрать почти невозможно. Я имею в виду физическую слабость и одряхление.

Одряхление. Я представила себя тощей седой ведьмой. Боже, я и так старше Лина на четыре года, куда мне ещё дряхлеть.

В дверь постучали. Послышался голосок Элле.

Имис поднялся, я разрешила войти, и дверь распахнулась. На пороге стоял Хайден.

— Доброе утро, ваша милость, — хмуро сказал он. — С сегодняшнего дня вам придётся поменять расписание.

— Расписание? — я приподнялась в постели, ничего не понимая.

Элле шмыгнула внутрь и встала рядом со мной. Сложив руки перед собой, уставилась на меня восторженным взглядом.

— Да, ваша милость. От моих учеников я требую, чтобы они вставали ни свет ни заря.

— От моих учеников? — снова повторила я, чувствуя себя попугаем. По крайней мере, соображала примерно на таком же уровне.

— Его светлость позволил нам начать обучение, — и тут узкое неприветливое лицо Хайдена рассекла совершенно не свойственная ему улыбка.

— Вы будете чародейкой, ваша милость! — Элле схватила меня за руки.

Имис пожал плечами и медленно направился к выходу. Хайден посторонился, пропуская его.

— Ничего не понимаю, — прошептала я.

ГЛАВА 23.

Мы шли по коридорам замка. В окнах едва синел рассвет: сегодня Хайден, как и обещал, пришёл за мной в несусветную рань. Я плелась за его высокой сухой фигурой, позёвывая и еле переставляя ноги, так непривычно было мне подниматься рано. Да ещё и после того, как вчера с тем же Хайденом до самого вечера занимались в его башне. Точнее, занималась я, корпела над учебниками и схемами — а Хайден то появлялся, то исчезал, то усаживался в той же комнате и рисовал свои макеты драгоценностей.

Лина я не видела с позавчерашнего вечера. Того самого, когда он ушёл, подумав, что я не хочу с ним близости. Он, как выяснилось, снова отсутствовал в замке, но завтра должен был вернуться. Мне и страшно было, и очень хотелось с ним наконец поговорить. Между нами накопилось много недопониманий, и хотя бы часть из них хотелось бы разрешить.

А пока я с головой погрузилась в обучение магии. Даже обедала и ужинала в башне Хайдена — вместе с ним и его учениками, которых оказалось не меньше пятнадцати человек. Все они смотрели на меня, как на восьмое чудо света, причём не только из-за необычной здесь внешности, но и из-за того, что, как оказалось, у меня исключительно сильный дар.

— Обычно чародеев такого уровня учат только в Обществе Магов, — пояснил мне Хайден. — Не то чтобы я был этому рад, но твой природный дар превосходит, скажем, мой собственный. Я рад, что его светлость решил не разбрасываться этим с небес свалившимся подарком.

Я промолчала.

Может быть, я ошибаюсь, решив, что Лин пошёл мне навстречу? А на самом деле он просто хорошенько подумал и понял, что Хайден прав.

Почему-то эта мысль меня огорчила.

Но это было вчера, а сегодня мы шли на первую в моей жизни магическую тренировку.

— Отлично, — прокомментировал Хайден, когда мы вышли на открытый балкончик, и я зажмурилась от ледяного ветра, продувающего насквозь. — Мы вовремя.

Я была в домашнем платье, не рассчитанном на выход на улицу, и мгновенно озябла. Хайден постучал по перилам перед собой, предлагая мне выйти вперёд.

— Первая стихия, которую изучают начинающие чародеи, — сказал он. — Это вода и лёд. А для этого необходимо научиться терпеть холод. Вернее, становиться одним с холодом. Расслабься.

Сложно расслабиться, когда зуб на зуб не попадает, но я постаралась. Опустила плечи, глубоко вдохнула. Выдохнула, чувствуя, как ледяные прикосновения ветра хлещут открытую кожу.

— Молодец, — медленно сказал Хайден. — Всё хорошо. У тебя есть какие-то вопросы? Я вижу, тебя что-то беспокоит.

Я невольно вздрогнула и на этот раз не от холода. Подняла на чародея растерянные глаза.

Меня много чего беспокоило, но больше всего — Лин. Наше позавчерашнее ночное «свидание». Запрет на секс, о котором говорил Хайден. Когда я давала своё согласие, мне казалось, удержаться будет проще простого. Я совершенно не брала в расчёт Лина и его намерения. Действия и желания.

И, как выяснилось, свои собственные тоже.

— Я... — я отвела глаза. — Я хотела спросить о той клятве. О том, что ты не будешь учить меня, если я нарушу физическую чистоту. Почему именно такая клятва?

Было непривычно говорить Хайдену «ты», но он настоял на этом. Сказал, что отношения учителя и ученика не предполагают излишней вежливости.

Хайден кивнул. Помедлил некоторое время, потом начал говорить:

— Обычно во время обучения будущий чародей приносит обет не делать чего-то. Например, не есть мяса весь срок обучения. Или не разговаривать. Или не пить вина. По доброй воле отказывается от чего-то для него важного.

— Почему ты запретил мне секс? — я почувствовала, что краснею. Неужели я так похожа на нимфоманку?

Хайден помычал через сомкнутые губы. Повернулся ко мне и смерил взглядом.

— Потому что я вижу, что происходит между тобой и его светлостью. Ты тянешься к нему, он хочет заполучить тебя. Его светлость, при всём его благородстве, разумности и величии, ещё слишком молод. Он действует опрометчиво, решив, что первая любовь — это обязательно на всю жизнь. Я не говорю, что это не так! — поднял он палец, словно предвосхищая моё несогласие. — Но он того и гляди потащит тебя под венец, а это ему дорого обойдётся.

Я опустила голову. Хайден не в курсе, что Лин уже звал меня замуж. Зато он был в курсе обо всём другом: о том, что я из другого мира, что за моей спиной не стоят влиятельные кланы и что я принесу Лину одни проблемы. Герцогиня-иностранка... «варварка», как говорили те девицы — всколыхнёт всю страну.

— Поэтому ты сказал, что обучение мне необходимо.

Чтобы я сделалась чародейкой, и Лин не смог бы жениться на мне.

— Тебе действительно необходимо обучение, — Хайден повернулся к замку лицом, спиной к перилам, взглянул ввысь. — Тебе вообще очень повезло. Чародейство это огромные возможности, — он походя, едва шевельнув кистью, создал огромный, с голову ребёнка, ледяной шар. Подкинул, взмахнул рукой — и с силой метнул в стену замка. Ледяная корка в человеческий рост длиной заблестела в лучах появившегося солнца. Как будто великан облизнул бочок. — Это куда лучше, чем выйти замуж и быть отравленной или заколотой при первом удобном случае, иссекая сердце супруга. Или рожать ему бастардов, живя где-нибудь в глуши.

— А ты знаешь, чем обрадовать, — с трудом подбирая слова, ответила я.

— Можешь меня проклинать, — Хайден искоса посмотрел на меня, — но я считаю, что поступил правильно. Тебе нужен зарок и тебе нужно становиться сильнее. Поэтому твой обет на первые пару лет обучения — это воздержание. Ты можешь нарушить его — и я перестану учить тебя. Выбор за тобой.

— Не нарушу, — упрямо сказала я.

Вот только расскажу Лину, что отвергаю его вовсе не потому, что не люблю.

— Только, Хайден, — я чувствовала, что неумолимо краснею, но всё равно продолжила: — что именно мне нельзя делать? До какой степени нужно... воздерживаться?

Если честно, меня беспокоило, не нарушили мы обет уже. Позавчера. У нас, конечно, не было секса в полной мере, но вообще-то оральный секс тоже... под вопросом. Удовольствие я, во всяком случае, получила.

Но Хайден ни словом не обмолвился, а он, уж наверное, должен быть увидеть изменения в моей ауре.

— До какой? — интонации чародея выдавали его растерянность. — Э-э...

— Ну, например, поцелуи... можно?

— Поцелуи лучше бы тоже не надо... но это клятву не нарушит. Тут всё же речь о плотской любви. Когда мужское семя проникает в лоно женщины.

Я кивнула, покраснев как помидор — чувствовала это. Всё ясно. Видимо, именно это и оставляет отпечаток. С другой стороны, это значит, что петтинг и даже оральный секс не запрещены. А то, может быть, даже и проникновение... правда, это уже вещь опасная.

Некоторое время мы оба неловко молчали. Потом Хайден как ни в чём не бывало заговорил:

— Итак, касательно твоей первой инициации. Каждый ученик чародея проходит несколько инициаций во время обучения. Первая — это медитация в месте силы. Необходимо провести ночь рядом с источником. Ближайшее место силы всего в часе пути от замка. Оно называется Пещера Жажды, — последнее словосочетание Хайден повторил дважды, по-русски и на языке Аэлин.

Какое фрейдисткое название. Я подавила улыбку.

— Источники силы помогают магу восстановить энергетический баланс, духовно подлататься — и в то же время они уводят его в сторону, путают мысли, если так можно сказать. Ты проходишь через сильнейшую ментальную ломку, ощущаешь себя песчинкой мироздания, частью природы. После этого куда легче обращаться к стихийной части магии. Вытяни руку.

Я послушно исполнила приказание. Странно, но сейчас, то ли из-за того, что меня захватил разговор, то ли из-за того, что я привыкла к холоду, но руки ничуть не дрожали.

— Попробуй призвать лёд. Совсем немного, представь себе маленькую сосульку, — и Хайден продемонстрировал, как из ничего формируется тонкая прозрачная палочка, зависшая над его ладонью.

Я закрыла глаза. Для начала вообразила то, что хочу получить — прозрачный брикетик льда, этакий пломбир. Сосредоточилась.

И не успела опомниться, как мощнейший поток шибанул через меня наружу.

— Проклятые небеса! — рядом выругался Хайден, и поток энергии словно обрубили, а я, как марионетка с оборванными нитями, упала на колени.

Раскрыла глаза, посмотрела вокруг и обомлела. Весь балкон был в измороси, покрыт толстенной коркой льда, на стенах выросли белые узоры инея.

— Слишком сильный дар — не всегда хорошо, — уже невозмутимо прокомментировал Хайден. Протянул руку, помогая мне встать. — Ничего, после инициации ты научишься чувствовать грань. Думаю, имеет смысл отправиться уже завтра.

И вдруг уставился поверх моей головы вглубь замкового коридора:

— Кто это был?

Я оглянулась, но там уже никого не было. Только за коркой льда, покрывшей замковые окна, мелькнуло что-то ало-жёлтое, засветившееся в лучах восходящего солнца. Наш разговор кто-то подслушивал?

Например, Иве Рата.

Я её не видела с того дня, как натравила на неё водяную змею. А потом было то покушение. Я надеялась, Рата удовлетворится мезью и больше не станет покушаться на меня. К Элле тоже никто больше не подходил.

— Не обращай внимания, — одёрнул меня Хайден. — Сосредоточься на своих ощущениях.

Я кивнула, выбрасывая из головы Рату. Мы в любом случае не обсуждали никаких тайн.

Но почему-то сам факт того, что Иве, опасная змея, прошла так близко, а я ничего не заметила, пугал. Может, мне попросить у Лина охрану в сопровождение?

Представив, как я шествую по коридорам: два крепких воина спереди, Элле рядом и чуть позади, и ещё двое рослых мужчин сзади, я нервно рассмеялась. И, видя, что Хайден начинает хмуриться, как и велели, сосредоточилась на своих ощущениях.

В тот день мне пришлось услышать о Рате ещё раз. Это было уже после обеда, когда я собирала вещи для поездки в Пещеру Жажды. Хайден сказал, мне нужно будет провести там ночь, и в итоге мы решили не откладывать и ехать нынче же вечером.

Я придирчиво рассматривала свой гардероб, в котором, как назло, было полно роскошных нарядов и очень мало таких, в которых можно ночевать на голой земле, когда вернулась Элле. Я послала её отнести Хайдену прочитанные книги.

— Ваша милость! — всплеснула она руками, видя, чем я занимаюсь. — Ну что же вы сами!

Мне тут же притащили кресло, куда торжественно усадили, и Элле стала сновать по комнате, отбирая вещи. У неё это получалось куда быстрее, так что я смирилась и только кивала или качала головой, когда Элле спрашивала моё высочайшее решение.

После покушения Элле относилась ко мне, как к хрустальной статуэтке. Всю пищу и напитки она теперь пробовала сама, твердя, что его светлость не простит ей, если со мной опять что-нибудь случится. И вообще приглядывала, как за неразумным ребёнком. Учитывая нашу разницу в возрасте, это было довольно странно, но приходилось повиноваться.

Иногда мне казалось, что Элле не поверила мне и считает, что я беременна. Она постоянно норовила усадить меня или уложить, не позволяла носить тяжёлые вещи, на лестницах шла впритык сзади, словно собираясь подхватить меня, если я буду падать. Такая забота и смешала меня, и смущала.

— Ваша милость, — сказала Элле минут через пятнадцать. — Вы уезжаете сегодня вечером? С его милостью?

Под его милостью в виду имелся Хайден. Я кивнула:

— Да, только вещи соберём.

— Я только что видела во внутреннем дворе служанку её сиятельства Раты. Она говорила с мужчиной, по виду воином. По-моему, он из наёмников. Мне кажется, она что-то задумала, — чёрные брови Элле вздёрнулись домиком, выдавая её опасения.

Я не сразу ответила. Чёртова Иве. Может, мне лучше встретиться и поговорить с ней с глазу на глаз? Нет, дурацкая мысль. Что бы я ни сказала, это будет использовано против меня. Иве вряд ли загадывает далеко или всерьёз метит в герцогини — просто мстит светловолосой выскочке, появившейся ниоткуда и занявшей место рядом с Его Драгоценнейшим Светлостью.

Но, может быть, этот разговор служанки Иве и наёмника не имеет ко мне никакого отношения. Может, служанка просто флиртвала в свободную минутку?

— Спасибо, что сказала, — ответила я вслух. — Ты, кстати, тоже будь осторожна, ведь ты останешься в замке, когда мы уедем. Пенсию у вас теперь не отберут, но вполне могут попытаться достать, просто для того, чтобы досадить мне.

— Со мной всё будет хорошо, ваша милость, — улыбнулась моя служанка. — Хотя я бы с большим удовольствием сопровождала бы вас.

— Увы, Хайден сказал, нельзя. Только я и он.

Элле только молча поклонилась. Отвернулась, но я всё равно уловила в чертах её лица невысказанную тревогу.

ГЛАВА 24.

Мы уезжали верхом на псах. Я успела позабыть это ощущение, когда морда размером с половину телёнка тянется к тебе, чтобы ласково облизнуть ладошку — которую я могла бы погрузить в собачью пасть и ещё осталось бы место. И ощущение живой движущейся громады под тобой, хоть и настроенной вполне дружелюбно, но всё же чёрт знает о чём думающей.

— Поедем медленно, — успокаивающе кивнул мне Хайден. — Не бойся.

Нас провожали только мальчишки-конюхи. То есть, собачники, наверное, следовало сказать так. Они открыли замковые ворота, с визгом и гиканьем побежали вперёд. Я обернулась на замок в закатных лучах, хотела поискать глазами Элле. Она должна была смотреть на отъезд из моих покоев.

Нашла, помахала рукой. Моя служанка яростно махала в ответ. Улыбаясь, я начала отворачиваться — и в этот миг заметила ещё одного свидетеля нашего отъезда. Вернее, свидетельницу.

Иве Рата стояла на одном из балконов во всей красе пышного ало-жёлтого платья. В лучах заходящего солнца ткань казалась кровавым желтком, а холодная, полная зловещего удовлетворения улыбка наполняла страхом.

Мне показалось, что двор и сам замок мгновенно накрыла тень. Предвкушение похода сменилось тревогой. Нельзя покидать замок. Иве что-то задумала.

— Пора, — окликнул меня Хайден.

Я направила своего пса следом за ним, но не могла прогнать неуютное ощущение угнездившегося между лопатками чужого взгляда.

Что же она замышляет? Сейчас в замке нет ни Линдена, ни Хайдена, её руки полностью развязаны. Она может сотворить что угодно. В том числе и убить Элле, наняв для этой цели мимо проходящего бандита. Выманить её обманом, заколоть на том же заднем дворе — и ищи-свищи того наёмника.

Это очень походило на Иве. Подбросить сопернице труп её любимой собачонки — в данном случае служанки, которой я дорожу так сильно, что даже не отстранила от себя после неудавшегося покушения.

Только бы Элле сидела тихо в моих покоях.

Выехав за пределы города, мы отправились по незнакомой мне дороге наверх, в горы. Сам замок уже исчез из виду, но силуэт дракона на фоне синего неба следил за нами, его пасть щерилась в ухмылке, словно предрекая беду.

Беспокойство не давало мне думать о чём-либо, кроме возвращения в замок, я постоянно оглядывалась, и Хайден это заметил.

— Что-то случилось? — спросил он непривычно мягко.

Я помотала головой. А потом решила:

— Ты мог бы вернуться в замок сегодня вечером?

Хайден смерил меня испытующим взглядом:

— Почему?

— Сложно объяснить, — я сотворила кривую улыбочку. — У меня плохое предчувствие, вот и всё. Такое ощущение, будто грядет беда.

Чародей нахмурился:

— Ты уверена? — и продолжил, когда я кивнула: — Будь по-твоему. Я доведу тебя до места, уеду, а завтра утром вернусь за тобой.

— Спасибо, — я облегчённо улыбнулась.

Как Хайден и предрекал, путь занял около часа. Вход на территорию источника был обозначен белой лентой, повязанной на высоком деревянном столбе. Мы спешили, привязали псов и дальше пошли пешком.

— Места силы обходят стороной, — говорил Хайден. — А внутрь заходят только поодиночке. Слишком сильное влияние оказывает источник. Всё наносное, всё человеческое смывается,

остаются инстинкты. Чувства обостряются. Сюда приходят для того, чтобы познать самого себя. А вот и пещера.

У меня похолодели руки и ноги. Почему-то стало страшно. Настал час истины.

Пещера не выглядела как-то опасно: просто каменная арка, виднелся коридор внутри, уходящее солнце гладило золотом валуны.

Хайден взял канат, лежавший на большом плоском камне перед пещерой, и ловко повязал его между столбиками с обеих сторон от хода, так, чтобы канат преграждал путь.

— Это знак, что внутри кто-то есть, — Хайден положил руку на канат. — Теперь каждый, кто придёт сюда, будет ждать, пока ты не выйдешь. Иначе может случиться беда.

Я невольно передёрнула плечами. Надеюсь, это не случайное пророчество.

— А если забредёт какое-то животное?

— Животные избегают места силы. Да и люди тоже — думаю, ты чувствуешь? Нежелание входить?

О да, я чувствовала это сполна. Казалось, что внутри меня ждёт нечто ужасное. Но раз Хайден говорит, что так и надо...

— Ты уверена, что хочешь, чтобы я вернулся на ночь в замок?

Я была совсем не уверена, но всё же кивнула. Солнце уходило, и вместе со светом и теплом меня покидала решимость.

Смелее, Ира.

Это всего лишь одно из испытаний, которое придётся пройти. Первое из них.

Поправив рюкзак с вещами и припасами, я нырнула под канат. Остановилась под грозной толщей камня, повернулась к Хайдену.

— Завтра с рассветом я буду здесь, — сказал он. — Не бойся. Стань жуком, змеёй, песчинкой, искрой пламени в костре. Стань единым с землёй Аэлин. Прими себя саму как часть великого создания небес.

Я промолчала в ответ на напутствие. Хайден осенил меня жестом, более всего походящим на благословение, развернулся и, не оглядываясь больше, неторопливо зашагал назад. Его тощая высокая фигура бросала длинную тень на каменистую, поросшую редкой травой землю.

Я провожала его взглядом, пока и тень, и сам Хайден не стали неразличимы среди однообразных холмов. Потом повернулась лицом к пещере, глубоко вдохнула и смело шагнула вперёд.

Поначалу идти в неизвестность, в полном одиночестве и тишине, после всего услышанного, было страшно. Потом я немного успокоилась и заметила, что, хоть у меня с собой нет ни фонарика, ни факела, я могу видеть окружающее. Стены пещеры испускали тусклый, неожиданно тёплый, желтоватый свет. И чем больше привыкали к этому свету мои глаза, тем спокойнее и веселее мне становилось.

Путь был обозначен фигурами на стенах, так что я не боялась заблудиться, просто брела, вглядываясь в мерцающие стены и пол. Наконец тишину сменило негромкое журчание. Родник. Хайден говорил, ночь лучше провести в комнате с родником.

Я вошла в очередную пещеру и остановилась.

— Вау...

Родник был в самом центре пещеры — синий фонтан, сияющий изнутри, как будто где-то была спрятана подсветка.

Я скинула рюкзак и села рядом, скрестив ноги. Мне никогда не приходилось медитировать, и поначалу я чувствовала себя немного странно, но через время — то ли сработал монотонный шум воды, то ли сама атмосфера пещеры — я словно погрузилась в транс.

Не знаю, сколько прошло времени, когда меня вырвало из этого состояния что-то неприятное. Было такое ощущение, что на мою территорию грубо вторглись. В вечном покое появились нотки чего-то противного, пахнущего зловонным болотом.

Я поднялась на ноги, всё ещё чувствуя себя одним с миром и с пещерой. Обернулась ко входу,

выставила перед собой руки, словно преграждая путь. По телу полилась энергия, формируя сверкающий серебром щит. Сквозь этот щит я увидела крупную тёмную фигуру, вставшую на пороге. Мужчина.

От него пахло опасностью. Смертью. Это был незнакомый мне мужчина около тридцати лет, черноволосый и синеглазый, как все местные, одетый в кожаную куртку и штаны. И в руке он держал обнажённый меч.

Увидев меня, мужчина слабо хохотнул:

— Смотри-ка. Всё как она сказала. В Пещере Жажды. Но ты тут одна, птичка?

Ощущение смерти и опасности немного ушло. Зато вместо него появилось отвратительное ощущение похоти.

Я оскалила в отчаянии зубы. Щит замерцал сильнее, но мужчину это как будто ничуть не смутило.

Я уже понимала, кто это. И понимала, какую страшную ошибку совершила. Я была уверена, что Иве Рата подкупила наёмника, чтобы убить Элле. На самом деле она послала его за мной, подслушав наш с Хайденом разговор.

Опасность грозила не Элле в замке. А мне — здесь. А я отослала Хайдена и теперь мне никто не поможет.

Отчаяние захлестнуло меня. Отчаяние и ужас — по мере того, как наёмник неуклонно приближался, как будто ничуть меня не опасаясь.

— Чья же ты, птичка-невеличка? — оскалился он, становясь напротив меня. — Что такая хорошенькая девушка тут забыла?

Это бы походило на флирт, если бы не тускло светившееся отражённым светом лезвие меча. Наёмник неторопливо приподнял оружие. Кончик меча коснулся пылающего серебром щита, и по нему поплыли круги. Я напрягла силы, чувствуя, как металл ищет брешь в защите.

— Думаю, никто не обидится, если я попробую тебя перед смертью, — мужчину как будто вовсе не смущал мой щит.

В следующий миг я поняла почему: наёмник сорвал с шеи амулет и гортанным голосом выкрикнул:

— *Исчезни!*

Щит со звонким треском распался, а из меня словно выдернули душу. Перед глазами завертелись чёрные круги. Хватая ртом воздух, я упала на колени. Господи, что это?

Дикий, смертельный ужас охватил меня. Я вытянула перед собой руки, воззвала к магии, только что свободно лившейся по телу — и не почувствовала ничего. Я вообще больше не чувствовала ни окружающего пространства, ни дыхания пещеры, ни слабого пения, сопровождавшего меня от входа. Только мёртвая безумная тишина, внезапная слепота, как будто меня лишили самых важнейших человеческих чувств.

Лязг железа немного помог мне прийти в себя. Наёмник убирал меч в ножны. Взглянул на меня, очерился в предвкушении. Я уже не могла понять его чувств, но поведение говорило само за себя. Он медленно, словно оттягивая момент, развязывал пояс.

Я вскрикнула, вскочила и ринулась мимо него наружу. Напрасно: наёмник словно ожидал этого, глухо хохотнул и перехватил меня за талию. Грубо отбросил. Не удержавшись на ногах, я упала на твёрдый пол пещеры.

— Веди себя спокойно, птичка, и тебе понравится. Я умею сделать бабе хорошо.

Приподнявшись на локте, я с ужасом увидела, что он освободился от штанов. В любое другое время голые мужские ноги в сочетании с одетым полностью торсом заставили бы меня как минимум усмехнуться. Сейчас они вызвали во мне только страх, особенно явно свидетельствующий о возбуждении толстый налитой член. Круглая головка словно подмигивала мне своим единственным глазом.

Взвизгнув от отвращения, я попыталась отползти, но наёмник схватил меня за ногу. С лёгкостью притянул к себе, перевернул на живот. Я закричала, чувствуя грубое прикосновение верёвки. Запястья в одно мгновение оказались стянуты с такой силой, что мой крик перешёл в стон боли.

— Вот так, малышка, молодец, — мужчина с удовлетворением хлопнул меня по заднице, а потом начал стаскивать штаны.

Уткнувшись лицом в пол, я попыталась воззвать к магии. Пусто. Тишина.

Неужели... всё закончится сейчас? Он изнасилует меня, а потом убьёт. Иве может торжествовать победу.

ГЛАВА 25.

Мужчина снова перевернул меня, на этот раз на спину. Довольно ухмыльнулся в моё искажённое страхом и ненавистью лицо. Навалился на ноги, силой раскрывая их. И тут за его спиной мелькнула тень.

Мощный размах, высверк лезвия, хрип и запах крови. Наёмник повалился на меня, придавливая тяжёлым телом. Я снова закричала, с трудом исторгая из пересохших связок звуки. Изо всех сил отпихнула мужчину — плечом, потому что руки были связаны. Глаза его медленно стекленели.

Кто-то склонился надо мной. Обезумев от страха, я принялась отбиваться ногами, но меня враз подняли с земли, крепко прижали, и я услышала знакомый голос Лина:

— Тише... всё хорошо.

Я всхлипнула, расслабляясь. Силы мгновенно покинули меня, и я бы не устояла на ногах, если бы он меня не удержал. Лязгнуло железо, и верёвка спала с моих запястий.

Дежавю. Это уже второй раз, когда Лин спасает меня от насильника. Надеюсь, что и последний, и больше ему не придётся это делать.

— Как ты здесь оказался? Хайден? — едва придя в себя, я отстранилась и поспешила одеться.

Лин же был где-то далеко от замка. Где-то с проверкой, со своими «ястребами». Неужели Хайден отправился не в замок, а искать Лина?

Но Лин покачал головой. Снова шагнул ко мне, взял за руку, притянул к себе:

— Ты дрожишь. Нет, меня нашла твоя служанка, Элле. Примчалась на огромном кобеле из наших псарен. Не думал, что она может так гнать, — в спокойном голосе Лина послышалась усмешка. — Сказала, что видела, как за тобой с Хайденом поехал подозрительный наёмник. Хорошо, что я поспешил. Беру свои слова назад. Она действительно тебе предана. После того как ты спасла её — вдвойне.

Я промолчала, нежась в его объятиях. Чувства понемногу начали оживать: я снова слышала пещеру, тихое пение, свойственный месту силы покой... то, как сильно бьётся сердце в груди Лина.

— Куда подевался Хайден? Почему он не вместе с тобой?

— Я отправила его обратно в замок, — через силу ответила я. — Наверное, вы разминулись. У меня было плохое предчувствие, я решила, что оно относится к Элле. На самом деле это я огребла проблемы.

— Не уходи никуда без охраны, — Лин сжал меня крепче. В его голосе слышалась тревога. — Я правда сойду с ума, если ты пострадаешь. Ради меня, если ты хоть немного дорожишь мной.

— Что ты несёшь? — я повернулась в его объятиях и заглянула в отчаянные синие глаза. — В смысле хоть немного? У меня вообще нет никого, кроме тебя.

— А кто я для тебя? — спросил Лин. Голос его стал требовательным, и выражение глаз, не отпуская моего взгляда, тоже. Руки крепче сжались вокруг меня.

Я молчала. Безумие. Мы одни в глубине пещеры, у наших ног лежит труп человека, пытавшегося изнасиловать и убить меня — а мы выясняем отношения.

— Ирри...

— Я люблю тебя, — сказала я, вставая на цыпочки и обнимая Лина.

Его руки скользнули с моих плеч на талию, сжали сильно, почти до боли, так, будто Лин хотел вобрать меня в себя.

— Как? — спросил он хриплым голосом. — Как младшего брата? Как...

Вместо ответа я потянулась к его губам. Едва коснулась их, как Лин нагнул голову мне навстречу, его рука легла на мой затылок, лишая даже малейшей возможности воспротивиться. Его язык атаковал мой рот, изучая и запечатывая, словно ставил клеймо принадлежности. Запах крови, наполнявший пещеру, обострял наши чувства, и я задыхалась от исступлённых поцелуев, от тёмного омуты глаз Лина. Плохо соображая, мы сталкивались зубами, неловко прикусывали губы друг друга, терзали друг друга, как дикие звери, но боль делала наши ощущения пронзительнее и глубже.

Наконец я заставила себя отвернуться, прижалась к плечу Лина, пряча лицо:

— Нельзя! Я не могу... я дала обет. Хранить чистоту, пока учусь...

— Обет?.. — хриплым от желания голосом переспросил Лин. Сжимающие меня руки подрагивали, но он пытался говорить спокойно. — Ты поэтому плакала?

Лин явно говорил о той ночи, когда мы не дошли до конца. Я покачала головой:

— Нет. Я подумала, что мой дар запечатают, и стало себя ужасно жалко. Я не хотела тебя обидеть.

Лин крепче прижал меня к себе. Всем телом я чувствовала биение его сердца, оно отзывалось во мне, прокатывалось волнами.

— Я буду ждать.

— Что? — я подняла голову. — Ждать... конца обучения?

Лин кивнул. Он не смотрел на меня, уставился куда-то над моим плечом. Жилка на его шее подрагивала.

— Ты сумасшедший. Это не меньше двух лет. Тебе... — я даже не смогла договорить, что ему нужно жениться — сама эта мысль была непереносимой.

— Я уже жду пять. Ещё пара лет ничего не изменит.

Я замолчала. Он и правда говорил об этом — тогда, пять лет назад. Я только смеялась. А как иначе реагировать девушке в восемнадцать, когда четырнадцатилетка на полном серьёзе сообщает ей, что женится?

— Что-то не уверена, что ты помнил обо мне, когда вернулся сюда, — пробурчала я, вспомнив, как ловко он раздевал меня там, в замке. Чувствовался, знаете ли, опыт.

А вот тут Лин смутился. Глаза заблестели, он кинул на меня встревоженный взгляд, словно ожидал, что я вырвусь из его объятий.

— И сколько их у тебя было?

— Я... — даже при его смуглой коже было видно, что он покраснел. — Ирри...

— Ладно, лучше не говори, — быстро сказала я. — Забыли.

— Прости, — Лин сильнее притянул меня к себе, приник губами к моей шее. — Ты выйдешь за меня? Потом, когда твой обет закончится?

— Ты сумасшедший... — господи, разве можно чувствовать к человеку настолько неизмеримую нежность? Я даже простила явный уход от темы. — У вас же нельзя жениться на чародеях.

— Плевать. Я думал об этом. Общество Магов поднимет скандал, лишит Аэлин поддержки, но мы справимся. Если Хайден останется со мной, мне нет дела до Общества Магов. Даже если они решат поддержать короля Маири-касса. Ради тебя я могу воевать со всем миром.

— Господи, Лин...

Он отпустил меня, отстранил, пристально вглядываясь в моё лицо.

— Странно. Здесь так легко говорить обо всём, что я чувствую. Нет ни страха, ни сомнений. Только уверенность. Мы выстоим. Ты закончишь обучение, как хочешь. Я не притронусь к тебе пальцем. Хочешь, я дам клятву?

— Не надо. Я тебе верю в любом случае, — я взяла его за руку.

Мне хотелось к нему прикоснуться. Будь это возможно, мне бы хотелось слиться с ним воедино. Стать амулетом, что он носил на шее, стать перчаткой на его руке.

— Небеса, не смотри на меня так, — выдохнул Лин хрипло. — Иначе я возьму назад все слова, что сейчас сказал.

— Прости, — я смутилась. Чтобы сменить тему, напомнила о наёмнике. — Лин, этот мужчина... Элле видела, как служанка Иве с ним разговаривала. И у него, похоже, был амулет против магов. Он знал, куда идёт. И зачем...

— Да, — по его лицу прошла тень. — За ней наблюдает мой человек. Думаю, он подтвердит слова

твоей служанки. Иве будет отослана. Прости, что не сделал этого раньше. Канцлер Рата давно служит нашей семье, я не хотел портить с ним отношения без чётких доказательств. А ты не выходи больше из замка, не предупредив меня.

— Он предлагал её тебе в жёны? — я схватила его за руку.

Лин отвёл глаза всего на один миг, но этого было достаточно.

— Предлагал, — сказала я с уверенностью.

— Это ничего не значит. Я отказался. И он всё понял.

Канцлер, может быть, и понял. А вот Иве, похоже, не совсем.

— Надеюсь, ты с ней не спал?!

Лин посмотрел на меня с безмолвным потрясением. Потом засмеялся:

— Нет, нет.

— А с кем? Кто она была? Кто-то из замка?

Он замялся. Взгляд ушёл в сторону.

— Говори, — потребовала я.

— Сестра Медведя. И...

— О господи, ещё и не одна. Не хочу слушать.

Я демонстративно зажала уши, злясь на себя саму и заодно на Лина тоже. А он явно пытался скрыть улыбку: уголки губ подрагивали.

Если так подумать, я, конечно, не имела права на него сердиться. Тогда, пять лет назад, между нами ничего не было. А потом я сама познакомилась с Артёмом и даже жила с ним одно время. Естественно, что и Лин не вёл жизнь отшельника.

Но всё равно иррациональная ревность сжимала сердце, кромсала, мешала спокойно дышать. Я ненавидела саму мысль о том, что кто-то был с ним — и, может быть, ещё будет.

Сложно требовать от мужчины, чтобы он хранил целомудрие два года. Может, пусть Лин и в самом деле даст клятву? Моя рациональность стремительно летела куда-то в тартарары.

— Ты ревнуешь? — жаркий шёпот Лина заставил меня вздрогнуть. — Скажи, что да.

— Отстань...

Его руки снова накрыли мои плечи, глаза приблизились.

— Не могу, — Лин поцеловал меня. Наверное, это должен был быть почти дружеский, лёгкий поцелуй, но стоило его губам коснуться моих, как я раскрылась навстречу, запустила руки в его волосы, сама притянула ближе.

Мой... мой Лин, только мой. Не отдам его никакой Иве и вообще никому. Лин жадно целовал меня, его пальцы гладили мой затылок, тело прижимало к стене... когда мы оказались рядом со стеной? Неважно...

— Ты моя жизнь, моя кровь, — шептал он, целуя меня, заглядывая мне в глаза, и я тонула в синеве его глаз.

Куртка сползла с его плеч, я задрала его кофту, замерла от восторга, скользя ладонями по гладкой коже, напряжённым мышцам торса.

Лин застонал:

— Небеса, не делай этого... Иначе я не остановлюсь. Твой обет, Ирри...

Я вырвалась, чувствуя себя так, словно вынырнула из омута. Воздуха не хватало, я едва стояла на ногах от дикого, животного возбуждения. Цепляясь за стену, отошла на несколько шагов.

— Пожалуйста, уходи, — сказала, не оглядываясь.

Лин не ответил, только бурно дышал.

— Пожалуйста, — повторила я. — Я должна пробыть здесь до рассвета. Если ты здесь останешься...

Если мы до утра будем здесь только вдвоём, постоянно рядом... это кончится плохо. Вернее, очень хорошо — но обещание Хайдену я нарушу. Я не должна быть с Лином, пока не смогу отвечать сама за себя.

Это всё пещера. Она обостряет чувства, топит разум. Заставляет сходить с ума от желания прикоснуться к Лину, узнать его ближе, почувствовать в себе.

— Хорошо, — сказал Лин с трудом. — Я буду ждать снаружи.

Он повернулся и сделал шаг — но вдруг зашатался и, не в состоянии удержаться на ногах, упал на одно колено.

— Лин! — я метнулась к нему.

Что происходит? Яд? Или его ранили? Магия?

Лин поднял голову, и я чуть не закричала. Его лицо менялось. Глаза вытянулись, зрачки стали плоскими, нос превращался в морду.

Лин с силой оттолкнул меня. Опустился на четвереньки, застонал режущим душу стоном. И из его спины что-то плеснуло вверх, раздирая одежду.

Гребень.

— Ли-и-ин!

Господи, он умирает? Как ему помочь? Зачем же я отослала Хайдена!

Я снова схватила Лина за плечи, как будто этим могла что-то изменить или облегчить его состояние. Мельком увидев впивающиеся в пол пещеры его пальцы, ужаснулась: они превратились в длинные, металлически блестящие чёрные когти.

Лин с явным трудом повернул ко мне лицо. Глаза испугали меня: без белков, одна лишь густая сапфировая синь. Без проблеска разума, со скользким, ни на чём не останавливаясь, взглядом. Узкие ноздри хищно затрепетали. Глухой низкий рокот прорезал тишину.

Я не сразу поняла, что это рык. Лин рычал, оскалив белые клыки. Не по два на каждой челюсти, как у людей, а целый ряд острых, длинных, крупных клыков. Мне показалось, что эти клыки вот-вот вцепятся мне в горло.

Я невольно вскрикнула, откидываясь назад. Лин дёрнулся, по-звериному понюхал воздух. Набросился на меня, придавливая к полу. Его лицо оказалось совсем рядом с моим лицом, и я увидела, что кожу покрывают крупные чешуйки.

Из полураскрытого рта Лина высунулся длинный раздвоенный язык. Он прошёлся по моему лицу, и Лин довольно заурчал.

ГЛАВА 26.

В первый момент я зажмурилась, потом открыла глаза. Нашла взглядом глаза Лина. Прикосновение вовсе не было неприятным, но я боялась за самого Лина. Что случилось с ним? Это проклятие или враждебная магия?

— Лин... Ты меня понимаешь?

Он склонил голову набок. Это движение напомнило мне собачье, и я засмеялась нервным смехом.

— Понимаешь, кто я? Как меня зовут?

Лин медленно, с явным трудом кивнул. Прорычал что-то, отдалённо напомнившее «Ирри». Потом, словно Лин приложил для этого невероятные усилия, его лицо на миг снова стало почти человеческим.

— Уходи, — прошептал он. И тут же, без перехода, поцеловал меня, наваливаясь всем телом, перехватывая руки так, чтобы я не могла сопротивляться.

Его язык менялся. То становился явно нечеловечески длинным, нежно обхватывая мой язык, то снова превращался в обычный, жадный, нетерпеливо требующий отклика. Глаза Лина тоже были то нормальными, с широко расширенными, безумными зрачками, то зрачок сужался, а радужка заливала белки. Это было и страшно, и прекрасно.

Когти давно разодрали мою одежду, оставили полосы на плечах, на них взбухли мелкие капли крови. Заметив это, Лин глухо застонал и попыталсялизать ранки. Шершавый язык раздирал кожу и одновременно жёг как огнём. Я вскрикнула, попыталась отползти, но Лин зарычал, припечатывая меня к полу пещеры рукой с чёрными когтями.

— Моя-а-а...

Он не в себе... может, это воздействие пещеры? Но почему именно так, почему он превращается в какое-то чудовище?

— Лин! Ты человек!

Напрасно: мои слова не доходили до его разума. Передо мной был зверь — зверь, желающий свою самку. Он готов был взять меня силой, пусть даже ему пришлось бы удерживать меня зубами. Когда сознание возвращалось к нему, Лин пытался бороться с собой, но стоило мне попытаться отойти или оттолкнуть его, как он превращался в рычащее, жаждущее добраться до моего тела чудовища.

В нашей борьбе я проигрывала, Лин, волей или неволей, изрезал когтями мою кофту и нижнюю сорочку, она висела лохмотьями. Зацепившись за резинку штанов, с лёгкостью порвал и их. Мои слова до него уже не доходили, он просто хотел меня. И я закрыла глаза и притянула его к себе, сама отыскивая губами его губы.

— Пожалуйста... не торопись.

Лин заурчал, целуя меня. Неожиданно нежно, заставляя забыть о только что причинённой боли, о страхе — обо всём, кроме его тепла и запаха, его дыхания, опаляющего губы. Шершавая, покрытая чешуёй ладонь скользнула по внутренней стороне бедра, раздвигая ноги. Вторая легла на мой затылок, оберегая от соприкосновения с землёй. Сумасшедшая смесь безумного желания и нежности заставила меня задохнуться. Я распахнула глаза, чтобы увидеть выражение глаз Лина — и даже за дикостью и безумием звериного разума увидела его самого.

— Во имя Далайи, замри! — жёсткий, сильный, совершенно неожиданный голос поразил меня как гром.

Тело Лина на мне напряглось — а в следующий миг обмякло. В воздух взвились золотые ленты, бережно оплели его, оторвали от меня, приподнимая. Я тут же села, подобралась, как кошка.

— Хайден!

Это и впрямь был он. Запыхавшийся, вспотевший, короткие волосы стояли лохмами.

— Я вернулся на полпути. Знаешь, у меня тоже было что-то вроде предчувствия, — Хайден криво улыбнулся мне. — Вижу, что не зря.

— Что с Лином? — я вскочила. Хорошо, что трусики не окончательно порвались, хоть и висели на честном слове. — Это проклятие?

Золотые ленты спеленали лишь тело, черноволосая голова была бессильно откинута. Даже без сознания Лин оставался в состоянии полутрансформации: за приоткрытыми губами виднелся ряд острых клыков, а кожу покрывала чешуя.

— Уйдём отсюда, — сказал Хайден, транспортируя Лина и сам шагая к выходу. — Поговорим снаружи.

— А как же инициация?

Хайден покачал головой:

— Боюсь, ты её провалила. Не по своей вине, но всё же. У тебя было, похоже, слишком много гостей, чтобы ты смогла по-настоящему почувствовать единение с природой.

Я прижала ладони к щекам:

— И что же теперь?

— Теперь? Теперь остаётся лишь ехать в Маири-касс. Но об этом поговорим, когда он придёт в себя.

Я отметила короткое «он» вместо обычного «его светлость». То ли Хайдену было не до церемоний, то ли он не мог до конца назвать своим герцогом существо, которое вряд ли можно было считать человеком.

Выход оказался неожиданно близко. Благодаря про себя свою предусмотрительность, я вытащила из рюкзака запасную одежду и, отойдя за кусты неподалёку, переоделась. Царапины, которые оставил Лин, уже подживали — невероятно быстро, как будто им было уже дня три.

Вспомнив те огромные острые когти, я передёрнулась. И одновременно с лёгким, изумившим меня саму сожалением подумала, что Хайден появился чересчур рано.

Господи, Ира. Сумасшедшая. Появление Хайдена спасло твоё будущее, а ты жалеешь, что секс не состоялся.

Но внутренняя отповедь не имела успеха. Ладно уж, можно не врать самой себе — я хотела Лина. Безумно. Помнила про обучение магии скорее по инерции.

Но опять же — это, наверное, всего лишь влияние пещеры. То самое, что обостряет чувства, заикливает человека на одной и той же мысли. Не появись Лин, я бы медитировала себе спокойно, даже не вспоминая ни о чём подобном.

Когда я вернулась, в центре полянки уже горел знак огня, а Хайден сидел у головы Лина и что-то напевал себе под нос, вода руками.

Я села рядом. С облегчением увидела, что грудная клетка Лина медленно, но размеренно приподнимается. Жив.

— Я могу как-то помочь? — спросила я у Хайдена.

— Сиди уж, — он махнул рукой и снова принялся колдовать над Лином.

Я смотрела на его лицо с закрытыми глазами, ещё покрытое чешуйками, и сердце сжималось от тревоги. Что если он не придёт в себя? Или уже не сможет стать прежним?

— Что с ним случилось?

Вместо ответа Хайден задал мне встречный вопрос:

— Что ты знаешь о Великом Прародителе?

Мне вспомнился чёрный силуэт дракона на фоне тёмно-синего неба. Глаза, пылающие сапфировой синевой, прямо как глаза Лина там, в пещере. Встопорщенный чёрный гребень — как те штуки, что торчали из его спины.

— Предок Лина? Дракон?.. — я не верила сама тому, что говорила. — Я думала, это символ. Иносказание.

Хайден покачал головой. Начал рассказывать, напевно, как старую легенду:

— Много веков назад Великий Прародитель спустился с небес и увидел красивую женщину. Полюбил её всем сердцем, и она полюбила его. Но они были слишком разными, чтобы быть вместе. И тогда Великий Прародитель взмолился богам, чтобы они даровали ему возможность быть с ней. И

они снизошли, подарив ему способность принимать человеческий облик.

— Ты хочешь сказать, что это случилось по-настоящему. Дракон стал человеком, — глухо сказала я.

Хайден пожал плечами:

— Так или иначе, но род его светлости прямой потомок Великого Прародителя. Все дети Аэлин в той или иной степени происходят от Великого Прародителя, но в семье его светлости кровь первого предка сильнее всего. В этом есть и хорошие, и плохие стороны. Долголетие, крепкое здоровье, умение вести за собой народ, ум. И, с другой стороны — натура зверя, которая берёт верх в некоторых случаях.

Я поёжилась.

— Великий Прародитель мог менять облик, становясь то человеком, то драконом. — продолжал Хайден. — И я слышал, что его сыновья и внуки, в минуты сильных душевных переживаний, тоже могли принимать облик дракона. Я имею в виду — настоящего дракона, как того, чья статуя установлена над замком. Но через столько поколений... — он посмотрел на Лина. — Кровь должна быть сильно разбавлена. Я удивлён даже такой частичной трансформации.

— Он может... снова стать нормальным?

— Думаю, да. Это чудо, что в нём проснулась древняя кровь. Думаю, влияние Пещеры Жажды. Здесь он должен прийти в норму.

Я выдохнула. Расслабила руки, только сейчас заметив, что слишком сильно их сжимала, до боли. Снова взглянула на Лина, взяла его ладонь, переплела наши пальцы. Когти ещё оставались, но истончались на глазах. Наши руки были совсем разными: моя тонкая белая, какая-то непрочная, слишком нежная, и Линова смуглая, крупная, с красивыми сильными пальцами... оканчивающимися чёрными когтями.

— Неужели он мог стать настоящим драконом? — я представила дракона с горы над замком в той маленькой пещерке и содрогнулась.

— Нет-нет, что ты, — Хайден чуть не перекрестился. — Это невозможно. Говорю же, удивлён даже такой трансформации. Думаю, это влияние Пещеры Жажды, она снимает барьеры разума, а иногда может вызвать к жизни совсем потаённое.

Мы помолчали. Не знаю, о чём думал Хайден, а я думала о том, что произошло в пещере. Я бы солгала, если бы сказала, что мне не было страшно — но было что-то сильнее страха. Притяжение? Уверенность, что Лин не сделает мне ничего плохого?

Хайден вдруг заговорил:

— Рад, что ты в порядке.

Я невольно зарделась. Намёк на то, что, опоздай он на пару минут, и было бы поздно? Но Лин не собирался убить меня, он... собирался сделать кое-что другое.

— Вот только я уже не уверен, что не зря решил тебя обучать, — он кивнул на следы на моих плечах, оставленные когтями Лина. — Судя по тому, что я увидел... Мне начинает казаться, что я ошибся.

Я молчала, ожидая продолжения. Хайден взглянул на Лина:

— Обычно если они выбирают жену, то это навсегда. Собственно, это ещё одна причина, по которой я бы не хотел, чтобы вы торопились.

— Вдруг бы Лин женился на мне, а потом встретил бы настоящую любовь?..

Хайден уставился в пространство. Сумерки давно сгустились, и в полумраке его лицо было освещено только с одной стороны. Усмешка показалась мне горьковатой, когда он продолжил:

— Драконова кровь позволяет жить долго. Дед его светлости встретил супругу в довольно позднем возрасте... он уже был женат к тому времени. Чтобы жениться на своей избраннице, ему пришлось отправить герцогиню в монастырь... а сыновей от неё — убить.

— О боже, почему? Чем бы они ему повредили?

— Во-первых, он во что бы то ни стало хотел, чтобы престол унаследовал его сын от любимой. Во-вторых — это иррациональное, воистину звериное желание уберечь потомство. Потому что дракон считает своими только детей от своей избранницы.

— Звучит ужасно... почему же он женился, если не любил первую жену? И неужели нет способа определить, настоящие чувства или нет, до того, как жениться?

Хайден развёл руками:

— Может, сёстры Духа и ведают такой способ, но мне он неизвестен. А что касается причины... правителям очень часто приходится жениться не по любви.

Я помолчала. Значит, Хайден раньше думал, что у Лина только временная страсть ко мне, а теперь склоняется к мнению, что я на самом деле его избранница.

— И что же делать? Я не смогу учиться? — против воли я расстроилась.

Нет, мысль о том, чтобы выйти за Лина, уже не казалась мне безумной, но ведь всё равно пока ничего не изменилось. А что если я не его истинная любовь?

— Ну почему же нет... просто боюсь, вы не выдержите долго, вот и всё. Но пусть пока всё идёт своим чередом. Тебе придётся поехать в Маири, в столицу Маири-касса. Если первая инициация не удалась, вторую можно провести только там.

— Это королевство, которое воюет с Лином...

— Да, но тебя не должны заподозрить. Вот только тебе придётся ехать туда одной. Мы не можем дать тебе людей Аэлин в сопровождение, это будет равносильно тому, что мы встанем на главной площади Маири и закричим в голос: она из Аэлин!

— Хорошо, — я постаралась не показать неуверенности.

И тут послышался охрипший голос:

— Ирри не поедет в Маири-касс.

ГЛАВА 27.

Тело пса подо мной напряглось, чёрные уши наострились. Он прибавил шагу, словно почуяв конец пути. Совершенно верно — но для меня это было только началом.

Воины Аэлин во главе с Варреном сопровождали меня до пограничного пункта, по совместительству места перемещения. Дорога до столицы Маири-касса далека, несколько дней даже на самых быстрых собаках, поэтому решено было воспользоваться «воротами» — внутримировым порталом. «Ворота» соединяли небольшую деревушку на юго-востоке Аэлин — и примерно такой же небольшой город, но уже в Маири-кассе. Прибыв туда, я пересяду в местный почтовый экипаж, и уже на нём доберусь до Маири.

Лина мы убедили. Не скажу, что без труда и попыток шантажа, но убедили. Мне позволили провести инициацию в Маири, под строгой клятвой вернуться как можно быстрее и вести себя тише воды ниже травы.

Я согласилась и постаралась не выдавать тоску при мысли о разлуке с Лином. Это было какое-то безумие, всё моё существо требовало, чтобы я осталась, выбросила из головы бредни о чародействе, послушно вышла бы за Лина замуж.

Держаться помогала только одна мысль: то, что сам Лин о женитьбе с того раза, как я отказалась, больше не упоминал.

И ещё я постоянно твердила себе, что эта поездка продлится лишь несколько дней, и скоро я буду дома.

Дома. Удивительно, но замок Лина действительно стал мне домом. С тех пор, как Иве Рату отослали в их дальнее поместье, почти безопасным.

Почти: я по-прежнему продолжала обедать и ужинать у Лина, к завтраку Элле не позволяла мне прикасаться, пока всё не попробует, а Хайден научил способу распознавать основные из ядов. Кроме того, у меня появилась охрана — два рослых воина с пиками, такие же, как у Лина. Эти двое таскались за мной по всему замку и городу. Только к Лину — через тайный ход — я пробиралась в одиночестве.

Но этим ходом я старалась по возможности не пользоваться.

Нам было трудно находиться в обществе друг друга. Невыплеснутое напряжение росло. В последнее время даже есть в компании Лина было затрудновато. Я ловила себя на том, что зависала, любуясь тем, как он кладёт в рот салат или отрезает мясо. Как пьёт вино и как дёргается кадык на широкой шее. Как смотрит на меня — жадно, неотрывно, словно будь на то его воля, и он прогнал бы всех, смахнул бы со стола посуду и взял бы меня прямо на белой скатерти.

Стоило нашим взглядам встретиться, как разливалось неловкое молчание. Лин переставал слушать доклады и реагировать, злился, когда приходилось уделять внимание своим же людям. В таких случаях Хайден покашливал, а то и незаметно касался меня локтем под столом, намекая, чтобы пришла в себя.

Я понимала, что это никуда не годится (уже и Варрен перестал подмигивать мне и улыбаться), но ничего не могла с собой поделать. О встречах с Лином наедине тоже не шло и речи: мы оба понимали, что добром это не кончится.

До пограничного пункта меня тоже сопровождал Варрен. Всю дорогу он старательно не глядел на меня, а перед тем, как распрощаться, отвёл в сторонку.

— Ваша милость, — сказал он хмуро, глядя в землю. — Вы знаете, что его светлость получил выгодное брачное предложение?

Мне показалось, что меня ударили в самое сердце. Стало трудно дышать, я прижала руку к груди, вцепилась пальцами, чтобы внешняя боль перебила внутреннюю.

— Речь идёт о дочери его сиятельства *аннедара* Итироса. Их земли граничат с нашими, так что в условиях возможной войны с Маири-кассом это огромное подспорье и огромная удача. Если мы объединимся, Маири-касс двадцать раз подумает, прежде чем напасть на нас в открытую. Но им нужны гарантии. Союз не только военный, но и мирный. Брак. Я настаиваю, чтобы его светлость принял предложение.

— Почему ты говоришь об этом мне? — я с трудом вытолкнула фразу из одеревеневших губ.

— Вы имеете влияние на его светлость, — Варрен снова отвернулся. — Даже слепой заметит. Уговорите его светлость согласиться.

Никогда! Ни за что!

Я подавила безмолвный крик.

А ведь Лин ни словом не обмолвился об этом. И Хайден — хотя он точно должен был знать. Хайден оберегал меня.

— Спасибо, что сказал, — вот и всё, на что меня хватило.

Варрен вдруг поймал меня за руку. Я с удивлением взглянула на него. Не отпуская, он заглянул мне в глаза.

— Оставьте его светлость сейчас, — сказал судорожным шёпотом. — Если вы боитесь... я могу скрыть вас в своём родовом замке. Он, конечно, совсем не такой роскошный, но моя сестра присмотрит, чтобы вы ни в чём не знали нехватки.

Сестра Варрена! Я вспыхнула при мысли, что это именно та женщина, с которой спал Лин. И к ней Варрен хочет меня отправить? В жизни не соглашусь!

По-прежнему сжимая мою руку чуть повыше локтя, отводя взгляд, будто стыдился собственных слов, Варрен начал говорить вдруг возбуждённо и жарко:

— Знаю, что мне не следовало бы так говорить. Вы запали мне в душу, как только я вас увидел. В жизни не встречал женщину прекраснее. Вы как светлый дух миэнали, как белоснежная лебедь.

Я оторопела, а Варрен перехватил меня другой рукой за талию, подтащил к себе и попытался поцеловать.

— Варрен! — я отвернулась, но вырваться не смогла: крупный, высокий, настоящий медведь, он с лёгкостью удерживал меня. — Отпусти!

Он не слушал меня, не обращал внимание на моё сопротивление. Меня переполнило отчаяние. Знакомая мощь побежала по жилам. Я простёрла руки перед собой, и на них заплясала золотая молния. Огромная трепещущая дуга, испускающая искры. Волоски на теле встали дыбом, наэлектризованные.

Варрен отскочил. На его лице был написан шок.

— Не смей трогать меня! — прошипела я с пугающей меня самой злостью. Это говорил ещё не до конца пережитый испуг.

Варрен упал на одно колено, упёр взгляд в землю:

— Прошу прощения, госпожа чародейка.

— Я не чародейка, — буркнула я, останавливая поток энергии. — Пока что.

Пусть инициация и не дошла до конца, какое-то влияние она оказала. Мне стало куда легче справляться со своими силами. Правда, вырывались они пока ещё абсолютно спонтанно.

Варрен промолчал.

Я посмотрела на его рыжеватую низко опущенную голову, и мне вдруг стало грустно.

— Варрен, — позвала я. — Послушай. Я люблю Лина. Я с ним не потому, что он меня заставил, и не потому, что у меня нет другого выхода. Я понимаю, что для всех вас я чужая, без клана за спиной, без денег... Я скажу Лину про эту твою... дочь аннендара. Пусть он решает сам. Но, знаешь, я всей душой надеюсь, что ему не придётся соглашаться.

Варрен выслушал мою сбивчивую речь молча. Потом поднял голову. Лицо его осветилось несмелой, немного печальной улыбкой.

— Я понял, — сказал он. — Прошу прощения, я повёл себя неправильно.

Поднялся. Осторожно протянул руку. Не понимая, что он хочет, я коснулась его лапицы — и утонула в ней, когда он перехватил мою ладонь обеими руками и бережно пожал.

— Клянусь Красным Медведем, вы можете на меня рассчитывать, ваша милость.

«Ворота» в Маири-кассе располагались в домике куда больше, чем наш, аэлинский, и заметно богаче украшенном. Я растерялась от гомона множества голосов, от совершенно чужих,

незнакомых запахов и лиц, так не похожих на привычные аэлинские. Черноволосые люди на глаза не попадались, преобладали рыжеватые и тёмно-русые. Все были одеты очень хорошо и тепло: в долгополые шубы, женщины щеголяли расшитыми золотом и серебром платьями, мужчины — обилием цепей и браслетов.

Я вспомнила слова Хайдена: «Воротами пользуются только богачи». Да уж, это было заметно.

На меня смотрели: блондинки, кажется, редкость и здесь. Хорошо, что лингвистических проблем не возникло: в Маири-кассе говорили на том же языке. Держа глаза долу, я показала местные документы (их раздобыл для меня Хайден) и вышла в открытый мир.

Маири-касс встретил меня пышным снегом. «Ворота» окружал настоящий город. Присыпанный снегом, он походил на сказочный: миленькие домики с черепичными крышами, с небольшими уютно горевшими окошками.

Крытые повозки, скорее даже миниатюрные фургончики, ждали совсем рядом, на площади, и я невольно вспомнила длинный ряд такси у наших станций метро. Если закрыть глаза на вывески на здешнем языке и нерусский говор, можно было представить, что я приехала в какой-то тематический парк, чью-то фантазию на тему позднего средневековья. Этакий яркий, запылённый снегом Диснейленд.

Поговорив со распорядителем, я заняла место в первом фургоне. Сильно пахло навозом, но я постаралась не обращать на это внимания. Привыкну. Откинувшись на жёсткое сиденье, прикрыла глаза.

Перед внутренним взором сразу встало лицо Лина. Чувственный изгиб верхней губы. Неотрывный взгляд. Ноздри, раздувающиеся, словно пытаюсь ощутить мой запах.

Поездку он разрешил, но в восторге не остался. Да я и сама уже хотела скорее вернуться домой.

Когда пройду инициацию, я вообще ни шагу из Скалистого Гнезда не сделаю. Буду следовать хвостиком за Лином. И плевать на обучение, всё равно мысли о Лине не дают сосредоточиться. Главное от инициации я получу: умение справляться со своим даром.

Я потрогала висящий на шее амулет. Если что-то пойдёт не так, вернусь домой с его помощью. Хайден сказал, вручая его мне, что ему потребовалось три года, чтобы создать его, и он очень надеется, что мне не придётся амулет использовать. Я пообещала — но с таким сокровищем на шее и впрямь почувствовала себя куда увереннее.

Потом мне вспомнился Варрен. Это всё было так неожиданно: и слова о дочери какого-то аннедара, и потом — совершенно вдруг — то странное, скомканное признание. Я не думала, что Варрен ко мне так относится. Впрочем, даже сейчас, выслушав его, я по-прежнему не думала, что он это всерьёз. По-моему, я только привлекаю его как нечто экзотическое — и одновременно явно мешаю одним лишь своим присутствием, одним лишь влиянием на Лина.

Но реакция Варрена на мою магию меня удивила и даже обнадёжила. Одно слово: «Чародейка» — и я перестала быть помехой, заняла своё место. Стала понятным и нужным элементом в схеме.

Это и впрямь обнадёживало. Со временем я обязательно докажу, что смогу... может быть, даже стать настоящей герцогиней.

Если, конечно, Лин заговорит об этом — а не женится на этой чёртовой дочери аннедара, чтобы ей ни дна ни покрывки.

Рядом со мной села крупная женщина, заняв почти всю скамью. Заговорила нервной скороговоркой. Я не сразу поняла её акцент. Наконец разобрала: мадам гневалась на очередь к «воротам», из-за которой ей не удастся попасть в Маири допоздна.

Я притворилась, что сплю. Не хотелось обращать на себя внимание или весь путь поддерживать беседу из вежливости. К тому же меня могли начать расспрашивать о моей далёкой родине, о которой я не знала почти ничего.

По легенде я приехала в Маири-касс из Ивикании, одной из северных земель. Моя внешность была подходящей для ивиканки: голубые глаза, светлые волосы. Рост, правда, подвёл. Хайден сказал, усмехаясь, что в самой Ивикании мне бы не дали больше десяти лет.

Ехали мы долго. Невзирая на ужасную тряску, я даже немного поспала. Снова видела сон о Лине, но на этот раз, слава богу, без зловещего антуража: просто спальня Лина и сам Лин, нависающий надо мной, смотрящий так, что внутри всё дрожало.

ГЛАВА 28.

Наконец копыта коней зацокали по камню: мы въехали на улицы Маири. Я приоткрыла занавеску и с любопытством впилась взглядом в город врага. Здесь было не в пример грязнее и хватало нищих, я видела, как они сидят у обочин, протягивая руки.

И тут совсем рядом раздался звонкий голос:

— Киньте монетку, ваше благородие!

Рядом с повозкой бежал оборванец. Мальчишка лет десяти-двенадцати, в лохмотьях, но весёлый: на запялённом лице сверкали белые зубы. Синие глаза напомнили мне Лина, и я мысленно обозвала себя ненормальной.

Опустила занавеску. Разочарованный, оборванец обозвал меня грязным словечком, но повозка резво катилась вдаль, и он остался далеко позади.

Мы въехали, кажется, в квартал побогаче: попрошайки исчезли, на улицах появились вальяжно прогуливающиеся люди, фонари стали встречаться чаще. Я напрягла слух, чтобы не пропустить нужное место: возница периодически объявлял названия кварталов, и мне необходимо было сойти на Аптечной улице.

Наконец я услышала то, что хотела. Дёрнула за верёвочку в центре, где-то раздался слабый звук колокольчика, и повозка замедлила ход.

Гостиницу на Аптечной улице подсказал мне Хайден. Дал и письмо для хозяйки, женщины лет сорока на вид. Та прочла и расплылась в улыбке, покивала, выделила мне комнату на втором этаже, в самом конце коридора. Сказала, что может принести ужин мне в номер, но я решила прогуляться: хотела размять ноги после долгого сиденья неподвижно, да и посмотреть окрестности.

Хайден сказал, что на этой улице останавливаются в основном те, у кого есть дела в Обществе Магов. Из-за близости самого Общества здесь очень безопасно: чародеев боятся.

Было непривычно находиться в одиночестве: в замке я оставалась одна только по ночам, всё остальное время при мне была то Элле, то Хайден, то учитель языка, то ещё кто-нибудь. А здесь, в совершенно чужом городе, чужой стране, я была совсем одна, толком не зная ни манер, ни законов. Если бы тут знали, что я из Аэлин, наверное, мне пришлось бы туго. Я старалась не снимать с головы капюшон, зато наострила уши, всюю впитывая разговоры окружающих.

Против ожиданий, Аэлин совсем не упоминали. Говорили о налогах, о жизненных неурядицах, мужчины — о деньгах и о женщинах, женщины — о детях и деньгах. Всё как обычно, в каждом из миров.

Поужинав, я снова вышла на улицу. На этот раз решила пройтись до конца района, посмотреть немного дальше.

И наткнулась на драку.

Они не кричали, молча, тихо мутузили друг друга кулаками. Трое мальчишек. Двое тех, что покрупнее, загнали мелкого третьего в угол и сосредоточенно месили. Слышались только пыхтение и оханье, когда удары попадали в особенно больные места.

Не знаю, что заставило меня вмешаться. Наверное, будь это взрослые, я бы и не подумала влезть. Но тут, вспомнив Хайдена, сформировала ледяной шар и швырнула его прямо под ноги детям.

Это вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Сам шар, сверкающий синим льдом, мощная волна холода, ледяная корка, мгновенно образовавшаяся на снежной мостовой. Один из нападавших заорал и пустился наутёк. Второй, не удержавшись, упал, и загнанный в угол мальчишка тут же накинул на него, как обезумевший крысёнок.

— А ну хватит! Прекратить драку! — закричала я, формируя ещё один ледяной шар.

Тут уже моё самообладание дало маху, и шар мгновенно вырос до метрового диаметра, пошёл трещинами, набух ещё сильнее и разорвался блестящими водяными брызгами.

— О боже, — я присела на корточки, как будто это могло спасти меня от ледяного душа.

Не спасло. Водяная взвесь осела везде: на капюшоне, на лице и руках, на одежде. Зато мелкий пацанёнок перестал бить упавшего и съёжился, закрывая руками голову.

— Всё хорошо, — устало сказала я, поднимаясь. — Не деритесь и расходитесь по домам.

Оставалось лишь надеяться, что это возымеет эффект. В любом случае, лучше поспешить обратно в гостиницу.

Но не успела я пройти и десятка метров, как меня догнал топот ног и звонкий крик:

— Госпожа чародейка! Госпожа чародейка!

Я оглянулась, уже чувствуя, что пожалею об этом. Так и есть: мелкий мальчишка бежал за мной изо всех сил. Догнал меня и остановился, задыхаясь. Мокрый, грязный, взъерошенный — он напомнил мне маленького Лина, и сердце защемило.

И тут я его узнала. Это был тот самый оборвыш-попрошайка, который бежал рядом с повозкой и обозвал меня плохим словом.

— Госпожа чародейка, возьмите меня в ученики! — выпалил он и уставился на меня в ожидании.

Синие глаза блестели отчаянной силой.

— Ты с ума сошёл? Я не беру учеников! — я опустила тот факт, что сама ещё только начала учиться.

— Возьмите, — прищурился он. — Или я расскажу кому надо, что в Маири приехала шпионка Аэлина.

Я потеряла дар речи. Как он узнал? Ведь ничто во мне не выдаёт аэлинку. Неужели угадал? Сказал наудачу?

— Ты... ты ошибаешься, — я стянула капюшон, чтобы он увидел мои светлые волосы. — Я из северного княжества Ивикания.

— Ну, может быть, вы и родились там когда-то. Да только я знаю заклинание, которое вы использовали, — с торжеством объявил мальчишка. — Только попробуйте сказать, что вы не ученица Хайдена из Амасты, и я сдам вас на ближайшем посту.

— Ты знаешь Хайдена?.. — и тут я сообразила. — Да ты же сам из Аэлина!

По его лицу прошла тень. Точно, и недоволен тем, что я поняла.

А я теперь не понимала, почему не увидела этого сразу. Ладно припорошенные пылью и уличной грязью волосы, далеко уже не чёрного цвета. Но эти синие глаза? Эта хитрая истинно аэлинская, пусть и не по-аэлински чумазная мордочка?

Я приняла решение мгновенно:

— Иди за мной и молчи. И веди себя хорошо. Если стянешь хоть горбушку хлеба, я за ухо сама отведу тебя на ближайший пост. Будешь там рассказывать и доказывать, кто из нас прав.

Он даже ничего не ответил. Шмыгнул носом, утёрся рукавом и пошёл за мной след в след.

В гостиницу я завела его, прикрывая своим телом. Мы пробрались по скрипучей лестнице на второй этаж, я открыла дверь в свою комнату, пропустила парнишку внутрь и привалилась к стене, пока он с любопытством оглядывался.

— Только не думай, что можешь меня шантажировать, — предупредила сразу же. — Ты отправишься со мной в Аэлин, вот только разберусь с делами.

— Я не поеду в Аэлин, — отказался он. — А можно вымыться?

Я не скрыла усмешку. Этот мальчик, похоже, живёт на улице, так что давно соскучился по нормальной ванне.

— Я попрошу хозяйку. Сиди здесь. Предупреждаю, что воровать у меня нечего, — я покривила душой, но кошель висел у меня на шее, так что в номере и правда нечего было взять. Ну, кроме женской одежды.

Мальчишка свысока фыркнул. Через пять минут, когда я вернулась, передав хозяйке просьбу, он сидел на подоконнике, рассматривая сверху улицу. Кажется, ничего не трогал, по крайней мере, навскидку следов грязи на вещах я не обнаружила.

— Минут через пятнадцать принесут воду, — сообщила я. — А пока расскажи о себе. Почему ты думаешь, что у тебя есть магия?

Уже спросив, запоздало испугалась, что буду делать, если он разнесёт мне полкомнаты спонтанным

выбросом. Что-что, а мне самой были такие моменты слишком знакомы.

Но мальчик выставил руку и зажёл над ней аккуратный огненный шарик. Я почувствовала манящее дыхание стихии и еле удержалась от того, чтобы подпитать огонёк. Жестом попросила погасить.

— Почему ты не обратился в Общество Магов? Оно же тут совсем рядом.

— У меня нет денег платить за обучение, — он дёрнул плечом.

— А стипендия?

— В жизни не буду приносить клятву Маири-кассе.

— И всё равно остаёшься здесь? — усмехнулась я. Патриотичность — это чудесно, но почему тогда этот мальчик не хочет возвращаться?

— В Аэлине на троне самозванец, — нахмурился тот.

— Да с чего ты взял? — хорошо, что лично я на все сто была уверена в том, что это ложь. Самозванец не оказался бы в нашем мире, да и трансформация в дракона явно доказывала, что Лин прямой наследник. Но мальчик говорил так уверенно, что на миг у меня ёкнуло сердце.

— Здесь все об этом знают.

— Все — это не аргумент, — нахмурилась я. — Маири-касс вообще-то точит зубы на Аэлин. Естественно, что они распространяют ложную информацию, чтобы не выглядеть в глазах народа и других стран захватчиками.

— Да? А что ты скажешь, если я сам видел, как его убили? И кровь там плескала фонтаном?

— Ты был рядом во время нападения? — едва успев сесть, от такой новости я вскочила. — Врёшь! Тебе было не больше шести-семи лет тогда.

— Мне вообще-то уже тринадцать, — это его задело. — Просто выгляжу младше. Но можешь не верить сколько угодно, я там был, и это факт.

Я замолчала, по-новому посмотрев на мальчишку. Похоже, ребёнок кого-то из приближённых, тоже благородная кровь. Или, как отец и брат Элле, воины на службе его светлости.

— Твоя семья тоже погибла тогда, да? — спросила я мягче.

Пацан ничего не ответил, только нахмурился. Это уже само по себе стало ответом.

— В любом случае, Лин — настоящий правитель, — я раскрыла сумку. — Если ты видел его тогда, пять лет назад, может быть, узнаешь.

Из сумки появился мой телефон. Хайден научил меня заряжать его, и я использовала аппарат как фотокамеру. Больше ни на что он тут не годился, естественно. Взяла с собой только для того, чтобы украдкой посмотреть на фотки Лина. У меня был целый альбом: Лин в разных позах, с разным выражением лица, Лин со мной, где-то оставался даже Лин пятилетней давности.

Включив его и выведя на экран нужную фотку (как раз ту, давнишнюю, со мной и ба), я показала её мальчику.

Тот безмолвно принял телефон — и чуть не выронил, увидев на экране людей.

— Проклятые небеса! Что это за штука?!

— Ты лучше сюда смотри, — я увеличила фотку. — Узнаёшь?

Мальчик долго всматривался в экран. Потом нехотя сказал:

— Это он. Как ты засунула портрет в эту коробочку? И кто рисовал его, он совсем как живой?

— Секрет фирмы, — я с превосходством улыбнулась. Отобрала телефон, полистала: — Вот так он выглядит сейчас.

Это была моя любимая фотография, совсем недавняя. Лин в своём чёрно-синем костюме смотрел вдаль, закат гладил его скулы, обливал золотом губы, подсвечивал глаза. Чёрные ресницы чуть опущены, на лице задумчивость. При взгляде на это фото у меня каждый раз сладко сжималось внутри. Казалось, что ещё вот-вот, и я почувствую его запах, смогу прикоснуться губами к гладкой коже, меня сожмут сильные руки.

Боже, не прошло и суток, а я уже соскучилась.

На эту фотографию мальчик смотрел ещё дольше. Потом молча вернул мне телефон. Отвернулся и нахохлился, снова глядя в окно.

Тут в дверь постучали и пришлось прерваться. Я задёрнула занавеси, приказав пацану сидеть тихо. Служанки быстро наполнили ванну и удалились.

— Ванна готова. Прости, что тут она только одна, — я вспомнила обычаи Аэлина и усмехнулась. — И прости, но я приму её первая. Боюсь, после тебя воду только выбрасывать.

После просмотра фотографий мальчик притих и без возражений согласился посидеть в ванной комнате за ширмой, пока я купаюсь.

— Так значит, у вас тут распространяют слухи, что герцог Аэлин — незаконно занявший престол самозванец, — задумчиво сказала я, залезая в горячую воду. — Очень ожидаемо и очень неприятно... Надо будет сообщить ему.

— Ты близка с ним? Ты ему служишь?

Слава богу, в кои-то веки не приняли за любовницу или невесту. Видимо, потому, что мальчик считал меня чародейкой, а им замуж выходить нельзя.

— Что-то вроде... — если он поедет со мной в Аэлин, со временем поймёт. А пока — я и сама не могла бы с уверенностью определить свой статус. — Как тебя зовут?

— Андирн.

— Отлично, Андирн. Я Ира, но если тебе удобнее, можешь называть меня Ирри.

В итоге было решено, что мальчик останется со мной и в Аэлин мы вернёмся вдвоём. Он не стал называть свою фамилию, а я не настаивала. Будем дома — разберёмся. Может быть, даже получится отыскать его родственников. Насчёт магии я решила, что покажу его Хайдену, может, возьмёт его в ученики.

Андирн был довольно неразговорчив и о себе не рассказывал. Зато жадно расспрашивал о том, что сейчас происходит в Аэлин, какие ходят разговоры, какие планы у Аэлина противостоять вторжению Маири-касса, если оно случится.

Методом шантажа и пыток (обрезания волос и грязных ногтей) удалось выяснить, что скитается Андирн вот уже пару лет. Но в Маири появился не так давно, раньше жил где-то в глуши. Я то и дело ловила себя на мысли, что вспоминаю Лина: он был таким же диковатым волчонком, злым, подозрительным, только ещё и раненым. И ещё Лин постоянно пялился на меня.

Андирн не пялился. Он при разговоре вообще отводил глаза в сторону: то ли стеснялся, то ли не привык ещё — а я с трудом подавляла желание погладить его по стриженной макушке.

ГЛАВА 29.

На третий день совместного житъя настало назначенное мне время инициации. Велев Андирну не высовывать из гостиницы носа (он, к слову, постоянно нарушал это обещание, поэтому я брала его уже скорее для проформы), я отправилась в расположенное неподалёку Общество Магов.

Общество занимало целый дворец — колоссальную постройку с пузатыми башнями и входом, куда мог бы свободно войти отряд в двадцать бравых гвардейцев, выстроившись в линию.

Когда я подошла, высокие, в несколько метров, створки были раскрыты, и я мельком заметила их толщину: не меньше двадцати сантиметров дерева.

Внутреннее убранство напомнило мне наши церкви. Обилие покрытого лаком дерева, тянущиеся высь конструкции, солнечный свет, проходящий через мозаичные витражи и лежащийся на пол причудливым узором цветковых пятен. Торжественная тишина и вышедший мне навстречу... чародей? в длинной светлой мантии.

Приветственные слова, напоминание о важности магии и самопознания, напутствие — пока чародей, приспустив веки, читал эту явно заученную наизусть речь, я изучала его лицо. Обычное гладко выбритое мужское лицо, возраст не определить, то ли двадцать, то ли сорок. Слегка приторный тон меня сразу настроил против него, но я постаралась этого не показать.

Наконец меня отвели в Зал Просветления и оставили в одиночестве.

Я знала от Хайдена, что здание Общества Магов тоже построено на месте силы. Причём здешний источник, по словам Хайдена, был куда мощнее, чем наш, аэлинский — но ощущалось это куда хуже, чем в Пещере Жажды. То ли виной был раскинувшийся вокруг шумный многолюдный город, то ли само здание мешало почувствовать. Только сейчас, в этом зале, я смогла уловить отголоски силы.

Поначалу всё шло хорошо. Я потеряла счёт времени, растворяясь в потоке. Летела вместе с облаками над столицей, проливалась дождём, горела огнём в городских каминах, становилась горной породой и мелким песком.

А потом что-то случилось.

Энергия переполнила меня, я почувствовала неизмеримый восторг, захотела объять всю землю, всех людей, потому что все они были прекрасны. Распростёрла руки, пропуская через себя мощь источника, одаряя мир благодатью, делясь восторгом и счастьем. Я хотела, чтобы люди Маирикасса поняли, что Аэлин прекрасна. Что на неё нельзя нападать. Что нет ничего лучше мира во всём мире, любви и всепрощения.

Я изливалась энергией, черпая из бесконечного источника — и вдруг меня грубо от этого источника отключили.

Пришла в себя я уже лёжа на жёсткой скамье в незнакомой мне комнате. Сзади, из высокого продолговатого окна, лился тусклый свет — ещё не сумерки, значит, прошло не так много времени. Слава богу, а то Андирн там сидит без еды и питья. Если, конечно, не сбежал ещё.

— Она очнулась, — сказал чужой гортанный голос.

— Как вы себя чувствуете, моя леди? — и второй — мягкий и обволакивающий.

Я обернулась и увидела на пороге, у раскрытых дверей, двоих. Один был в мантии — но совсем другой, нежели встречавший меня чародей — в роскошной, атласной, отороченной мехом. На груди сверкала тяжёлая золотая цепь. Второй был одет куда проще, по-мужски, в подобранные ниже колен штаны, блузу и жилет. Он почти не смотрел на меня. Зато первый, в мантии, буравил пристальным взглядом.

— Откуда вы, моя леди? — спросил он мягко. — Вы ведь не здешняя, я не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — я спустила ноги со скамьи. — Я из Ивикании. Что случилось?

— Боюсь, у вас был выплеск силы, — участливо сообщил чародей.

Я поморщилась: ну вот опять. Надеюсь, я не учинила локальный армагеддец.

— Сегодня по всему городу супруги будут любить друг друга с двойным усердием, — чародей усмехнулся, и его спутник угодливо захихикал. — Давно не встречал настолько сильную магию сердца.

Сердце? Пятая стихия... управление людскими эмоциями. Что ж, по крайней мере, я, кажется, ничего не разрушила и никого не свела с ума. Так, а как же инициация? Я ведь прошла её на этот раз?

Я озвучила вопрос, и, похоже, насмешила своей тревогой этого роскошного мужчину. Он поспешил заверить, что стихия приняла меня.

— Именно поэтому произошёл выплеск, — пояснил он. — Просто обычно всё проходит намного тише. Моя леди, позвольте представиться. Меня зовут Румен из Накастла, он же Белый Чародей Маири, аннедарИсмийский.

Он явно ожидал от меня какой-то реакции, но я не знала, как надо реагировать. На всякий случай притворилась, что впечатлена. Кажется, не совсем угадала, потому что нахмурился и добавил:

— Я главный придворный маг его величества Доминта Второго, милостью небес короля Маири-касса.

По спине пролился холодный пот. Придворный маг короля. Единственная ошибка, и я окажусь в темнице. А может, они уже меня рассекретили? Что стоило расслабить ворот платья и увидеть амулет Хайдена? Раз заклинание Хайдена узнал Андирн, кто знает, что может выдать меня этому магу.

— И я прошу вас отправиться со мной. Я хочу кое-кому вас представить, моя леди.

Никуда я с тобой не пойду!

Похоже, мои чувства отразились на лице, так как в следующий миг чародей безапелляционно продолжил:

— Мне не отказывают. Надеюсь, вы это понимаете. Поднимайтесь, вы идёте со мной.

Я почти ощутила на руках грубое прикосновение верёвки. Что они хотят от меня? Мысли панически метались, в подмышках стало мокро от ужаса.

— Я в чём-то провинилась? — прошептала я, опуская глаза. — Простите, я не хотела...

Так держать, Ирри. Строй из себя наивную провинциалку. Чем глупее выглядишь, тем меньше подозрений.

— Нет-нет, что вы, — его голос снова смягчился. — Просто не в моих привычках упускать столь прекрасную жемчужину. Я слышал, вы приехали сюда, чтобы пройти инициацию. Следовательно, вы пока ещё никому не служите?

Я кивнула, не понимая, к чему он клонит. Голос чародея стал ещё мягче и довольнее:

— У меня есть великолепное предложение для вас, но об этом поговорим во дворце.

Похоже, про Аэлин он не подозревает. Но и сбежать не даст, вон как следит цепким взглядом. Да и вообще побег — признание в том, что руки нечисты.

— Я поняла вас, — голосом примерной девочки ответила я и поднялась. — Но позвольте спросить — я смогу вернуться к себе сегодня вечером? Дело в том, что я не предупредила хозяйку о долгом отсутствии...

— Вы беспокоитесь о своих вещах? Я пошлю людей, их заберут.

Меня снова бросило в холодный пот. Если его люди увидят отмытого Андирна, это конец. На нём чуть ли не большими буквами написано, что он аэлинец.

— Нет-нет, мой слуга присмотрит за ними. Могу ли я написать записку для хозяйки гостиницы?

На это он согласился. Под присмотром я быстро накарябала текст: «Уважаемая Ари, я получила приглашение в королевский дворец от его сиятельства придворного мага. Прошу вас пригласить за слугой, которого я наняла позавчера. Всё оплачу, когда вернусь». Поставила печатьку, вручила записку чародею и чуть не вспыхнула, когда он бесцеремонно развернул и прочитал её. Потом поднял на меня взгляд, невозмутимо улыбнулся:

— Мои люди передадут её, — и вручил спутнику. — *Эйдар*, займитесь.

Я мысленно перебрала местные титулы. Мой Лин сайдар, герцог. Чародей назвался аннедаром, значит, по-нашему это что-то вроде маркиза. А этот — эйдар, граф. Ниже всех троих по титулу.

Иметь графа на побегушках — неплохо. Надеюсь, Андирн не попадётся им на глаза... и, надеюсь, Ари не удивится, что у меня вдруг появился слуга. В любом случае, это был единственный способ дать Андирну знать, что у меня проблемы и куда я вообще подевалась.

Мы вместе вышли во двор. Тот же чародей, что встретил меня, вышел нас проводить. С Руменом из Накастла он держался сугубо подобострастно, смотрел в землю и говорил шёпотом. Мне стало неприятно, со мной-то он вёл себя совсем по-другому.

Во дворе ожидала изящная карета, запряжённая четвёркой. Слуга ринулся навстречу, собираясь помочь мне сесть, но чародей шикнул на него, назвал болваном и подал мне руку сам.

И прикосновение, и взгляд меня насторожили. Он смотрел так, как будто видел нечто чудесное, с искренним восторгом и желанием это чудесное заполучить. Всё бы ничего, но я ощущала себя предметом, а не человеком. Мои собственные желания в расчёт явно не брались.

Внутри карета была обита агрессивного оттенка красной кожей, буквально кричавшей о богатстве. Чародей устроился рядом со мной и светски спросил:

— Как вам Маири, моя леди? Вы уже видели дворец? Если нет, вы поразитесь. Бьюсь об заклад, в Ивикании нет таких зодчих, как наши.

Как и что там в Ивикании, я не имела ни малейшего понятия, но ясно было, что он хочет услышать. Я принялась восторженно хвалить город. Мы ехали по самому центру, так что это не составило мне труда: дома здесь были и впрямь большие, красивые, с лепниной и балкончиками.

Гораздо труднее было не морщиться от отвращения, когда чародей поглаживал мою руку. В конце концов пришлось с тысячью извинений, сославшись на то, что в Ивикании такое не принято, отобрать её и спрятать в складках платья.

Дворец тоже оказался выше всяких похвал — ослепительно белый, сверкающий в лучах солнца, со множеством окон, с башенками, флюгерами и статуями. Было видно, что в Маири не боятся нападения врагов. Если в Аэлин на каждом шагу встречались заставы, и всё, даже деревенские дома, было построено так, чтобы при необходимости отражать атаки — то тут даже ров был превращён в прогулочный канал: виднелись украшенные расписными занавесями лодки с роскошно одетыми людьми.

Мы проехали по опущенному, стоявшему горбом мосту. АннедарИсмийский, он же Белый Чародей Маири, он же Румен из Накастла, наполовину прикрывая глаза, как будто от излишнего блеска, мягким голосом рассказывал, сколько денег ушло на возведение дворца. Я слушала вполуха: меня больше беспокоило, чего от меня хотят и когда удастся сбежать.

Карета остановилась у парадного входа. Румен выпорхнул со своей стороны, обошёл карету и подал мне руку. Слуга, открывший дверь, хоть и подошёл раньше, видимо, помня, как был обруган, не осмелился это сделать.

Не отпуская моей кисти, Румен повёл меня ко входу. Двери открылись нам навстречу. Я удивилась, но вход охраняли не воины — а воительницы. Мощные, рослые, с суровыми лицами валькирий, они держали руки на рукоятках мечей.

— Хороши, не правда ли? — улыбнулся чародей, любуясь девушками. — Посмотрите, какая стать, какой разворот плечей, какая грудь! Они из Амфании. Служат его величеству с прошлого года.

Я притворилась, что улыбаюсь. Он говорил о них, как о лошадях из личной конюшни. Надеюсь, девушки не понимают здешнего языка, иначе как же им должно быть неприятно.

Но взгляд одной из них, как бы невзначай скользнувший по лицу мага, сказал мне, что всё они понимают.

Румен вёл меня дальше, и я всё сильнее терялась в догадках. Пару раз попыталась узнать, чем я заслужила такую честь, но чародей уходил от ответа и я перестала спрашивать.

Мы поднялись на третий этаж и шли довольно долго по анфиладе комнат. Наконец Румен толкнул одну из створок и обронил мужчине, сидящему в глубине комнаты за высоким дубовым столом:

— К его величеству. Доложи.

ГЛАВА 30.

Моё напряжение усилилось. Господи, зачем он притащил меня сюда? Я постаралась незаметно вытереть о ткань платья вспотевшие ладони. Но больше тревожиться времени мне не дали, красные лакированные створки распахнулись, и мы прошли в приёмную короля.

Мне показалось, я попала в кабинет Людовика Четырнадцатого. Приглушённые тона, красно-коричневые шторы, огромное окно в пол. Стол с бумагами и письменными принадлежностями, огромные шкафы с книгами. Но сам король обнаружился не за столом — а в стороне, в кресле у камина, греющим толстые, унизанные кольцами пальцы. Это был грузный мужчина куда старше, чем я ожидала — лет пятидесяти на вид. Тёмно-рыжие волосы спадали на плечи завитыми локонами.

У ног его величества сидела молоденькая... я озадачилась с определением — фрейлина? служанка? — очень богато одетая, вернее, раздетая девушка. Она массировала босую ногу короля, которая упиралась ей прямо в выставленные напоказ яблочки груди.

Увидев нас, она не ахнула и ни на миг не прервала действий, только пустила долгий чувственный взгляд в сторону чародея. Меня одарила коротким презрительным, уловившим, как игла.

— Что случилось опять? — заворчал король. — Исса, можешь идти.

Девушка безмолвно надела на босую ногу его величества шёлковый носок, подвязала лентами. Осторожно всунула в башмак с золотой пряжкой и золотым же каблучком. Встала, подняла скамеечку и, как призрак, удалилась.

— Что за куколку ты привёл? — его величество одарил меня масляным взглядом. — Неужели новый подарок?

— О да, мой сир, — чародей поклонился. — Подарок, и куда более полезный, чем можно судить по внешности. Девушка чародейка, и дар у неё преотличнейший. Сильнейшая стихия сердца. С её помощью мы довершим то тонкое дельце.

— Чародейка? — король поскучнел. Впрочем, тут же оживился: — То дельце? Ты про Аэлин?

Сердце пропустило удар. Они не подозревают меня, да. Но хотят использовать против герцогства Лина. Я сжала зубы и опустила глаза, чтобы не выдать истинных чувств. Не забудь, ты не имеешь отношения к Аэлин, Ира. Ты и названия такого не слышала.

Но ненависть и злость трясли меня, заставляли до боли сжимать пальцы.

— Про это, да. Девушка сегодня во время инициации накрыла любовным дурманом весь город. Возможно, до вас докатились отголоски. Хотя вряд ли, ведь я сам ставил защиту. Как бы то ни было, я был совсем рядом с ней и с трудом смог противостоять. Если она научится как следует управлять своим даром, совет вельмож будет у вас в кармане. Не говоря уже о воодушевлении армии, любви народа... хотя всё это и так у вас в избытке.

Даже мне было ясно, что последняя фраза — грубая лесть. Но король, как довольный толстый кот, радостно заулыбался:

— Да-да-да, народ любит меня. Ты тоже, малышка? Пойдёшь на службу к старику-королю Доминту?

Содрогаясь от брезгливости, я сказала то, что он, несомненно, ожидал:

— Вы в самом расцвете сил, ваше величество.

Он довольно крякнул:

— Хороша, лисица! Смотри-ка, знает, как понравиться! Что ж, отлично. Я верю глазу Румена. Если он говорит, что твой дар настолько велик, значит, так оно и есть. Слушайся его во всём. Если хорошо покажешь себя, будешь вознаграждена.

— Благодарю вас, ваше величество, — я смотрела в пол.

На самом деле у меня поджилки дрожали от страха. Мокрые ладони комкали ткань платья, но и король, и чародей, кажется, принимали это за обычное волнение при виде высочайших особ. А я с содроганием думала о том, что случится, если Румену вздумается проверить мою легенду.

Успокаивала лишь мысль о том, что Хайден предусмотрел всё и даже связался с чародейкой из Ивикании. У него оказались связи и там. Так что бумаги были у меня самые настоящие, и дама, указанная в них как мой учитель, согласилась отвечать всем любопытствующим, что подобрала

меня на улице и родственников у меня нет.

Но когда мы подготавливали эту легенду, мы не рассчитывали, что её будет проверять король Маири-касса.

— Насчёт Аэлин, армия готова выступить в любой момент, — говорил в это время чародей. — Нам нужен лишь предлог для совета вельмож. Пока наша маленькая чародеечка не войдёт в полную силу, разумеется.

— Выдадим замуж ту девчонку. Как её — Иннели?

— Сестру герцога Аэлин? Разве она не...

Король приложил ко рту похожий на сосиску палец. Состроил недовольную гримасу. Чародей замолчал — но мне хватило.

Неужели сестра Лина жива? Я прокрутила в памяти рассказ Лина о нападении. Нет, он говорил, что убили всех, сначала сестру, а потом отца с матерью. Или... могло ли случиться так, что его сестру только оглушили или ранили, а потом увезли с собой?

Если это правда, то как же он обрадуется! Вот только, похоже, она в руках короля. Интересно, где её держат?

— Вы в курсе о ситуации с провинцией Аэлин? — по-светски обратился ко мне чародей.

Я покачала головой. До нашей Ивикании все новости доходят с опозданием. Интересно было узнать, какие сказки рассказывают здесь, как пытаются оправдать возможный захват.

— Эта часть королевства, ранее принадлежавшая герцогу Аэлин. К сожалению, несколько лет назад герцог с семьёй трагически погиб. Спаслась только его дочь, она находится под нашей защитой. Его величество планировал выдать осиротевшую бедняжку за эйдараСиморна, как только она достигнет подходящего возраста. Но дело в том, что пару лет назад объявился самозванец, принявший имя погибшего сына герцога, и обманом ухитрился заполучить трон. Необходимо вырвать герцогство из его рук и вернуть сироте.

Я послушно кивала.

Видимо, в этом был их план с самого начала. Убить всех, кроме сестры Лина, обставить это спасением, выдать замуж за своего ставленника — и Аэлин действительно станет частью королевства, не на словах чародея, как сейчас, а на деле.

Но существование Лина путает им все карты. Совет вельмож не допустит незаконного присоединения. И вот зачем им я — чтобы внушить совету вельмож нужные эмоции. Видимо, пока что королю не удаётся убедить всех, кто-то ещё держит сторону Лина, кто-то слишком сильно опасается за свои собственные земли: поможешь королю присвоить чужое герцогство, не факт, что следом не отберут и твоё личное.

Что ж, по-моему, я услышала достаточно. Надо во что бы то ни стало возвращаться в Аэлин — как можно быстрее. Влиять на совет я не собираюсь.

И тут в дверь кабинета постучали. Раздался голос секретаря:

— Ваше величество, ваше сиятельство. ЭйдарЭронский. Просит разрешения сделать срочный доклад.

Король с чародеем переглянулись, второй пожал плечами. Сам пошёл к двери и отворил её. В кабинет вбежал тот самый мужчина, которого я видела с чародеем в Обществе Магов. Красный и запыхавшийся, он упал на одно колено и задыхающимся голосом произнёс:

— Ваше величество! Мы схватили герцога Аэлина!

Король с неясным восклицанием подался вперёд. У меня потемнело перед глазами. Ноги стали ватными, я пошатнулась, удерживаясь лишь огромным усилием воли. Что? Лина? Нет!

Слава богу, моя слабость осталась незамеченной. И чародей, и король смотрели только на эйдараЭронского, который, захлёбываясь словами, возбуждённо рассказывал:

— Мои люди взяли его в той гостинице, куда его сиятельство послали относить записку. Увидев их, он попытался бежать, так что они схватили его, а потом узнали в нём герцога.

Не может этого быть. Лин там, дома, в Скалистом Гнезде. Может, они поймали Андирна?

— Где же он? Позвольте, ваше величество, — удостоившись благосклонного кивка короля, чародей размашистым шагом направился прочь из кабинета.

Я поспешила за ним, молясь про себя, чтобы меня не остановили. К счастью, меня замечали не больше, чем предмет мебели.

— Он там, внизу, ваше сиятельство, — Эронский угодливо показал путь. — В пыточной, ожидает допроса.

Боже, пытки?! Они сошли с ума. Я почувствовала, как изнутри меня распирают ужас и готовая вырваться магия. Всеми силами попыталась усмирить её.

Не время. Надо убедиться, что это и правда Лин.

Даже удачно, что я сейчас здесь. Только я могу ему помочь.

Путь вниз показался мне длиннее часа. Сердце билось в груди, как запертая в клетке птица. Я пыталась запомнить дорогу, но мысли путались, скакали в голове, не давая сосредоточиться.

Я молилась, чтобы это был не Лин. Кто угодно, бедный случайно попавший под руку аэлинец, просто черноволосый мужчина — лишь бы не Лин.

Но когда толстенная железная дверь отворилась, и мы зашли в тускло освещённую, пахнущую железом и кровью комнатушку, сердце у меня оборвалось.

На табурете, связанный, с руками за спиной, неловко наклонившись вперёд, сидел Лин. Мне стало нехорошо — а он увидел за плечом чародея меня, и синие глаза расширились. В них мелькнуло непонимание, а потом — словно потухло что-то внутри, они стали тёмными, непроницаемыми и закрытыми.

Боже, он думает, я его предала. Его взяли в гостинице, где я поселилась... неужели он приехал, чтобы увидеться со мной? А вместо меня его нашли там люди короля. И теперь здесь, в замковых подземельях, я — рядом с Руменом, главным чародеем короля, как его верная ученица. Сложно понять всё правильно.

Я впилась ногтями в ладони, чтобы не броситься вперёд, не закричать, что он ошибается. Молча смотрела на Лина, хотела поймать его взгляд, чтобы хотя бы покачать головой, чтобы хоть жестом передать, что я по-прежнему на его стороне. Напрасно: он уткнулся взглядом в пол и молчал.

Румен задавал вопросы, которые Лин пропускал мимо ушей. Только когда его называли самозванцем, Лин поднял лицо и посмотрел на чародея тяжёлым взглядом. Настала очередь Румена замолчать, недовольно кривя губы.

— Я знаю, что заставит его разговариваться, — наконец сказал чародей. — Эйдар, принесите-ка ту вещь из моего кабинета. В ларце на столике.

Десять-пятнадцать минут мы провели в тягостном молчании. Лин смотрел в пол, а я терялась в догадках, о какой это вещи идёт речь. Почему-то мне казалось, Лин не обрадуется, увидев её.

Скрежетнула, отворяясь дверь. Вернулся Эронский. Прошёл прямо к Румену и вручил ему небольшой, где-то двадцать на сорок сантиметров, светло-коричневый ларец.

Чародей поставил его на стол и поднял крышку. Бросил на Лина испытующий взгляд — и достал из ларца пистолет.

Я расширила глаза, невольно подалась вперёд. Откуда он у Румена? Неужели и он побывал в моём мире? Не может быть!

— Знакома ли тебе эта игрушка? — спросил тот у Лина. — Вижу, что да.

Лин смотрел на пистолет и на чародея немигающим взглядом. Он пытался сохранять невозмутимость, но я хорошо знала выражения его лица и увидела, как в нём словно что-то оборвалось. Он наконец разомкнул губы:

— Вот оно что... значит, Рата и впрямь работал на вас.

Рата! Фамилия заставила меня вздрогнуть. При чём здесь он?

Лин продолжал:

— Так я и думал. Ему было очень просто приказать вывезти всё оружие и передать вам, не так ли? А узнали вы об этом оружии от него? Или от... своей шпионки? — он выплюнул последнее слово. На

меня не смотрел, но было ясно, что говорит обо мне.

Я опустила глаза. Держись, Ира. Нельзя начать оправдываться. Всё объяснишь потом.

Лином управляют сейчас гнев и отчаяние. Если бы он хоть немного подумал, понял бы сразу, что я не могла быть шпионкой — только не девушка из другого мира, не разбирающаяся толком в реалиях этого. Эмоции плохой советчик для рациональных суждений.

Но что же это получается? Рата предал Лина? Передал королю Маири-касса оружие, которое Лин с таким трудом достал. Которое должно было послужить главным козырем в борьбе против короля. Теперь у Аэлина нет ничего, а у Маири-касса, если они выяснят, как пользоваться огнестрельным оружием... это конец.

— Что это и откуда ты взял это? — спросил Румен. — Я не чувствую в ней магии, что это за хитрое изобретение?

Лин молчал, будто недавней речью исчерпал все слова. Румен начал злиться — так сильно, что я это даже почувствовала.

— Моя леди, — обернулся он вдруг ко мне, словно только что вспомнил о моём присутствии. — Какая удача, что вы здесь. Покажите-ка его светлости немного вашего дара.

— Не понимаю, — прошептала я враз пересохшими губами.

— Заставьте его ощутить немного обречённости. Или нет, много обречённости. Страх, ужас, безысходность — на ваше усмотрение. Это научит его вести себя.

Я облизнула губы, перевела взгляд на Лина. Он по-прежнему сидел как каменный, и бровью не повёл. Наслать на него страх и ужас?.. Я не смогу.

Я всё же попыталась — вызвала из глубины души свой собственный страх и отчаяние, коснулась Лина. Самым краешком... а потом это трансформировалось в страх за него самого, желание защитить, жаркую любовь. Совершенно помимо моей воли. Я не могла сделать ему больно.

Но почему-то Лин вскинул голову, как ужаленный, и взглянул на меня с ненавистью. Сжал челюсти.

Чародей озадаченно хмыкнул.

— Странно, — сказал он, потирая подбородок. — Я не почувствовал ничего такого. Давай-ка ещё раз. Странно, что у тебя не получается, с твоим даром это должно быть довольно просто.

Какая же он отвратительная тварь. Ненависть вскипела во мне, руки задрожали. Я снова впилась ногтями в кожу.

А что если я сейчас нашла страх и ужас не на Лина, а на Румена?

Нет, это плохая идея. Он явно защищён, раз не боится предлагать мне воздействовать на Лина здесь. Да и эйдарЭронский тяжело дышит мне в затылок, а у двери камеры снаружи стоит охрана. Может, я и справлюсь с ними всеми, ведь Румен сказал, у меня сильный дар. Но даже так — я не смогу выбраться из дворца и вытащить Лина.

Мне нужен план. Нужно время.

Я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться. Господи, Лин, прости меня, пожалуйста. Это всё для того, чтобы освободить тебя.

Ненависть, кристально чистая ненависть, которую я испытывала по отношению к чародею, собиравшемуся пытать Лина, по отношению к королю, возжелавшему отобрать его герцогство, убившему его родителей. Желание, чтобы они мучились в аду, чтобы им сторицей вернулось всё зло, что они причинили. Жуткий неизбывный ужас, в котором я бы с удовольствием их утопила.

Всё это я, превозмогая боль, выворачивая наизнанку собственную душу, обрушила на Лина.

На миг у меня зашумело в ушах, перед глазами потемнело. Слезы текли по щекам, как будто мне самой достался кусочек первобытной темноты.

— Потрясающе, — дрожащим голосом прокомментировал Румен.

Лин обмяк в верёвках, черноволосая голова безвольно опустилась на грудь. Я сделала шаг к нему, наткнулась на чародея и остановилась. Но взгляд отвести не могла. Лин... он жив? Он ведь жив? Господи, что я натворила...

Сзади глухо застонали. Я обернулась и сквозь пелену слёз обнаружила на полу эйдараЭронского.

— Встаньте, эйдар. Вы не свинья, чтобы выискивать на полу каштаны, — чародей не упустил момента посмеяться над подчинённым.

— Я... ох... что это было? — Эронский сел и помотал головой.

— Это был наш новый козырь, — Румен по-хозяйски положил руку мне на плечи и притянул к себе.
— Великолепный дар магии сердца. Что ж... ого!

Он смотрел в сторону Лина. Я посмотрела туда же и вздрогнула: Лин приподнял голову и прожигал нас взглядом.

— А ты крепкий малый, — свысока заметил Румен. — Но тебе это не поможет. Эйдар, отведите его в темницу. А я пойду к его величеству. Армии пора выступать.

Не обращая внимания на моё сопротивление, он вывел меня из допросной. Я до последнего смотрела на Лина, пыталась взглядом передать мою любовь и отчаяние, но напрасно. Сквозь глухую стену ненависти, которой он от меня отгородился, не проникало ничто.

ГЛАВА 31.

Мне удалось выбраться из дворца лишь на следующее утро. И то только для того, чтобы захватить мои вещи и переселиться с ними во дворец. Пришлось солгать, что опасаюсь за ценные и хрупкие камни и ингредиенты, которые должна упаковать самолично. Но чародей, словно опасаясь побега, приставил ко мне целый охранный отряд во главе с молчаливым воином средних лет.

Слава богу, в мою комнату они не стали подниматься. Я закрыла дверь изнутри, привалилась к ней и дрожащим голосом позвала:

— Андирн?..

В течение минуты я сосредоточенно молилась о том, чтобы он был здесь. Иначе все мои планы — ну хорошо, добрая их половина — пойдут насмарку. И уже почти отчаялась, когда из-за занавесей выглянула коротко стриженная голова.

— Слава богу! — я кинулась к мальчику, крепко обняла, не обращая внимания на возмущённое: «Не трожь!». — Андирн, слушай меня внимательно.

В синих глазах появился вопрос.

— Не спрашивай, откуда я это знаю, слишком долго объяснять. Просто поверь. Граница с Аэлином закрыта, я не могу отправить тебя через «ворота». Зато есть другой способ, и я им воспользуюсь. Когда окажешься в замке, найди Хайдена и сообщи ему следующее: армия короля выступила в поход. Лин попал в руки короля, но я попробую освободить его. Ты запомнил?

— Ты это серьёзно? — после паузы спросил Андирн. — Запомнил, но... Так значит, это правда был он? Приходил сюда, в эту гостиницу?

— Ты видел Лина? Да, его схватили здесь. Всё из-за меня, — я принялась собирать вещи. — Я думала предупредить тебя, а вышло так, что навела врагов на Лина. Теперь он думает, я предала его.

Надо торопиться. Я всё просчитала, но нужно вести себя очень осторожно. Малейшая ошибка, и я не только не спасу Лина, но и себя раскрою.

Доски пола в коридоре зашуршали под чьими-то тяжёлыми шагами. В мою дверь несколько раз постучали. Мы с Андирном замерли, как мыши под метлой.

— Ваша милость, поторопитесь. Нельзя заставлять его сиятельство ждать, — густой голос моего сопровождающего помог мне прийти в себя.

— Да-да, сейчас! Не мешайте! — я направила на дверь поток желания оказаться как можно дальше.

В коридоре послышался удаляющийся топот. Я не скрыла усмешку. Спасибо тебе, Румен из Накастла. Благодаря твоей науке я поняла, как управлять своими силами.

— Андирн, теперь быстро. Готов?

Мальчик соскочил и вытянулся передо мной. Ещё ребёнок, он тем не менее был почти с меня ростом. Надеюсь, я ещё увижу, как он перерастёт меня. Надеюсь, все мы останемся живы.

— Что ты собираешься делать? — спросил Андирн, любопытно сверкая глазами.

— Сейчас увидишь.

Я сорвала с шеи амулет. Слово-активация, взмах — и в облачных клубах мерцающим зевом встал портал. Карманные «ворота» на одного — изобретение Хайдена, которое он наконец-то довёл до ума.

— Иди! — я толкнула Андирна в портал.

С трудом подавила желание перекрестить его на дорогу. «Ворота» сомкнулись, и я поспешно впитала остаточные следы. Как могла, замаскировала, покидала вещи в рюкзак и спустилась вниз.

На пути обратно во дворец я делала вид, что смотрю в окно кареты, а на самом деле мучительно размышляла.

На сердце было тяжело. Андирн теперь в безопасности, и в Скалистом Гнезде будут знать, что надвигается беда. Успеют подготовиться к встрече. Но смогу ли я спасти Лина? В этом у меня помощников нет.

Я шла по коридорам подземелья. На стенах коптели факелы, откуда-то раздавались странные звуки: скрип и шорох, металлические позвякивания и капанье воды. Я ступала уверенно и быстро, почти не смотря по сторонам. Обмануть стоящую у входа в подземелье охрану оказалось несложно: я всего лишь холодным тоном сообщила, что его сиятельство главный чародей послал меня вниз, допросить пленника, добавила желания верить мне и нежелания связываться — и воины склонились передо мной, опуская пики. С каждым разом становилось всё легче пользоваться этой внушающей магией, и она льнула ко мне, как кошка лънёт к хозяину.

Внизу тоже караулили, но уже спустя рукава: два воина играли в местные карты, засаленные картонки с изображениями легко одетых девиц. С ними я поступила так же, как с теми, что были наверху.

Огромная обитая железом дверь заскрипела, раскрываясь. Сердце болезненно дёрнулось, мозг подсунил картинку когда-то виденного сна. В камере, прикованный к стене за поднятые руки, в одной повязке, был Лин. Боже, эти сволочи всё же его пытали. Я чувствовала это, вместе с исходящим от Лина запахом крови и отчаяния. Голова закружилась. Я впилась ногтями в ладони, чтобы не закричать и не выпустить вдруг хлынувшую наружу волну ярости.

— Оставьте нас, — приказала холодно. — И отойдите подальше, если не хотите пострадать.

Со стороны Лина полыхнул гнев. Он узнал мой голос. Черноволосая голова приподнялась, и сквозь спутанные пряди на меня уставились полные ненависти глаза.

Охрана и не подумала возразить. Мне с поклонами поднесли круглый сигнальный камень:

— Вот амулет, госпожа чародейка. Пустите сигнал, когда закончите.

Скрежет двери, звук опускающихся запоров, лязг и грохот. И тишина — только я и прикованный к стене Лин.

Дождавшись, когда шаги удалятся, я подошла к нему, с трудом заставляя себя не торопиться. Его пылающий взгляд вынимал из меня душу. Цепи позвякивали, как будто Лин пытался вырваться.

Я закусила губу от жалости, увидев запёкшуюся кровь на его плечах. Следы от плетей. Сволочи! Румен и король, потому что приказ отдал кто-то из них. Осторожно, стараясь не задеть раны, попыталась обнять его — но Лин качнулся на цепи, уходя от прикосновения.

Тогда я встала прямо перед ним и поймала руками его лицо.

— Я пришла освободить тебя, — сказала, глядя прямо в синие глаза.

В них снова промелькнуло непонимание, потом подозрение. Не верит. Думает, явилась мучить его. Наслаждаться его отчаянием и болью.

— Подожди, не шевелись.

Ключей у меня не было, но было кое-что другое. Магия. Не та, самая послушная и ласковая магия сердца, а банальная стихия огня. Вот только было очень сложно сохранять концентрацию, расплавляя определённый участок цепи. Лин замер рядом со мной, опустив голову.

Наконец цепь, даже не окончательно расплавленная, подалась под его весом, и я моментально оказалась прижата к стене Линовым телом. Его руки, всё ещё в тяжёлых кандалах, с оборвавшимися цепями, легли на мою шею, Лин буравил меня взглядом, как будто не мог окончательно решить, поцеловать или придушить.

— Быстрее, — шепнула я одними губами.

Он отстранился, как человек, очнувшийся от наваждения. Тут уж не выдержала я — обняла его ладонями за щёки и поцеловала прямо в запёкшиеся губы. Лин ответил моментально, снова притиснул меня к стене, пальцы зарылись в мои волосы. Бешеный, неистовый поцелуй, продлившийся всего несколько секунд. Но когда мы оторвались друг от друга, оба дышали тяжело.

— У нас мало времени, — я потянула его к выходу. — Охрана может доложить, что я приходила.

— Почему ты здесь? Почему с ними? — напористо спросил Лин. — Что всё это значит?

— Они считают, что я ивиканка. Одарённая чародейка. Их чародей увидел меня в Обществе Магов. Привёл сюда, предложили мне пойти на службу королю Маири-касса, — я передёрнула плечами. — Но это всё неважно. Я не буду им служить. А ты должен бежать.

— Бесполезно. Отсюда не выбраться. Если даже и выберемся, я не смогу попасть в Аэлин, — его лицо исказилось, как от сильной боли. — Теперь они наверняка выступят всей армией. Я не успею.

— Я уже передала весть. Хайден всё знает.

Во взгляде Лина мне привиделось восхищение. Но в следующий миг он снова покачал головой:

— Даже если они знают, что мы можем противопоставить Маири-кассу сейчас, когда всё оружие вывезено из склада? Или ты знаешь, где оно хранится?

— Нет, не знаю. Но у меня есть одна мысль, и я уверена, что она сработает.

— Какая? — Лин нахмурился.

— Потом расскажу. Времени мало. Встань здесь, — я толкнула его к двери, так, чтобы открывая её, стражники не сразу его увидели. Активировала сигнальный амулет.

Лин намотал обрывки цепей на кулаки, но я помотала головой.

— Это не понадобится. Но постарайся перетерпеть... то, что тебе придётся почувствовать.

В его глазах появилось непонимание, но времени объяснять уже не было. В коридоре послышались шаги.

Я сосредоточилась.

Дверь отворилась, и я выпустила волну безумного, сбивающего с ног ужаса. Стражник пошатнулся, схватился за горло, захрипел. В воздухе разлился неприятный запах. Второй стражник, за спиной первого, закричал и пустился наутёк, падая и цепляясь за стенки.

Я очень старалась не задеть Лина, но когда обернулась, увидела, что он привалился к стене и прерывисто дышит. Рёбра его в бешеном ритме поднимались и опускались.

— Извини! Бежим, — я перехватила его за руку.

Слава богу, Лин тут же пришёл в себя. Помотал головой и помчался по коридору. Мы взобрались по лестнице, и с охраной у внешних дверей я расправилась точно так же, как с той, что внутри. Ещё немного безумного бега по коридорам, с распространяющейся вокруг аурой ужаса — чтобы никто не приближался, не смел даже попробовать нас схватить. Вылетев на внутренний балкон, тянувшийся по периметру всего этажа, Лин остановился и кинул взгляд вокруг себя.

— Схватить! — раздался крик снизу.

Я послала туда волну, но их было слишком много. Похоже, вся дворцовая охрана была поднята на ноги. И у них была защита от магии. Топот множества ног заставил меня закусить губу.

Не сговариваясь, мы с Лином помчались по лестнице вверх.

Он, хоть и был в одной повязке, вспотел от бега, ручейки пота обливали спину и грудь. Я представила, как его израненной спине должно быть сейчас больно от солёного пота, и содрогнулась. Но времени останавливаться, искать ткань и обтирать раны не было. Мы мчались, как птицы, а дворец дрожал от топота преследователей.

Нам удалось немного затеряться в анфиладе комнат, но, оказавшись в очередной, мы поняли, что очутились в ловушке. В комнате не было другого выхода, кроме того, что мы вошли, и слегка приглушённо, но уже слышались голоса преследователей. Ещё несколько минут, и они будут здесь.

Зато в этой комнате был балкон.

Я испустила торжествующий вопль. На самом деле я хотела найти выход на крышу, но балкон — тоже отличный выход.

Закрыв дверь, попыталась придвинуть к ней диван — Лин помог. Схватив за руку, я потащила его на балкон. Здесь тоже — задвинуть занавеси, закрыть створки, чтобы хоть немного выиграть время, заставить их нас искать.

— Нас всё равно найдут, — сказал Лин.

— Знаю. Надо успеть. Слушай. Ты должен стать драконом.

Лин посмотрел на меня, как на безумную. Я изо всех сил сжала его руки:

— Ты сможешь! Ты потомок Великого Прародителя, в твоих жилах течёт его кровь! Если могли твои

предки, можешь и ты!

Лин молчал, и я не могла понять, о чём он думает. Напрягла все силы, показывая ему то, что чувствую сама: жаркую веру в него, любовь, знание, что он справится. Воспоминание о том, как он ощутил в себе разум дракона.

— Ирри... — глухим голосом сказал Лин. — Я не могу. Даже если бы мог — а как же ты?

Я замотала головой:

— Со мной всё будет в порядке. У меня есть амулет Хайдена, помнишь? Я открою портал, как только ты улетишь. Поэтому обращайся быстрее, пожалуйста!

Он поверил. И я увидела, как полыхнула сильнее надежда — не просто полыхнула, а загорелась, как мощный факел, освещая его сердце, сжигая тревогу и страх. Лин кивнул. Выражение его лица изменилось: враз стало спокойнее и жёстче.

Он взглянул в небо, словно измеряя расстояние до него, глубоко вздохнул и закрыл глаза. Не отпуская его рук, я сосредоточилась, вливая энергию. Больше, ещё больше — всё, что я могла отдать, всё, чем дышала. Золотые и голубые линии вырывались из моих рук, формируя вокруг Лина огромный мощный костяк. Гигантская увенчанная рогами голова, пронзительный взгляд сапфировых глаз. Гребень высотой с трёхэтажный дом. Мощный хвост, удар которого сметёт отряд в двадцать человек. Кожистые крылья, что могут накрыть целый квартал.

Лин коротко поцеловал меня в губы, вскочил на перила и прыгнул в воздух. Вконец обессиленная, я упала на пол.

Крик потряс дворцовую площадь:

— А-аэ-эли-и-ин!

И в солнечных лучах над столицей Маири-касса взвился гигантский чёрный дракон. Он сделал круг над городом, словно насмехаясь, выпустил сокрушительный столб огня, мгновенно превративший белоснежный купол дворца в обугленную головешку. И устремился на северо-запад. В сторону Аэлина и неотвратно приближавшейся к нему армии.

Деревянные створки за моей спиной разлетелись в этот самый миг. На балкон вылетел главный маг и стражники с мечами наголо. Я даже не смогла приподняться им навстречу.

— Ах ты маленькая тварь... — прошипел Румен, меряя меня полным злобы взглядом. — Взять её!

ГЛАВА 32.

Я никогда не была в темницах — в качестве заключённой. И не думала, что когда-то побываю. Слава богу, меня не били плетью и не стали приковывать за руки к стене, как Лина, просто надели длинную цепь на лодыжку и оставили в одиночестве. Койки, как в Аэлине, тут тоже не было, зато было тонкое одеяло и пук соломы. Дрожа, я сидела на этой соломе, куталась в одеяло и думала, удалось ли Лину остановить армию.

В какой-то момент нервное перенапряжение сказалось настолько, что я начала видеть странные полубредовые сны. В них Лин в образе громадного чёрного дракона с сапфировыми глазами летел над дорогой, испуская огонь — и строй ломался, люди с криками кидались врассыпную, не слушая приказы командиров, пытаюсь уйти от возможной гибели. Хайден сосредоточенно колдовал над хрустальным камнем не меньше метра в диаметре и, повинаясь ему, где-то далеко на юго-востоке, вставали волшебные туманы и мороки. Андирн заглядывал ему под руку, блестя любопытными глазами. Элле, сидя в моей комнате, вышивала, периодически выходила на балкон и тревожно всматривалась вдаль. Аэлин в моих снах встревоженно затих, ожидая нападения.

Не знаю, сколько времени я провела в темнице, но очнулась от того, что в коридоре слышались шаги и голоса. Узнав голос Румена, я подобралась и плотнее закуталась в одеяло.

Вот и настал мой черёд. Попытки? Или он удумает что-то ещё хуже?

Дверь заскрежетала, открываясь, и Румен, как и раньше, в длиннополой роскошной мантии, брезгливо морща нос, шагнул внутрь.

Я уже знала, что они что-то сделали с моей магией: то ли стены камеры имели защиту, то ли кандалы на лодыжке были сделаны из особого материала — но между мной и миром словно проложили глухую подушку. Я почти ничего не чувствовала и не могла воззвать к магии. Но даже без неё ощущалось глухое злобное торжество, с которым смотрел на меня Румен.

— Вот оно что, — сообщил он, возвышаясь надо мной. — А я-то думал, с чего залётной ивиканской пташке помогать аэлинцу.

Он наклонился и ловко схватил меня за волосы. Потянул вверх, приближая моё лицо к своему. Я постаралась не подать виду, что мне больно.

— А ты, значит, вовсе не ивиканка, так? Пригретая Аэлином змея, да? Он специально подсунил тебя мне? С-сука! — вместе с неожиданным ругательством он тряхнул меня и отбросил назад на солому.

Я ударилась плечом о каменный пол. Села, потирая ушибленное место. На Румена старалась не смотреть: было страшно. Без магии я стала отвратительно беззащитной.

— Боги! Из-за тебя всё пошло прахом! Но не думай, что мы не остановим это твоё чудовище. Мы сожжём его магией, нашьпигуем стрелами. Разворотим пиками его брюхо, вытащим наружу вонючие кишки.

— Только попробуй подойти к нему и превратишься в горящий факел, — не выдержав, я оскалила зубы.

И получила наотмашь по лицу. Это было больно, я покатила кубарем.

— Маленькая тварь слишком много разговаривает, — свысока заявил чародей, выпрямляясь. — Так и быть, расскажу тебе, что ждёт тебя. Твой дар мне нужен, поэтому я его из тебя вытяну. Смею верить, тебе эта процедура очень понравится. А потом я отдам тебя своим воинам. Если не придумаю кое-что получше! — он обернулся к охране. — Отведите её в зал жертвоприношений.

Отошёл к стене, наблюдая, как стражники грубо поднимают меня, снимают со стены цепь и пинками гонят к выходу.

Сердце дрожало в груди, как испуганный зайчонок, а ноги подкашивались от страха. Вытянуть дар... впервые слышу о таком. Учитывая то, что Имис, целитель из Скалистого Гнезда, неодобрительно отзывался даже о запечатании — скорее всего, вытягивание куда хуже. Но как бы я ни пыталась собрать крупички магии, чтобы хоть как-то повлиять на стражу или на чародея — всё оставалось глухо.

Меня ввели в большой тускло освещённый подземный зал. В дальнем конце возвышался большой каменный стол... или нет, алтарь. Вокруг него горело множество свечей, сильно пахло воском. А ещё — древней, первобытной магией. Меня пробило даже сквозь заглушку.

— Разденьте её, — сухо приказал чародей.

Я вскрикнула от неожиданности, попыталась закрыться, но один из стражников перехватил меня за запястья, а второй встал впереди.

— Совсем, мессир? — глуповато спросил он.

— Совсем! Не задавай идиотских вопросов, — не оборачиваясь, чародей бросил в нашу сторону какую-то тряпку. — Пусть прикроется этим.

— Отпустите, — я дёрнулась в чужих руках. — Я сама.

Это мне позволили. Было унизительно переодеваться на глазах трёх мужчин, но лучше, чем если бы это делали насильно. Сняв всё, вплоть до трусиков, я надела на себя брошенное чародеем рубище. Оно пахло чужим потом... и страхом. Я содрогнулась от мысли, что случилось с тем, кто носил это прежде.

Повернулась в сторону алтаря. Видимо, предполагается, что я должна на него лечь. Переступая босыми ногами по ледяному полу, осторожно подошла. Крепления для верёвок расположены в странных местах. Как будто жертва должна лежать не крестом и даже не в позе звезды, а...

Я не успела додумать, чародей толкнул меня на холодный камень.

— На спину, — скомандовал он и, не дожидаясь моих действий, сам придавил меня к ледяной поверхности.

Многовековой холод обжёг кожу. Стиснув зубы, я закрыла глаза. Румен ходил вокруг меня, привязывая. Сначала руки — чуть раздвинув, приподнял над головой, закрепил в запястьях и локтях. Потом ноги — в позе распластанной лягушки, разведённые широко в стороны. Теперь мне стало понятно, для чего на рубище такие большие разрезы справа и слева. Я не сумела подавить брезгливость, когда пальцы чародея скользнули по внутренней стороне бедра, передёрнулась всем телом.

— Вижу, тебе уже нравится, — промурлыкал Румен.

Провёл ладонью по моему прикрытому лишь тонкой тканью рубахи животу, задержался на нижней части, начиная массировать. Я с ужасом почувствовала, что моё тело откликается. Попыталась свести ноги, но верёвки держали крепко. Господи, он же не собирается поиметь меня прямо здесь? На глазах у стражи? Или это входит в ритуал так называемого «вытягивания дара»?

Пальцы чародея тем временем скользнули ниже, к прикрытой рубищем, но из-за откровенной позы полностью доступной промежности. Нащупали клитор, нежно коснулись его, потом спустились к половым губам, провели по ним несколько раз прямо через ткань, словно проверяя, достаточно ли я увлажнена, чтобы на ткани остался тёмный след. То ли результат проверки не удовлетворил его, то ли чародею захотелось взглянуть самолично, но в следующий момент ткань поползла вверх, а я закусила губу, чтобы не издать ни звука.

Господи, пожалуйста. Пусть он уйдёт. Пусть секса не будет.

Тяжёлое дыхание Румена явно говорило о его возбуждении. Он склонился надо мной, шумно втянул ноздрями воздух:

— Как сладко пахнет женщиной. Небеса, ты даже тут светловолосая. Впервые вижу такое.

Я молчала, пытаюсь отрешиться и ничего не чувствовать. Он может получить моё тело, но не душу. Меня тут нет, есть только оболочка, которой всё равно, что с ней делают.

Но чародей отстранился и, не трудясь даже накрыть выставленное напоказ, объявил:

— Удовольствие на потом. Сначала работа. Потерпи немного, малышка, совсем скоро тебе будет очень хорошо... а потом очень плохо.

Он коротко рассмеялся и повернулся на каблуках. Удаляющиеся шаги я приветствовала всем телом. Отсрочка казни... говорят, перед смертью не надышишься, но мне казался ценным каждый миг.

Дверь за чародеем и стражей захлопнулась, и я задёргалась в путах, пытаюсь высвободиться. Тщетно, Румен привязал меня очень крепко. Похоже, это было для него привычно. Да и сам алтарь, свечи, чистый каменный пол — всё словно говорило о том, что это помещение часто используется.

Вытянуть дар... он усиливает свой дар за счёт других чародеев? Если так, неудивительно, что он околачивался в Обществе Магов. Наверное, рекрутирует там свежее мясо для пополнения своих магических сил.

Я с содроганием подумала обо всех предыдущих молоденьких чародейках — наверняка они были

почти такие же, как я, пусть не из другого мира — ничего не знающие провинциалки. Часть из них, наверное, так и не поняли, что это не просто сексуальные игры — а ритуал.

Магия по-прежнему не повиновалась мне — вероятно, потому, что кандалы с моих щиколоток так и не сняли. Ледяной камень уже почти перестал жечь спину. Кажется, моё тело сравнялось с ним по температуре. Я откинула голову и попыталась, как могла, расслабиться в верёвках.

Странно, но после того, как Румен ушёл, возбуждение не схлынуло, а наоборот, накатывало волнами, заставляя меня сжиматься от неясного желания. Всё внизу горело от прилившей крови, мне стало жарко, на коже даже выступил пот.

Неужели... воздействие самого алтаря? Может быть, Румен как раз поэтому и ушёл — чтобы довести меня до такого состояния, что я буду умолять о том, чтобы меня взяли. Боже, как унижительно...

Камень подо мной вздрогнул и затрясся, огоньки свечей затрепетали. На миг я забыла о вожделении. Что происходит? Землетрясение?

Невидимые в темноте балки потолка громко скрипели, посыпалась труха. Я съёжилась, насколько это было возможно. Господи, что если всё это рухнет и погребёт меня под собой? Что случилось там, наверху? Магия Румена? Настолько сильная?

Как я ни пыталась, уловить отголоски магии не могла. Сознание снова поплыло, перед внутренним взором встало лицо Лина. Как хочется ещё раз увидеть его перед смертью — или перед чем-то, что хуже смерти.

На какое-то время я забылась, стгорая в фантазиях, где меня брали то спереди, то сзади, ласкали много мужчин одновременно, и почему-то все они были — Лин. Я слышала тихие хриплые стоны, и, приходя в себя, понимала, что это мои собственные стоны. Возбуждение сжигало меня, безумный набат внутри всё разрастался, и прикосновение верёвки казалось изысканной лаской, грозящей довести до пика.

Зловещий скрежет открываемой двери заставил меня вздрогнуть. Я напряглась в верёвках, попыталась приподнять голову. Терзали попеременно и ужас, и надежда. Пусть даже это возвращается Румен, я уже готова была на всё, если это подарит мне облегчение. И в то же время презрение к самой себе усилилось: что же я за жалкая беспомощная дурёха, не в силах противостоять.

Я не видела, кто вошёл, на фоне дверного проёма мелькнула лишь тёмная фигура. Зато хорошо слышала шаги — медленные и неуверенные, со странным клацаньем, как будто вошедший цеплялся за пол металлическими набойками на обуви.

Я задержала дыхание. Кто там? Это ведь не Румен — но кто тогда? Кого спустили на меня в этом тёмном подzemелье — и зачем?

ГЛАВА 33.

Может, я бы сошла с ума от ужаса, но тут вошедший наконец появился в круге света — и я обомлела, узнав Лина.

Зажмурилась, потом снова открыла глаза. Этого не может быть. Это видение. Лин не может идти ко мне, покачиваясь, в одной повязке на бёдрах, весь в гари и пепле.

— Лин!.. — я дёрнулась в путах. — Почему ты вернулся!.. Уходи, пожалуйста! Скоро здесь будет Румен, и тогда...

Я не договорила. Лицо и тело Лина покрывала чешуя, а глаза горели звериным разумом. Всё напрасно, он в частичной трансформации. Вот почему слышалось клацанье: этот звук издавали мешающие идти драконьи когти.

Дракон вышел на первый план. Поэтому он и вернулся — искать свою самку. Видимо, зверь не понял, что я уже должна была быть в Аэлине. Или... почувствовал меня здесь?

Лин склонился надо мной. Он тяжело дышал, острые зубы были оскалены. Втянул воздух ноздрями, низко заурчал. Лизнул моё лицо, шею, опустил лицо ниже, будто принюхиваясь, ища чужой запах. Снова зарычал, уже грознее.

Не нравится рубаха, которую до меня носила другая женщина — а может быть, и не одна? Или же он чует Румена? Что если Лин решит, что я изменила ему? Убьёт?

На миг страх похолодил внутренности. Тут же исчез. Не знаю почему, но я была уверена, что даже не владея собой Лин не причинит мне вреда — намеренно, конечно.

— Лин... пожалуйста, уходи... обращайся снова в дракона, лети в Аэлин.

Он не слушал. Мотнул головой, как будто отгонял назойливую муху. Зацепил когтем ворот рубахи и рванул. Уткнулся лицом в обнажившийся живот. Я чувствовала движения его горячего языка во впадинке пупка — щекотно и возбуждающе.

Чёртов алтарь, чтобы он был проклят, улавливал мои ощущения и множил их в тысячу раз. Не отдавая себе отчёта, я выгнулась навстречу Лину.

Нельзя... если мы сейчас... Румен вернётся, и мы оба погибнем.

Лин провёл языком дорожку ниже. Осторожно, словно спрашивая разрешения, дотронулся самым кончиком до затвердевшего, напряжённого клитора. Я ахнула, задрожала от хлынувшей по телу волны. К языку присоединились пальцы, и ласка стала смелее. Не выдержав, я испустила долгий стон — о-о-о, как же хорошо. Дёрнулась было свести бёдра от невыносимости наслаждения, но не смогла. Зато натяжение верёвки усилило ток крови, добавляя пульсации огненного жара.

Горячее дыхание, жалящие прикосновения, собственная беспомощность сводили с ума. Я дрожала, рвалась, обезумевшим от желания голосом что-то кричала — и раз за разом достигала высшей точки блаженства. Наконец Лин поднял голову, и я распростёрлась на алтаре, тяжело дыша.

Господи... это как казнь на электрическом стуле — только в тысячу раз пронзительнее... и приятнее.

Сознание давно заволочла дымка вожделения, я тонула и плавилась в огне, и только одно имело значение: скорее познать этого мужчину, слиться с ним воедино. Все земные запреты, все разумные соображения были позабыты.

Передо мной был мой любимый, мой муж, мой владыка — и я хотела ощутить его в себе. Недвусмысленно двинула бёдрами — но он только снова склонился ко мне и стал жадно целовать в шею. Сгорая от желания, я извивалась в верёвках, прерывистым голосом умоляла его войти, а Лин всё медлил, лаская меня губами и пальцами, изучая каждый сантиметр моего тела, продлевая пытку наслаждением.

И только потом наконец, не отводя безумного тёмного взгляда от моих глаз, накрывая меня своим телом, вошёл. Я широко распахнула глаза, чувствуя, как он заполняет меня, продвигается внутри, приспособливая под себя. Лин на миг замер, словно наслаждался яростной пульсацией мышц. Потом коротко выдохнул у моего уха, заставляя тысячи мурашек помчаться по коже. Его руки двинулись вверх, нашли привязанные над головой мои, наши пальцы сплелись.

Лин двигался во мне, прерывисто, тяжело дыша. Накрыл поцелуем мои губы, запирая готовый пролиться стон. Пугающий жар растекался по телу, танцевал на груди, торчащие соски тёрлись о кожу Лина. Его движения во мне постепенно набирали амплитуду, короткие, злые, почти

болезненные поцелуи лишали разума.

Меня словно качало на волнах, с каждым разом вознося всё выше и выше. Запах Лина, родной, как никогда сильный, почти животный, мускусный, будоражил изнутри, гнал по жилам первобытный зов. Я требовала его всем своим телом, своим существом. И он, повинувшись моему зову, с рычанием вбивался в меня, остервенело кусая и зализывая кожу, ранив меня когтями. Эта лёгкая боль делала наслаждение ещё острее, ещё невыносимее.

Он не выдержал первым и с хриплым стоном излился внутри меня. Почти сразу и я судорожно забилась в хватке верёвок, не в состоянии свести ноги, а потом медленно расслабилась. Тяжёлое тело Лина накрыло меня.

Сознание возвращалось медленно, рывками. На грудь словно навалилась многотонная плита, было трудно дышать. Свечи на алтаре догорали, некоторые потухли и расплылись в лужицу воска. Камень снова стал ледяным и жёг спину. Что это лежит на мне?..

— Лин! О боже... Лин!

Я вмиг вспомнила всё, что было. Жаркие, распалённые движения, остервенелые поцелуи, толчки внутри меня, пронзительный оргазм. Ох.

Итак, мы всё же это сделали. Чёртов алтарь. Хотя нет, подозреваю, алтарь послужил только катализатором, не дал остановиться. Хотели мы друг друга и без его магии.

Как ни странно, я не жалела. Напротив, тело наполняло ощущение правильности, долгожданного покоя. Теперь будь что будет, если Хайден откажется меня учить, ничего не поделаешь. По крайней мере инициация позади, пусть я не стану чародейкой официально, сдерживать дар я научилась. А, может быть, смогу и использовать на благо Аэлина.

Но это только если мы выберемся отсюда.

— Лин! — дёргаясь в путах, я попыталась разбудить его.

Послышалось протяжное недовольное «м-м-м». Потом он привстал, опираясь на руки — я наконец смогла вздохнуть. С облегчением поймала его взгляд — это был нормальный Лин, такой же, как всегда, ни следа от разума дракона. Правда, лицо по-прежнему покрывала сажа, бровь была рассечена, и на ней уже успела образоваться кровавая корка. Я с трудом подавила желание зализать рану. Вместо этого попросила:

— Сними верёвки. Я уже рук и ног не чувствую.

Ещё немного пролежать на этой ледяной дряни — и прощайте, придатки. А мне они ещё пригодятся. Надеюсь, пригодятся. Плевать на возмущение народа, на то, что из меня герцогиня, как из ночной вазы колпак.

Вот только захочет ли сам Лин повторить своё предложение?

В ответ на мою просьбу он без слов повиновался. Я вытаращила глаза, увидев, как в одно мгновение его пальцы заострились, преображаясь в острые чёрные когти — и с лёгкостью перервали верёвки.

— Ты обуздал дракона?

Лин кивнул. Протянул руку, помогая мне встать, и поймал в объятия. Я с облегчением прикинула к нему, наслаждаясь теплом обнажённого горячего тела, тем, что Лин в моих объятиях, живой, теперь уже точно, окончательно и бесповоротно — мой.

Он тоже прижимал меня к себе сильно-сильно, так, что стало невозможно дышать и я почувствовала, как быстро бьётся сердце в его груди. Потом чуть отпустил, уткнулся носом в мою макушку. Тогда я поцеловала его прямо в ключицу. Не удержалась и лизнула выступающую косточку. Слегка солёный от высушенного пота, горячий — от пепла и сажи. Вкус моего дракона.

Лин отстранил меня и заглянул в лицо. Его взгляд потемнел. Я поймала себя на мысли, что от одного этого взгляда внутри всё снова сжимается. Ещё немного, и я буду готова сама завалить Лина на алтарь и пуститься по второму заходу. Нимфоманка, как есть нимфоманка.

Нет-нет-нет. Надо уходить отсюда. Это какое-то чудо, что Румен до сих пор не вернулся.

Я озвучила Лину это соображение, и он — так хрипло, будто связки заостенели от долгого неиспользования, ответил:

— Он мёртв.

— Как мёртв?! Кто его убил?

Лин, не отвечая, взял меня за руку и повёл к выходу. У дверей я обнаружила сброшенную по приказу Румена одежду: платье, чулки, трусики, даже обувь лежала, как я её сняла. Торопливо оделась.

Беспрепятственно, не встретив ни одного стражника, мы поднялись по лестнице. Я терялась в догадках, куда все подевались, дворец как будто опустел. А выйдя на внутреннюю галерею, замерла, глядя вверх.

Над дворцом не было крыши. Торчали обгоревшие чёрные колонны и балки, а сквозь них виднелось ослепляющее голубизной небо.

— Это всё ты?..

Лин пожал плечами. Я не увидела особого раскаяния на его лице. Впрочем, и неудивительно.

В следующую минуту Лин взял меня за плечи и развернул на сто восемьдесят градусов. Я сначала не поняла, что он хочет мне показать, потом всмотрелась — и с замиранием сердца увидела обугленный, вплавленный в стену силуэт человека.

— Их главный чародей, — пояснил Лин, но я уже и сама поняла. В очертаниях сгоревшей, обратившейся пеплом ткани угадывалась роскошная мантия.

Покойся с миром, Румен. Пусть стена будет тебе пухом.

Я невольно передёрнулась и поскорее отвела взгляд. Неужели всё закончено?

Было странно видеть труп Румена и понимать, что от драконьего огня его не защитили ни его амулеты, ни вся его хваленая, отобранная у других магия. Недооценил? Не успел? Или от огня дракона нет защиты?

Похоже, кое-кто был слишком опрометчиво настроен, кидаясь навстречу дракону.

Я потянула Лина в сторону:

— Расскажи, что произошло, пока я была внизу.

Мы зашли в первую попавшуюся комнату, Лин с восклицанием, не отпуская моей руки, ринулся вперёд. Я поняла, в чём дело, когда увидела на столе знакомый ларец — тот самый, что Эронский приносил по приказу Румена в пыточную.

С новым пониманием огляделась вокруг. Видимо, это и есть кабинет Румена. Ничего не скажешь, роскошная обстановка: зеркала, портьеры, высокие шкафы, ломящиеся от книг. Совсем не похоже на башню Хайдена, которая больше смахивала на мастерскую.

Лин раскрыл ларец и вынул пистолет. Осмотрел его, проверил магазин, с облегчением выдохнул, увидев, что он полон. Я хотела было сказать, что оружие уже вряд ли ему пригодится, раз чародей мёртв, но так Лин явно чувствовал себя спокойнее, и я промолчала. Зато обнаружила пристроенную к кабинету гардеробную и с радостью переоделась в одну из висевших там мантий. Хотела было и Лина одеть, но мантия трещала на нём в плечах, а руки торчали из рукавов. Зато штаны сели более-менее, и Лин ходил, сверкая голым торсом и наводя меня на неуместные мысли.

— Давай сядем, — я потянула его в сторону диванчика.

ГЛАВА 34.

Он кивнул и повиновался. Обнял меня, я привалилась к его голой груди и закрыла глаза.

Вокруг царила такая тишина, словно мы были только вдвоём в этом огромном опустевшем дворце. Адреналин схлынул, вместо него мной овладело странное спокойствие. Странное потому, что мы всё ещё находились на территории врага, и не совсем ясно было, что теперь — но в объятиях Лина и в поселившейся во дворце тишине мне казалось, что мы словно зависли в безвременье и небытие.

— Скажи, зачем ты приехал? — спросила я о том, что беспокоило меня с самого начала. Зачем он вообще появился в столице Маири-касса? — Увидеться со мной?

— Не только. Кое-кто из совета вельмож поддерживал Аэлин, и я хотел договориться с парой человек.

Я не успела огорчиться, как Лин добавил:

— Если бы не ты, я бы нашёл другой способ: письма, доверенные люди. Но выяснилось, что я не могу долго без тебя. Так что по большому счёту всё это был только предлог. Я хотел увидеть тебя, моё сердце.

Ладонь Лина накрыла мою. Я замерла, его слова отдавались в груди трепетом. Меня словно окутали золотистым солнечным светом, мягким, тёплым, удивительно родным.

Если я была сердцем Лина, то он был моим. Я осторожно переплела свои пальцы с его — и вдруг заметила странную татуировку на тыльной стороне его ладони. Уже хотела спросить, что за новости — как увидела то же самое на своей руке: чёрные поблескивающие узоры, словно сделанные маркером с эффектом металлик. И они были живыми, переплетались, оживали, становясь сильнее и ярче там, где наши ладони соприкасались, и светлея по мере отдаления.

— Что это такое?!

Я испугалась, а вот Лин совсем нет. Посмотрел на татуировку, пожал плечами. Крепче переплёл наши пальцы:

— Потом разберёмся.

Я некоторое время смотрела на татуировку, но она не выглядела опасной. Скорее наоборот, от неё шло тепло и необычный покой. И я тоже пожалала плечами и стала слушать рассказ Лина о том, что происходило, пока я была в подземелье.

Как оказалось, Лин и впрямь разогнал армию, не потребовалось даже много усилий. Одно только явление чудовища, считавшегося символом Аэлина, оказало на тесный воинский строй сокрушительное действие. Не слушая приказы командиров, люди бросались врассыпную. Стрелы отскакивали от бронированной шкуры, магия не наносила видимого урона, возникла паника. Возможно, огнестрельное оружие стало бы для Лина по-настоящему опасным, но в Маири-кассе не знали, как им пользоваться, так что оно лежало себе тихо-мирно где-то в кладовых.

Удостоверившись, что военная мощь Маири-касса на какое-то время полностью выведена из строя, Лин собирался вернуться в Скалистое Гнездо, но почувствовал смутную тревогу, необходимость лететь в Маири и искать меня там. Чем ближе к столице он подлетал, тем сильнее становился зов. Обезумев, Лин снёс крышу дворца, спалил пытавшегося остановить его чародея, убил дворцовую стражу, которая оказалась достаточно безумна, чтобы бросаться на дракона. Оставшиеся бежали.

Потом Лин спустился вниз, принял частично человеческий облик и пошёл меня искать. В подземелье стражи уже не было, видимо, они поднялись наверх, когда начался бой, а потом так и разбежались.

— Господи, какое счастье, что ты не пострадал, — я повернулась в его руках и обняла его. Заглянула в синие глаза: — Что же теперь будет?

— Нужно возвращаться домой. Почему ты не воспользовалась амулетом? Не успела?

— Нет, — я невольно съёжилась. — Я отдала его мальчику из Аэлина. Отправила его гонцом к Хайдуну.

— Какому мальчику? Откуда он взялся?

— Жил здесь, бродяжничал. Я случайно его нашла.

— Ладно. Выясню, что за мальчик.

Прозвучало это зловеще, и я посочувствовала Андирну. Лин уж точно докопается до того, чей он сын.

— Тогда нужно найти мой амулет, — продолжал он. — Его отобрали у меня при аресте. Ты вернёшься через портал, а я обращусь зверем и полечу.

Это уже звучало как рабочий план.

— Тогда что мы сидим? — я вскочила. — Давай обыщем для начала всё тут!

Но, увы, сколько бы мы ни искали, амулета не обнаружили. Множество артефактов, предназначения которых мы не знали и не рискнули трогать, документы, часть из которых Лин, довольно присвистнув, отложил в сторонку, какие-то курительные палочки и несколько бутылок вина — вот и всё, что стало нашей добычей.

— Спустимся в подземелье? — предложил Лин. — Обыскивали меня там.

Рука об руку мы вышли из кабинета. Вокруг по-прежнему царил тишина. В душе прорастали первые, ещё робкие ростки радости. Кажется, всё всё действительно закончено. Осталось лишь найти способ вернуться домой, пока король не собрал потрепанную армию и не попробовал отвоевать дворец.

Мы вошли в широкий, освещённый магическими факелами коридор, когда вдруг откуда-то спереди раздался мощный крик:

— За-алл! — и в нас полетели сияющие фиолетовой дымкой стрелы.

Не знаю, что случилось, наверное, сработала та самая интуиция чародеев, о которой говорил Хайден, но за миг до этого я дёрнула Лина в сторону. Магические стрелы прошли в нескольких сантиметрах от нас.

— Назад! — скомандовал Лин, отталкивая меня к дверям кабинета. Оскалился. Его лицо вытягивалось вперёд, покрывалось чешуёй.

— Выходить по одному! — кричали с того конца коридора. — Одна попытка использовать магию — и мы стреляем! Именем короля!

Из-за плеча Лина я видела только фиолетовую форму. Цвета короля Маири-касса. Сразу всё стало ясно: увидев, что чудовище исчезло, король с личным отрядом пожаловали проверять.

Лин коротко выругался. С видимым усилием вернул себе прежний, человеческий облик и бросил на меня быстрый взгляд:

— Я не могу обратиться здесь. Ты можешь погибнуть под обломками. Иди назад, спрячься.

Я кивнула, подавив желание перекрестить его. Отступила, и что-то меня словно дёрнуло. Кабинет же совсем рядом, если Лин превратится в того же огромного дракона, которым был, соседнее помещение вряд ли можно считать безопасным убежищем. Он разнесёт своим туловищем половину дворца.

— Иди! — прикрикнул Лин, и я уверилась в своей догадке. Он задумал что-то другое. Что-то очень опасное.

Опустила взгляд и с ужасом увидела в его правой руке пистолет.

— Лин! — я схватила его за руку, направляя дуло вниз.

— Иди, всё будет хорошо, — зашептал он лихорадочно. — Они не знают, что у нас есть оружие, их амулеты работают только против магии. Я убью его с одного выстрела. Иначе это верная смерть, они возьмут нас числом или осадой.

Лин бережно отодвинул мою ладонь и передёрнул затвор. Я вздрогнула от сухого щелчка.

В следующий миг с силой Лин толкнул меня назад и вывернулся из-за угла. Прогремел оглушительный выстрел. Не удержавшись на ногах, я упала, ахнула, видя, как Лин с торжествующей улыбкой нырнул снова под защиту стены — и вдруг выдохнул, схватился за грудь и пошатнулся. Пистолет выпал из его руки и завертелся на полу.

— Лин! — я бросилась к нему.

По коридору снова пронёсся залп магических стрел, слышались крики: «Король!». Но меня это не волновало, я приникла к Лину. Внутри у меня всё помертвело, когда я увидела, что в его груди, как

раз там, где находится сердце, торчит оперённая фиолетовыми перьями стрела.

— Ли-и-и-ин!

Накатила такая острая, резкая боль, как будто это ранили меня. Перед глазами потемнело, я хватала воздух ртом и не могла вдохнуть. Господи, нет, Лин не может умереть. Только не мой Лин.

Но он не открывал глаз, а его грудь не поднималась.

Я вскинула голову и издала пронзительный вопль. Без смысла, просто крик, безумный, звериный крик боли. А потом боль превратилась в яростное желание уничтожить тех, кто посмел. Я взревела, чувствуя, как меня переполняют отчаяние и ненависть. Коридор вдруг стал маленьким и тесным, стены затрещали. Я ринулась вперёд, туда, где ждали враги.

В сознании билась одна-единственная мысль: отомстить. Убить тех, кто поднял руку на моего избранника, разрушить здесь всё до основания, испепелить, растоптать. Мелкие фигурки, кидавшиеся врассыпную от огня из моей пасти, казались муравьями и не вызывали ни малейшего сочувствия. Мешавшие обломки стен, сваи, мебель я сносила взмахом огромной когтистой лапы, а на летевшие в меня магические стрелы обращала не больше внимания, чем на мошкарку.

Я не знала, сколько прошло времени, остервенело крушила и убивала, пока стрелы не перестали лететь, а оставшиеся в живых людишки не разбежались, оставив среди обломков труп богато одетого человека с завитыми до плеч локонами и кровавой дыркой во лбу. Тех, кто не успел сбежать, я с нескрываемым удовольствием поджарила и передала.

А потом почувствовала нечто вроде зова — слабого, едва уловимого, но бесконечно родного зова — и метнулась назад. Лапами разбросала обломки и увидела его — по-прежнему со стрелой в груди, мертвенно бледного, умирающего. Я облизала его, будто этим могла заживить его раны, но стрелы не коснулась, инстинктивно опасаясь выдёргивать её.

Вместо этого послала сильный мысленный зов: «Изменись. Измени своё тело, стань большим и сильным, как я».

В сознании билась одна мысль: он жив. Он всё ещё жив, и если сейчас обратится, есть шанс, что он спасётся.

Всё моё существо обратилось в мольбу. Я просила, требовала у небес, чтобы они даровали мне, нам, это чудо, готова была зубами выгрызть его жизнь у пожелавших забрать его богов, рычала, выла, стонала. Молила.

И моё сердце, часть моей души открыл мутные от боли глаза. Не удивился нависшей над ним морде, посмотрел мне в глаза. Его тело покрылось чешуёй, пальцы заострились, превращаясь в когти, затем Лина окутала дымка, формируя панцирь. Несколько секунд, и рядом возвышался огромный дракон, почти в полтора раза больше меня — но беспомощно лежащий на боку.

Я взвыла, призывая его. С остервенением стала облизывать морду, шею, то место, где в его человеческом облике торчала стрела — в драконьем её не было, и я надеялась, что преобразование заживило ткани.

Лин открыл мерцающие сапфиром глаза и зарычал. Словно отзываясь на это, перекрытия затрещали, и под нами обрушился этаж.

Я взлетела, следом за мной взлетел Лин — с большим трудом и явной болью, я чувствовала её запах. Но он всё же летел. Поначалу еле взмахивая крыльями, больше паря в восходящих потоках, а потом, по мере того, как мы удалялись от столицы Маири-касса — всё увереннее и ровнее.

Я периодически посылала в его сторону волны тревоги, но каждый раз от Лина возвращалась волна спокойной силы, и у меня становилось легче на душе. Через некоторое время Лин нагнал меня и боднул мощной головой. Я ответила тем же. Это был максимум ласки, который был нам доступен сейчас, в полёте, но сердце всё равно затопила невыразимая нежность. Мой супруг, моя жизнь летел рядом со мной. В глазах Лина я видела отражение собственных чувств.

Он жив. Лин жив, и я жива, мы выбрались из западни. И я, в облике драконицы, лечу высоко над землёй, размеренно махая крыльями.

ГЛАВА 35.

Было очень странно чувствовать себя драконом.

Моё сознание словно разделилось надвое. Основное, звериное, управляло телом, откуда-то безошибочно зная, куда именно нужно лететь, а второе, человеческое, предавалось то ликованию, то ужасу, воображая, что я застряла в драконьем теле навечно. Мне с огромным трудом удалось успокоить себя, решив, что сначала нужно добраться до дома. До Скалистого Гнезда.

Под нами тянулись белые равнины, чёрные леса, иногда появлялись сверкавшие на белом полотне, как драгоценные камни, города. Я никогда не видела землю с птичьего полёта, только на фотографиях, но сейчас высота ничуть меня не пугала.

Поначалу я боялась, что Лин устанет, но ни он, ни я сама не подавали признаков усталости. Мы летели всю ночь и прибыли как раз к утру, когда справа и сзади на небе вскрылась серо-розовая полоса восхода.

Нас ждали.

Стоило появиться в небе двум драконам, как город взорвался торжественными криками, магическими хлопучками, рассыпающимися искры — здешним фейерверком. Народ приветствовал своего правителя, ожившую легенду. Казалось, все обитатели Скалистого Гнезда вывалили на улицы, крыши и балконы — и вопили, стучали, орали — так, что даже в огромной небесной вышине до нас доносились отголоски их радости.

Мы сделали круг почёта над городом, а потом приземлились на горы рядом с замершей навеки статуей Великого Прародителя. Я с гордостью отметила, что Лин не уступал ей размерами.

Обратное преобразование произошло в два этапа: сначала наши драконьи тела уменьшились, превратились в почти человеческие, а потом, медленно, начал исчезать гребень, чешуя, когти и прочая красота. Я краем мозга отметила, что одежда осталась на нас, как будто драконьи тела лишь окутывали наши человеческие.

Не дожидаясь конца преобразования, Лин схватил меня в объятия, а я тут же стала ощупывать и рассматривать его рану. С облегчением выдохнула, увидев там чистую гладкую кожу.

— Всё хорошо, моё сердце, — Лин перехватил мою руку. — Ты вовремя сообразила, что нужно переродиться. Драконье тело перемололо древко в труху.

На меня навалилось осознание. Он чуть не умер, а я превратилась в дракона. В дракона! Почему я? Это что, передаётся половым путём?

— Господи, Лин, — меня затрясло от нервного смеха — а потом от запоздалого ужаса, когда я ещё раз подумала, что чуть было не потеряла его. — Больше никогда не рискуй так!

Он серьёзно кивнул:

— Я совершил ошибку. Слишком сильно высунулся и недооценил меткость их стрелков. В следующий раз я буду вернее оценивать ситуацию.

В следующий раз! Я даже не стала больше ничего говорить. Надеюсь, когда-нибудь он поймёт, что его жизнь принадлежит уже не только ему.

Взявшись за руки, мы пошли вниз — и увидели, как навстречу поднимается многолюдная делегация встречающих. Заметив нас, они враз опустились на колени, и только один человек вышел вперёд и склонился в быстром поклоне. Выпрямился — и улыбнулся.

— Хайден!

Никогда не думала, что когда-то эта неприветливая физиономия обрадует меня так сильно.

Чародей Скалистого Гнезда подошёл ближе и, окинув быстрым взглядом наши сплетённые руки, произнёс:

— Добро пожаловать домой, ваша светлость... и ваша светлость. И... мои поздравления.

Мы с Лином переглянулись. Он пожал плечами и улыбнулся как ни в чём не бывало. Я с подозрением уставилась на его невинное лицо, а потом на невозмутимое — Хайдена.

Что такое? Почему Хайден называет меня «ваша светлость», а не «ваша милость», как раньше? Это он потому, что я тоже стала драконом? Или... видит, что мы нарушили обет? Точнее, я, потому что

Лин никаких обетов не давал.

Я почувствовала, что краснею. Но Хайден, видя моё замешательство, кивнул на наши соединённые руки — и на татуировку, выглядевшую сейчас цельным узором.

— Обряд бракосочетания древних королей Маири. Это его знак.

Я чуть было не отдернула руку, но Лин ничуть не удивился и только крепче сжал мою ладонь.

— Ты знал? — спросила я у него.

— Догадывался о чём-то подобном.

Я ткнула его в плечо свободной рукой:

— И не сказал ни слова.

— Я сказал, разберёмся потом, — он усмехнулся. — Нам в любом случае придётся повторить обряд по нашим обычаям.

Я несколько долгих мгновений молча смотрела на него, не зная, что сказать. Лин был ничуть не обескуражен, как будто так и должно было быть. А я не могла прийти в себя. Я замужем за Лином? Это из-за секса на том алтаре?

— Идём, — он мягко потянул меня вперёд. — Я хочу вымыться и поесть.

Хайден посторонился, пропуская нас, и пошёл по правую руку от Лина, немного позади. Толпа снова взорвалась приветственными криками, когда Лин махнул им и кивнул, позволяя подняться. Из первых рядов ко мне кинулась Элле. Её личико сияло.

— Ваша милость! Ваша светлость! — она запнулась, а потом радостно заключила: — Ваши светлости!

О боже, по-моему, появление двух драконов все заинтересованные лица истолковали однозначно. Что ж, раз мы с Лином всё равно теперь женаты, это должно укрепить моё положение. Не знаю, почему я стала драконом и надолго ли у меня останется эта способность, но даже одно такое превращение наверняка подняло мой статус до невероятных высот.

— Мои люди днём и ночью вели наблюдение за подступами к Аэлину, так что я заранее знал, что вы летите, — негромко рассказывал Хайден, пока мы спускались к городу. — Оповестил старших из «ястребов» и городского главу. Правда, я не сразу понял, почему драконов двое. Но теперь понимаю.

Мы с Лином обернулись к нему одновременно:

— Почему?

Хайден окинул нас быстрым взглядом и уставился прямо перед собой.

— Я слышал, в подземельях замка Маири ещё хранится их древний алтарь. Если обменяться на нём брачными клятвами, брачующиеся получают доступ к силам друг друга, дар как бы делится надвое. При условии, что их чувства истинны и взаимны. Если нет, то всё получает только мужчина.

Мы с Лином снова переглянулись. Я посмотрела на него со смущением, но Лин только притянул меня к себе на ходу и поцеловал в макушку.

Так вот что это было. Алтарь для бракосочетания. Вот почему он так усиливал влечение. А Румен, значит, ухитрился приспособить его для собственных нужд. Если бы он овладел бы мной на этом алтаре, то получил бы мою магию. А потом, скорее всего, отдал бы меня воинам в качестве игрушки или оставил бы себе для экспериментов... и развлечения.

Хоть Румен и был уже мёртв и ничем бы не смог мне угрожать, меня всё равно передёрнуло.

— Но это тогда значит, что я теперь в любое время смогу стать драконом?

— Думаю, да, — кивнул Хайден. — Я найду всё, что известно об алтаре и его действии, и представлю данные вашим светлостям.

Я постеснялась задать вопрос, который беспокоил меня больше всего. А что насчёт детей? Ведь когда-нибудь они у нас появятся. Получат ли они способность обращаться? Может, мы с Лином возродим род драконов-оборотней?

Если всё действительно выйдет именно так, Аэлин никто никогда не сможет завоевать.

— Если Ирри получила дар обращения, я получил дар её магии? — спросил Лин у Хайдена.

— Вероятнее всего, ваша светлость. Думаю, мы проведём тесты, когда у вас будет время. Если вы и впрямь обладаете теперь магическими способностями, вам необходимо будет обучение

— Я должен буду дать обет воздержания? — это прозвучало почти с ужасом.

Я не выдержала и тихо захихикала.

— Думаю, мы сможем обойтись отказом от мяса или вина, — деликатно ответил Хайден.

— Нечестно! Нужно отказываться от самого важного!

— Ирри! — а это — с явным предостережением.

Мы поднялись в покои Лина, толпа позади незаметно рассеялась, оставляя только самых важных лиц города, которым кровь из носу необходимо было получить одобрение герцога по срочным вопросам. Я подозвала секретаря Лина и строго-настрого велела ему разобраться, где действительно срочные вещи, а где те, которые могут потерпеть, и беспокоить его светлость только после ванны и сытного завтрака.

Секретарю и мысли не пришло в голову усомниться в моих полномочиях. Он кивнул и сразу отправился выполнять.

Следующим я нашла мальчика-адъютанта и приказала подготовить ванну и завтрак. И тот тоже с готовностью поклонился:

— Будет сделано, госпожа герцогиня.

Ух ты. Похоже, все, кроме меня, в курсе, что могут обозначать парные татуировки. Или моя способность обращаться. В любом случае, пока что мой новый статус мне скорее нравится, чем нет.

Тем временем Лин, опустившись в кресло, говорил Хайдену о дальнейших планах:

— Вытащу из Раты, куда именно он приказал перевезти оружие. Заберём. Потом нужно будет понять, кто наследует трон Маири-касса. Помнится, у короля было несколько сыновей, старший, кажется, командовал армией. Если он выжил, заставлю подписать мирный договор от имени нового короля.

Хайден кивал, а я вдруг вспомнила о том, что ещё нужно сделать в Маири-кассе.

— Ой, Лин! Твоя сестра! Она не погибла, а в плену у короля. Нам нужно найти её.

— Иннели жива? — во взгляде Лина появилось смятение. — Ты уверена?

— Король с Руменом об этом говорили при мне, так что да, уверена. Вот только они не сказали, где именно держат её.

Хайден почему-то улыбался.

— Нет нужды искать её светлость.

Мы с Лином посмотрели на него одновременно. Хайден повернулся в сторону внутренней части покоев и негромко сказал:

— Ваша светлость, вы можете войти.

Портьера колыхнулась, и из-за неё выглянул Андирн. Я с недоумением смотрела на его стриженую макушку и почему-то виновато-испуганное лицо. Неужели Андирн что-то знает о сестре Лина? Они знакомы?

— Нели! — Лин вскочил, но сразу остановился, как будто опасался приблизиться. У него было лицо человека, который не может поверить тому, что видит.

Андирн на краткий миг смущённо опустил глаза:

— Я правда думала, ты самозванец. Иначе дала бы знать о себе раньше.

Я поднесла руку к горлу, которое вдруг сжалось, не пропуская ни звука. Лин покачнулся вперёд, с усилием сделал шаг. Андирн несмело потоптался на месте, а потом с тихим писком и мокрыми глазами кинулся Лину в объятия.

Я смотрела, как мой любимый человек обнимает моего найдёныша, и впервые видела, насколько они на самом деле похожи.

— С ума сойти... — меня одолела внезапная слабость, и я опустилась в ещё тёплое кресло Лина.

— Её светлость сумела бежать из замка под Маири, где её держали взаперти, — пояснил Хайден. — Полгода скиталась по Маири-кассе, затем прижилась в столице.

— Так вот почему король так шикнул, — медленно произнесла я, вспоминая. — Они уже знали, что она бежала, но не хотели, чтобы об этом узнал кто-то ещё.

— Скорее всего, они планировали выдать за её светлость подходящего возраста и происхождения самозванку, — Хайден кивнул. — Думаю, канцлер Рата с удовольствием предложил бы на эту роль свою дочь после того, как стало ясно, что выдать её замуж за его светлость Линдена не выйдет.

— Это Рата предатель, — вмешался Андирн... Иннели. — Я видела, как он открывает тайный ход, по которому потом поднялись наёмники Маири-касса. Тогда я не обратила внимания, а потом, когда увидела, как из него появляются вооружённые люди, было уже слишком поздно.

Лин с Хайденом переглянулись. Я с содроганием увидела мрачную усмешку в глазах у возлюбленного супруга и подумала, что канцлеру теперь не поздоровится.

— Как же ты осталась в живых? — спросил Лин у сестры.

Та пожала плечами:

— По-моему, они с самого начала не хотели убивать меня. Оглушили, я упала, пришла в себя и увидела, как ты падаешь, а кровь хлещет фонтаном. Я думала, тебя убили.

— А я думал, что убили тебя. Святые небеса, — Лин ещё раз обнял Иннели. — До сих пор не могу поверить, что ты действительно жива.

— Ага, тем более в таком виде, да? — засмеялась она.

— Господи, Андирн... то есть Иннели... как же ты одна бродяжничала, девушка, на улице? — я всё же не удержалась от упрёка. — Почему ты сразу мне не сказала?

Я, конечно, сама хороша, но меня извиняет то, что девочка ещё совсем не сформировалась и действительно выглядит, как мальчишка. В штаны я Андирну не заглядывала.

— Ты же не сказала мне, что ты моя невестка, — возразила Иннели, лукаво кося на меня синим глазом. — Ты правда из Ивикании?

Я поймала смеющийся взгляд Лина и махнула рукой:

— Это долгая история. Но я обязательно всё расскажу. С самого начала.

ЭПИЛОГ.

С новой террасы, пристроенной к нашим с Лином совместным покоям, открывался отличный вид на город, запертый между скалами, дозорную башню и новую башню телепортации, которую называли Клык Дракона. Хайден последнее время проводил только там, доводя до ума жемчужину своей души, сеть порталов по всему Аэлину.

Я пошевелилась на диванчике, устраиваясь поудобнее. Поясница опять разболелась, никак не удавалось найти хорошее положение. Поскорее бы уже родить, хоть узнаю, кто там, мальчик или девочка. До магического УЗИ руки у Хайдена пока не доходили, одна надежда, что Иннели заинтересуется вопросом.

Вообще, мне казалось очень несправедливым то, что при умении обращаться в дракона (и при драконьем папе) вынашивать и рожать приходится совершенно по-человечески. Нет чтобы яйца отложить и тихонечко их высидывать, меняясь с супругом при необходимости.

Представив, как мы с Лином кукуем в пещере, девять месяцев подряд оберегая огромные яйца, я рассмеялась. Увы, драконы тут, как выяснилось, живородящие. Наверное, потому, что супруга Великого Прародителя была человеком.

Лин... Удивительно, мы четыре года как женаты (включая обряд по обычаям Аэлина, состоявшийся потом в Скалистом Гнезде), а до сих пор, стоит только произнести его имя, пусть даже про себя, как накатывает тёплая волна. Мой Лин. Моё сердце.

И пусть он по-прежнему младше меня и всегда будет младше, и я периодически ловлю себя на

мысли, что с высоты моих двадцати семи его двадцать три кажутся мне очень юными, так же, как в двадцать три мне казались юными его девятнадцать. Но большую часть времени я об этом не вспоминаю. Большую часть времени он правитель, владыка, строгий, но справедливый — и только когда мы оказываемся наедине, можно увидеть домашнего расслабленного, и правда ещё совсем молодого Лина.

В этот момент он, лёгок на помине, сам появился на террасе. При взгляде на него сердце привычно ёкнуло. Большой, широкоплечий, сильный — безумно красивый и безумно влекущий, мой драгоценный муж.

Милина вертелась на его плече, о чём-то спрашивала звонким голосочком. На здешнем языке — мы с Лином сразу договорились, что будем обучать детей и аэлинскому наречию, и русскому. Лишним не будет. Вот и вышло, что со мной она говорила по-русски (если это можно было назвать разговорами), а с ним — только по-аэлински.

Милина вышла совершенно аэлинской девочкой, ничего от меня, как будто и не я её родила. Только если поставить её рядом с другими детьми того же возраста, тогда заметна разница: чуть мельче, кожа блеее, волосики и глазки чуть светлее.

Я погладила живот. Хорошо бы второй родился мальчик. А то вроде как наследник нужен. Никто вслух не говорит, Лин твердит, что успеется, но мне самой хочется пораньше. Бывают же семьи, в которых пятеро детей — и все девочки.

Я мысленно сплонула и постучала по дереву.

Придерживая егозу, Лин опустился рядом:

— Не слишком много торчишь на солнце?

Я пожала плечами:

— Под зонтом же.

Погода стояла почти летняя, жаркая. Скоро придётся целыми днями поддерживать в покоях знак Холода. А пока — в самый раз посидеть под тентом на террасе. Под тентом потому, что белая кожа среди смуглых аэлинцев очень ценилась, да и ультрафиолет здесь, в горах, был очень силён.

Милина потянулась ко мне с требовательным:

— Мама!

Пришлось взять на руки, но долго эта егоза сидеть спокойно не могла. Несколько минут — и уже соскочила, побежала к перилам.

— Лин, — с тревогой попросила я.

— Не волнуйся, я слежу за ней.

Лин и правда сидел наклонившись вперёд, готовый вскочить, как только Милина попробует забраться на высокие перила. У неё, конечно, всё равно ничего бы не вышло, подходы защищает заклинание, но у меня сердце было не на месте, когда она подходила к краю.

Но Милина просто встала на четвереньки на свободном месте, напыжилась, напряжинилась. Кожа потемнела, покрываясь чешуйками.

Пытается превратиться. Мы с Лином молча наблюдали за этим зрелищем.

Хайден утверждал, что лет до пяти-шести детки будут оставаться в том облике, в котором родились. Что я буду делать потом со своевольным маленьким дракончиком с полцентнера размером, я не знала, но придётся как-то справляться. Хорошо, что замок строился с учётом того, что по нему будут бегать драконьи детки. Хайден сказал, что ему ничего не станет, даже если взрослый дракон приземлится на одну из башен.

Но проверять мы это не будем.

Лин, не отрывая взгляда от егозы, положил руку на мою. Я перевернула ладонь, наши пальцы привычно переплелись, по телу пробежала дрожь. Даже сейчас, после нескольких лет вместе, я продолжала таять от каждого прикосновения.

Подул свежий ветерок с гор. Как же хорошо. Свободной рукой я погладила живот. Выбирайся скорее, малыш, мама с папой хотят тебя увидеть и зацеловать. И показать этот огромный и прекрасный мир.

За эти четыре года Аэлин отстроился, отпраздновали много свадеб, во многих семьях появились малыши. С Маири-кассом заключили пакт о ненападении, в склады вернулось всё огнестрельное оружие, которое уплыло стараниями Раты. Постепенно люди начали верить, что война и впрямь закончилась. Что в ближайшем будущем угрозы нет.

Но мы в Скалистом Гнезде старались не терять бдительность.

Кстати, говоря о браках — Варрен тоже женился недавно. На симпатичной вдовушке-цветочнице из местных. На свадьбе гулял весь город — да и неудивительно, когда речь идёт о правой руке самого его светлости.

Элле тоже выскочила замуж, ещё пару лет назад. И тоже за одного из «ястребов». Пришлось заставить её временно уехать в его замок, а то больно было смотреть, как она пытается таскать тяжести на шестом месяце беременности. Элле писала оттуда слёзные письма, сокрушаясь, что другая горничная заняла её место при мне, и грозясь вернуться, как только малыш немного подрастёт. Если честно, я сама ждала этого с нетерпением, Элле мне по-настоящему не хватало.

В остальном всё у нас шло неплохо.

Вот только обучение чародейству ни у меня, ни у Лина особенно не продвигалось. Слишком много было забот и хлопот. Мне, совершенно непривычной к роли герцогини, на первых порах приходилось туго.

Зато Иннели училась магии вовсю. Хайден смеялся, мол, метит на место главного чародея вместо него. А Иннели уже семнадцать, от политического брака она отказывается всеми силами, хочет сама выбирать. Правда, один из «ястребов» на неё очень жарко поглядывает, так что посмотрим-посмотрим.

МиLINE надоело играть в одиночестве, и она снова прибежала к нам. Я протянула было руки ей навстречу, но егоза, хитро ухмыльнувшись, забралась на коленки к папе.

Ну вот, только недавно родилась, казалось бы, а уже кризис трёх лет?

Лин подкинул её, вырывая из маленького тельца россыпь звонкого смеха. Усадил на колено и начал покачивать, придерживая одной рукой. Второй обнял меня, придвинувшись ближе. Шепнул, касаясь губами виска:

— Я тебя люблю. Очень сильно. Безумно.

От этого жаркого шёпота по всему телу прошла волна. Господи, это нечестно. Я на последнем месяце, мне уже надо поститься и молиться... в смысле готовиться и заниматься расслабляющей гимнастикой, а он тут... совращает!

Лин смотрел на меня совершенно невинно. Пришлось самой потянуться к нему за поцелуем.

Улыбка прыгнула на губы, когда Лин, не дожидаясь, пока я дотянусь, с жадностью подался навстречу. Мы самозабвенно целовались, и вдруг МиLINE стала негодуяюще стучать по рукам Лина:

— Не трогай маму, мама моя!

— Нет, моя, — усмехнулся Лин, с неохотой отстраняясь.

— Моя!

Я уже хотела было сказать им, чтобы не спорили, мама общая, как изнутри меня сильно пнули, я аж охнула. Погладила через живот наглуемую маленькую пяточку, вернее, то место, где она должна была ориентировочно быть.

— У вас ещё один конкурент на подходе, — сообщила, улыбаясь.

МиLINE ничего не поняла, а Лин посмотрел весьма многообещающе. Мол, вечером поговорим, кто чей. Наедине.

И тут меня скрутило.

Его наследная герцогская светлость юный князь всея Аэлин появился на свет в десять часов вечера, доставив массу хлопот целительнице и заставив взвиться белые праздничные флаги на всех башнях замка.

И испортил романтический вечер родителей. Совершенно бессовестно с его стороны!

Зато весь город гулял, за окнами приглушённо шумело празднество, маленький синеглазый князь

сосал мою грудь, а по обе стороны от меня сопели в четыре дырки возлюбленная дочь и возлюбленный супруг.

По-моему, это счастье.

Конец